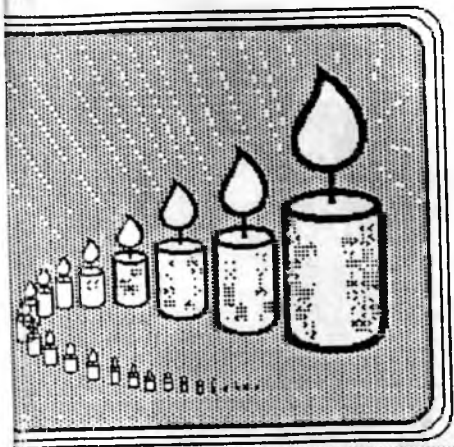

К III 1276747

Блуда

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

ВАСИЛИЙ

БЕЛОВ

на семинаре молодых
литераторов Вологды в
ноябре 1993 года

Ольга Фокина, Василий Белов, Сергей Батров и Александр Романов на семинаре.

Вадим Шегун

В архивах 8 - подробные материалы семинара молодых литераторов Вологодской области 1993 года. В данном номере публикуются высказывания Василия Ивановича Белова, прозвучавшие в ходе обсуждения рукописей.

*

... Когда шла речь об административной помощи писателям:

Ненормально жить на чьих-то подачках. Не очень хочется говорить о литературе, когда люди умирают. Зачем вообще наши семинары? Для меня все потеряло смысл после октябрьских событий в Москве, где все повернуто в прах.

*

...Когда обсуждали прозу Дмитрия Ермакова:

То, что пишет Дмитрий о самом писательстве, насторожило. Здесь не рассказы пока, а зарисовки, заготовки для серьезной работы. На рассказы пока не тянут. Есть такое явление - люди еще неопытны, не приобретено мастерство, а они уже описывают, как они пишут. По-моему, это ужасно. Это не только у Ермакова, заметно и у Жаравина. Но это же ограничение своих возможностей!

Как писал Гоголь, вы знаете? Выплеснуть на бумагу все, забыть и держать подальше. Потом через какое-то время вернуться, вспомнить, поправить, вычеркнуть лишнее, добавить недостающее... И так девять раз! Авысмогли бы так? (Общий шум.) Я вот сдал в журнал рукопись, но правил ее раза три, не более. По сравнению с Гоголем это халтура...

...Может, даже Гамзатов ошибся, что

журавли белые? В действительности ив народной поэзии журавли серые... В подстрочнике вообще, как мне кажется другое... (Ермакову) Вы сразу беретесь за такие масштабные темы - Россия, журавли, кладбище. Опасно об этом говорить тому, кто понаслышке знает все это. Вы слышали причет на кладбище? Это что-то трагическое и одновременно поэтическое. Должно быть чувство ответственности за каждое слово. У талантливой вопленицы оно возникает неизбежно...

*

...Когда спорили о фантастике:

Что фантастика? Несерьезно, как мне кажется. Не лучше ли заняться просто литературой? Ведь хуже нет жанров, чем пародии, детективы и фантастика. Это все литературные игры... Я жалею, например, что когда-то слишком много и азартно играл в шахматы.

В ответ на реплику Сергея Алексеева «Когда хорошая фантастика, не замечаешь, как время летит»:

Конечно, это просто зараза...

*

...Когда анализировали прозу

Юрия Богословского:

Если говорить о причинах писательства, то Богословский больше, чем кто-либо, имеет право писать. Он поразил меня не литературным трудом, а нравственным деланием. Я в восхищении от его нравственной работы, а как об этой работе писать,

понятия не имею.

Вообще я завидую тем, кого обсуждают. Вот из меня сделали штамп вместо того, чтобы взять и обсудить. Здесь шла речь о сочетании документального и художественного. Для меня это неразрешимая вещь. «Кануны» задумывал как художественное произведение, но наверное, это все же хроника... Можно ли сделать четкое разделение на документальное и художественное? Не знаю. Хотя наверное, это делать надо.

*

...По поводу прозы

Михаила Жаравина:

У нас войны идут везде, и в языковом поле тоже. Тысячами гибнут, теряются русские слова, иностранные плодятся, хоть отбавляй. У Даля двести двадцать тысяч слов, у Ожегова, кажется, тысяч восемьдесят, в городском просторечии до десяти, у Ельцина всего две-три тысячи слов...

Поэтому главное, что меня порадовало в жаравинской прозе - владение языком. Словарный запас у него богатый. Пусть пестрота в стиле, пусть бесовщина проверяется, хотя ее я не приемлю совсем.

Экспериментирует автор. Но сюжетом и композицией владеет. Композиция, как говаривал Леонид Максимович Леонов, это упаковка. Чем чемодан меньше и чем тяжелей, тем лучше: больше влезло. Повесть «Холостой патрен» просится в журнал «Север». Есть налет цинизма, но он и у маститых есть... В общем, я поздравляю вологодскую общественность с новым писателем - Жаравиным.

Выпуск подготовлен совместно с
Вологодской организацией союза писателей России
и
Вологодским областным отделом по делам молодежи

№6

ноябрь 1994

Содержание

Мозги зрения	32 Оботуров	Архив
2 Белов	49 Ильичев	42 О Шаламове –
4 Бараков	19 Морева	– Козьявкин, Дулов
5 Вакомин		42 О Белове – Вакомин
32 Балакшин		44 О Решетове – Сопина
4 Адлер	55 Леднев	46 Вологодская
6 Горяева	6, 54 Фокина	библиография
7 Жаравин		
47 Жмайло		Обзор книг
48 Козловский		55 Кунова, Мишенева
53 Криницын		56 Плотникова 55 Мокиевской
20 Сидорова		54 Широглазова 55 Максина
10 Чурбанова		56 Эфа
16 Широков		22 Янковкий 57 Тайгановой
18 Фурман	8	47 Че 26 Плотников
	38	реповец 30 Жаравин
Головина	Лите- ратура в школе	50 Липин 32 Щекина
12 Баранов		Бор
24 Островский		50 Санкт- <i>Ленинград</i> -Петербург
Критика	40 Шекспир и мы	Проза
Чтение		Короткие

© "Свеча" Редактор Галина Щекина .
Оригинал макет - "Свеча"
Техническое содействие- Владимир Муров,
тел: 5-48-11, 2-02-29.
На обложке графика Татьяны Тайгановой
Рукописи рецензируются и возвращаются.

Адрес редакции 160000, г.Вологда,
ул.Козленская 40, 4. Тел: 5-41-74
Цена договорная. Заказ N Тираж 1000 экз.
Номер подписан в 21.00.
Время подписания 21.00.
Регистрационный номер Т-0219.

ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ – ОДНО

Наталья Адлер

Меня попросили написать о поэзии... О молодой поэзии. Свежей! Зеленой!

Попросили, как водится, понадергать строчек из кудрявых вишней, одного малого пожурить, другого пристыдить, а может, кое-кого по головке погладить снисходительно. Уже было наострился и я сам, и перо свое к славному делу приготовил... Но вдруг остановился, замер как вкопанный. Потому что вспомнил: "Не судите, да не судимы будете..."

Что такое поэзия? Искра Божья? Вдохновение? Любовь? И можно ли стать поэтом? И в каком возрасте? Все эти вопросы из разряда вечных и неизменных. И отвечать на них, между прочим, обязательно. Да и как ответить, если:

"Оне присутствие Создателя в создании –
Какой для них язык? Горе душа летит,
Все несоятное в единый вздох теснит
И лишь молчание понятно говорит."

Эти строки написал в августе 1819 года Василий Андреевич Жуковский. И тогда другой русский поэт Константин Николаевич Батшков обронил вроде бы мимоходом:

"Их выразить душа не знает стройных слов,
И как молчать об них – не знаю."

"Невыразимое подвластно ль выражению?.." – о несовершенстве человеческой речи сокрушались и Батшков, и Жуковский.

"С тех пор они ведут незримый диалог,
Где вечность и судьба – почти одно и то же,
Где души так близки и голоса так схожи,
Где царствует любовь и где сияет Бог."

Поэзия – не наука, она не признает границ человеческой мысли, и не искусство – слишком узок круг знающих ремесло стихотворцев и уж конечно, не рифмованные строчки – "Мертвые души", как известно, поэма. Поэзию нельзя пересказать, потому что "жизнь и поэзия – одно" (В.А. Жуковский).

Поэзия – это правда. Высшая правда жизни. "Правда выше Пушкина, выше России", – говорил Федор Михайлович Достоевский. И отношение к ней должно соответствовать ее значению. Но:

"По жизни так спешит горячность молодая,
И жить горюжится, и чувствовать спешит!" –

отметил мудрый Петр Андреевич Вяземский опять же в 1819 году (!).

И как же потом бывает стыдно... Александра Сергеевича Пушкина всю жизнь терзала совесть за прех горячности и молодости – "Гавриладиу". Николай Алексеевич Некрасов своей первый сборник стихотворений – "Мечты и звуки" – шлетно пытался уничтожить, лжкоралочно выкупая тираж у книготорговцев. Сергею Александровичу Есенину пришлось "подправить" себе возраст в автобиографии, чтобы скрыть подростковый психический провал в Петербурге...

Поэзия – сестра гармонии. И поэтому сочинитель должен сам убирать из текста фальшивые ноты.

И наконец, поэзия – это душа. А душу мы вверяем Богу... А о поэзии я все-таки напишу. Но – в другой раз.

Виктор Барakov

Архив автора

Автор о себе

Родилась в 1962 году в Новгороде. Жила сначала под Кич-Городком, с шестого класса в Вологде. Стихи пишу десять лет, считаю, что имею право писать, хотя в поэзии ретроград, не приемлю вывертов. А псевдоним взяла в память о бабушке.

Семинарские рецензии

Ольга Фокина:

"Десять лет писать – это очень важно... На слух чувствуется прошлый век и даже некая салонность – "сапфир, зефир, лютни"... Некоторые стихи очень выразительны, но я бы посоветовала мостик в современность. Далеко все это от действительности."

Виктор Коротаяев:

"...Вдумчивая поэтесса, но иногда ей недостает глубины, анализа, есть налет банальности. Может быть – излишняя книжность."

Юрий Леднев:

"Удивительные она делает концовки – "Сумерки", "Молодая Марина". Есть хороший фундамент, а стены пока еще не очень. "Адлер" – тут есть какая-то поза. А в общем ее

стихи мне imponируют, в чем-то неприятательные, но согревают душу."

Александр Романов:

"Читал стихи Натальи Адлер с теплым удивлением, очаровала поэзия ушедшего, попытка через красоту прошлого найти свой путь и обозначить свои ценности. Душа автора звучит поэзией и и надо постараться не потерять искру дарования. Приветствую стихи исторического плана, переводы из Гете, Овидия, Гомера, все это правомочно, читайте, что хотите... Но пора и в грешный мир выходить..."

Наталья Сидорова:

"С радостью представляю стихи вологжанки Натальи Адлер. Надеюсь, что внимательный и добрый читатель оценит сочетание изысканности и простоты, стремление сохранить красоту, цельность мироощущения и чистоту человеческих чувств."

Сумерки

Эта близкая луна –
Голубых морозов зелье,
Снег тончайшей канителью
Закрывает пол-окна.

Очертаний смьт рельеф –
Купола слились с
пространным
Небом, бледно-осиянным,
Солнце тает, охладев.

Этот сумеречный срок –
Единенье двух печалей,
На плечах своих качает
Добродетель и порок.

И в назначенный узор
Собирая Свет и Тени,
Всеобъемлюща как гений,
Ночь возводит свой
Собор!

И срываая голос, снег
Иступленно вторит Ночи,
Надрывается, пророчит –
Темный Город, Темный
Век...

*

Виктор Барakov родился в Великом Устюге в 1961 году. Закончил Альгейский педагогический институт. В настоящее время работает на кафедре русской литературы в Вологодском педагогическом институте. Автор работ: "Чувство земли: почвенное направление в русской советской поэзии и ее развитие в 60-90-е годы", Кызыл, 1991 г., "Лирика Николая Рубцова", Вологда 1993 г.

"Poetry has never happend" – WYSTAN HUGH AUDEN

("Поэзия ничего не совершает" – УИСТАН ХЬЮ ОДЕН,
английский поэт)

"Поэзия – производство. Труднейшее, сложнейшее, но производство" –

Владимир Маяковский,
русский советский поэт

Места тихи и дышат древним раем

(Батюшков)

Так, осененный рифмой, в час труда
Над деревенькой видел свет Эллады.

Крестьянка жнет и покоряясь ладу
Ее руки, стгибаются хлеба.

Сиринги звук и странный хохот Пана
Над северными водами, туманом

Живут и эхом просятся в стихи.
И сад прекрасен. И места тихи

И дышат древним раем, не обманом,
Не сном, не романтическим стихом.

Вот граций покровитель - старый дом
Поэта дразнит ароматом пряным

Распиленного дерева, хвои...
Где Лары знают норочки свои.

Апрельским утренним дождем
Забрызган коврик на балконе.
Десятый час! Все монотонней
И резче звуки... Рифме «ждем»
Не терпится промокнуть, что-ли?
Нет у меня сегодня воли -
Ей дождь желанный отдаю.
Я снова в комнатном раю:
Блестит хрусталь. Четвероногий
Под скатертью томится стол.
Мой мир - придирчивый и строгий -
Сей дождь в смятение привел.
Открою дверь - балкон сверкает,
Перила в каплях! Яркий свет
Меня за леность укоряет...
Мне тридцать лет, мне тридцать лет!

Молодая Марина

Что движет пером -
Желанье, слова?
Иду напролом -
Грустна ль, весела...
Что движет пером -
Рассвет или Ночь?
Ни Злом, ни Добром
Узнать не помочь.
Бумага бела -
Что твой лепесток:
Лилея цвела,
И красен Восток...
Узор из словес
И мыслей сумбур:
Как будто бы Вес,
Как будто Амур.

(К портрету поэтессы А.А.)

Твой египетский профиль чуден:
Что-то древнее как века.
Нефертити истошных буден,
Ты - прохлада из родника!

Ты загадочно непонятна -
Выгнут нос горбинкой царей,
И спускаются бусин пятна
По усталой руке твоей...

Та мысль печалит, что любовь ушла
В прошедшее, в бывшее наше лето.
Тоска по ней - тоска жены бездетной
У очага, в котором нет тепла.
Когда б я словом удержать смогла,
Смириться с этой участью суетной!
Напрасно: в жертву мысли трафаретной
И пошлости летит ее зола.
Да будет с нею мир! С моей любовью! -
В ее теплице грез былых цветенье -
Я так хочу и пониманья жду.
А если нет его - то хоть прощенья.
Но не от тех, кто предавал злословью,
Не от того, кто вверг меня в беду.

А за белой занавеской
Притаилась ночь.
И соблазнов танец дерзкий
Мне не превозмочь.
Там в траве, кустах и листьях,
И везде, во всем
Не смолкает летний, чистый
И беспечный звон.
Мириады разных звуков
Будят вихри чувств,
И слова тоски и муки
Не коснутся уст...

Вслед бабочке, летящей вдоль аллеи,
В тени каштановой укрывшись от жары,
Я не спешу. Слова мои щедры
И мысли легкие крыла ее белее.

Среди толпы нарядной (Вавилон
Да завистью исполнится законной!)
Обилье лиц! В горах, как в царстве оном
Свой ход замедлил Маятник Времен!

И бабочка моя над розами и зноем
Ликует белоснежностью крыла.
Когда б она нам принести могла
Покой и мир! Но лишь глаза закрою,

Не бабочка мне видится - скала
И человек, лежащий под скалою...

Мой сын, мой мальчик, корешок
Большого дерева.
Пока еще величиной с листок
Ладонка левая,

Прозрачны пальчики твои
И руки-веточки...
И шаловливы как ручки
Забавы деточки.

То заупрямишься дубком,
То льнешь травинкою -
Как мне войти в твой странный дом,
Какой тропинкою?

Каких - мельчайших - не вспугнуть
Пичуг ликующих?
Тебе я помогла вздохнуть,
Чем помогу еще?

тихи Ольги Гаряевой кратки, в основном 8-12 строчек и все. Похожи на капли воды, стекающие с сосульки. Сосулька - жизнь. Лед, твердь, холод. Но повеяло с юга теплом, погрело подольше полуденное солнышко и повисла капля на ледяном кончике: сверху тонкая, книзу круглее, веселее. Кап! - упала. И набегают новая, сверху тоненькая, книзу круглее... Кап! Кап! Живая вода. Основа жизни. Много ли в капле чего-нибудь «этакого»? Никто и не задумывается, никому и дела нет, если не капнуло за воротник, не потекло ознобно по спине. Но будут - ручейки, будут - реки. Будет весна. И какая-то, пусть малая часть расстаявшей сосульки просочится в земные глубины, соединится

Ольга Гаряева

Было утро, падал снег,
шел по снегу человек
и на каждом на шагу
след печатал на снегу.
Он унес какой-то свет.
Вроде жаль, а вроде нет,
мне самой пора уйти:
нам давно не по пути.

Зима, зима, зима, зима...
Стоят печальные дома,
грустят по шелесту листы.
А почему печален ты?
Забудь про все и не грусти.
Не надо прошлое трести,
ведь от тьрымы и от сумы...
И я добавлю, от зимы...

К

Мне не надо долго ждать,
сидя у порога.
Завела ко мне опять
гъльная дорога,
но кого - не разберу:
князя ли, купца ли?
И не вспомню поутру,
как же гостя звали...

Тишина, тишина, тишина!
Напились разговоров до дна,
и для счастья великой страны
не хватает теперь тишины.
Да и нам - разобратся в себе -
тишины не хватает в избе...

Ох, недолго я резвилась,
шла с синицею в руке!
Я, когда с тобой простилась,
слезы скала в кулаке.
Только месяц ясногогый
путь -дорогу указал,
сивка-бурка быстротогой
мне подковы показал.
Что ж, скажи, судьбой водимый,
счастья хрупкого ловец!
У дороги все едино:
что начало, что конец.

Черная ворона, красная рябина,
на снегу на белом горькая судьбина,
горькая судьбина на снегу на белом.
Проходи, прохожий, занимайся делом.
Ничего не надо. Проходи, прохожий,
иногда и людям выпадает то же.

О нем говорили: чудак!
В деревне он жил нелюдимо
и к миру бездомных собак
любовью пылал негасимой.
Но жизнь чудачков не проста
и с ними обходится круто,
бросая в чужие места
судьбу ошудачивать чью-то.

Ты пришел ко мне усталый,
без воды и калача.
Сердцу сердца не хватало,
чтось таяла свеча,
чем-то мудрым, чем-то вечным
наполнящая нас.
Дайте любящим подсвечник!
Остальное - Бог подаст.

По утрам гляжу в небо синее,
по ночам гляжу в небо звездное.

с такими же упорными капельками, которые источат камень, пробиваясь к тем, кто может их испытать: к солнцу, ветру, зверю, человеку. И забьет родничок - неиссякаемый, вечный. То, что мы называем поэзией, искусством.

Что в капельках Ольги Гаряевой? Чистота, прозрачность. Прохладность разума. Искорки чувства. Сила правоты. Движение - от незначительности к весомости, тяжелее к концу.

Автору желаю только одного: чтоб побольше было солнышка на сосульку-льдину. А дальше загадывать не будем. Пока же -радостная осенняя капель. И не стоит торопить ее скорее превращаться в соленые морские брызги.

Всему свой срок.

Архив автора

П

Там звезда горит негасимая,
молодая и несерьезная.
Но на что-то сильное грозное
непреренно может отважиться.
Посмотри со мной в небо звездное
и тебе все это покажется.

Туманы, туманы над полем.
Еще не проснулась земля.
Уже озарила раздолья
тревожная песнь журавля.
Туманы, туманы, туманы...
А песня куда-то зовет.
Быть может, я выросла рано -
душа моя в детстве живет,
и там, на тропинке знакомой
она свой оставила след...
Дороги к родимому дому
короче, наверное, нет.

Хвала Дионису!
Искрится вино,
на разные мысли
наводит оно:
то хочется страсти,
то хочется сна.
На мысли о счастье
наводит весна.
Далекая греза!
Постой, не спеши,
утри мои слезы
на грани души.

Баю-баю, белый свет,
Рано смотришь на рассвет.
Баю-баю, не гляди.
Ночь, однако, впереди.
Ночь темна...Еще темней
Та, что следует за ней.

Желтое время - грустная осень.
Что мы друг другу с нею приносим
кроме печали под облаками,
кроме дождей, что ловим руками?
Что-то приходит к нам в дом

незаметно,
с рьжей листвою кружатся ветры,
нам листопадный сон навевают.
Осенью, милый, это бывает...

Мы встретились снова,
мы стали взрослее,
мы снова проходим
по старой аллее.

Осенние липы
сторели как свечи.
Мы прошлое больше
не прячем за плечи,
уже позабыты
известные фразы...
Любовь, к сожаленью,
уходит не сразу.

Поверь, поверь, совсем не стоит
искать красивые слова.
Скажи мне что-нибудь простое,
не очень громкое сперва.
От этих слов неповторимых
обида спрячет далеко.
Ах, как приятно быть любимой,
но как, однако, нелегко...

В новом доме без забот
жил да был старик Федот.
В этом доме завсегда
есть горячая вода,
телефон да телевизор -
это вам не ерунда!
Но невидимое что-то
тянет старого Федота
поселиться на селе,
на родной своей земле,
чтобы внукам - будет время -
в эту землю бросить семя,
ибо мудрость без труда
не приходит никогда.

Сдвинем волосы густые,
бросим взгляды смелье.
Дни промчались золотые,
наступили белье.
Не держу обид на праснях:
пусть тебе замечтается,
как в глазах моих опасных
снова что-то светится.

У крыльца усталый дворник
листья желтые метет,
словно песен чьих-то сборник,
потерявший переплет.
Только ветер непокорный
вьется вихрем без конца.
Отдохни, усталый дворник,
на ступеньках у крыльца.

Издадека, издадека
плывут над миром облака,
пускай разлука велика -
смешно с судьбой сражаться.
Мы много сложем пережить,
но чтось крылья не сложить,
учись, мой друг, куда жись,
за облака держаться.

Л

Не звони, звонарь, по мне,
а звони по другу,
если друга на коне
одолеет вьюга,
если вражина коня
смелого отнимет.
Кто же шапку за меня
над любимым снимет?
За покой его души
кто поставит свечи?
Черным лебедем в тиши
опустился вечер.
В этом мире жизнь - река,
мчащая по круту.
Не звони по мне пока.
Прозвони по другу.

Пусть закончится веселье
За спиной житья-бытья.
Я сварю хмельное зелье,
это зелье застыть.
Только губ его коснете -
как с невестой на коне
вы немедленно уснете.
Будьте счастливы во сне.

Журавль
Он летел, а я кричала,
что печаль моя свежа.
Я его не приручала,
пряча лезвие ножа.
Все же он меня покинул,
журавлиная краса.
Улетел с последним клингом,
больно рана небеса.

Ступеньки - вверх,
ступеньки - вниз.
О жизнь, ты - грех.
О грех, ты - жизнь.
Печаль и смех
в один клубок.
О жизнь, ты грех,
О грех, ты бог.

Не говори мне, брат, о ней,
 Не торопи отведасть воли.
 Мне в чистом поле как в неволе,
 Как в затхлой полутьме сенеи.
 Не говори меня с ответом.
 Каплетом или пистолетом.
 Не стукнут мне уже больней,
 Не говори мне, брат, о ней,
 Не торопи искать дружбу.
 Когда коню заменят сбрую,
 Он может в кровь стереться в ней.
 Да кто же станет мне родней,
 Грубей, беспечней и колочей,
 Смелей, привязанней, тягучей?..
 Поговори мне, брат, о ней...

Любимая, я умер прошлой ночью.
 Ты видела меня всего за час...
 Смотрю со стороны на глутых нас -
 Любимая, блое рвется в ключья...
 Не я сижу напротив за столом,
 Не слушай, он соврет, мы так похожи!
 Он - я, но только телом и лицом,
 А я - не я, а будто бы прохожий...
 Любимая, наутро был развод.
 Ты разводилась не со мной, а с этим.
 Он согласился - пусть теперь живет.
 А мы с тобой подумаем о детях.

Зачем мне вспоминать ее ладони,
 Глаза, улыбку, раз она ушла?
 Не стоит мстить, грозить, стеснить в погону,
 Черня ее. И так ведь не бела.
 Забыть, забыть, все попросту приснилось,
 Бредовый сон как ужасы в кино.
 Разрыв, конец - и рамка засветилась
 Пустая - незащищенным окном.
 Да что же я?.. Не сам ли воскрешаю,
 Не сам ли разжигаю этот бред?
 Сварливая! Надменная! Чужая!
 И в каждом слове как при сварке - свет...
 Потом уже без голоса «прощаю» -
 Ей - гордой, злобной, уходящей - вслед.
 И с ней, и без нее - мне жизни больше нет...

Животы сугробов похудели,
 Потемнели пояса дорог.
 Брызжет солнце целую неделю
 У прохожих прямо из-под ног.
 Девушка, шагая по аллее,
 Встречного улыбкой обожгла.
 Как она волшебна, в самом деле -
 Капелька весеннего тепла...

Еще с утра стояли враскоряку
 Два тополя, извечные остои,
 Напоминающая старую корягу,
 А к вечеру окутал ветки оым -
 Зеленый, едкий... Рвало почки с треском,
 И клювики листвы с весельем блеском
 Тянулись из скорлупок... Молодым
 Бить захотелось - вот она, нелепость -
 Дух закипает, тело будто крепость,
 Хоть разрывайся, только б стать другим...

Это дождь! Это все-таки дождь,
 А не ты, как мне верилось, плачешь,
 И несет одичалую дрожь
 Грудь аллеи, распахнутой настезь!
 А по ней, разноцветно струясь,
 Листья клена, рябины и дуба
 Замывают вчерашнюю грязь
 Возведенного мысленно сруба.
 «Это храм!» - приговаривал мне,
 Дотлевая, стручок сисареты,
 А судьба танцевала в окне,
 Обеспутев, безглазо раздета...
 И теперь я бреду под дождем,
 Согреваясь чужими слезами,
 Потому что пустыми часами
 Не спасти обездоленный дом...

Холодно. Суетно. Дико. Бездомно-пустынно.
 Бьется безумье как нервное сердце в груди.
 Все впереди - уходящее медленно стонет,-
 Все полыхает огнем у тебя позади.
 Ветрено. Клейко. Обрубки напротив окошка.
 Запах черемухи, пруд, зарыбля вода.
 Кто взбаламутит! Постой, удержишься на немножко!
 Я ли не этот, не этаким, ты ли не та!..
 Звуки подвеза. Скрипучая пристань дивана.
 Увековечьте, убейте, уймите распыл.
 Нет, меня хватит еще на глоточек обмана,
 Нет, меня хватит на что-то... На что - позабыл.

Уезжая, со мной помолчи,
 Сумасшедшая искренность яда!
 Фитилем догоревшей свечи
 Полетит за тобою бравада,
 Полетит, извиваясь змеей
 И догонит тебя за окошком,
 И поймешь - далеко не со мной,
 А со мной - далеко и немножко!
 Между нами протянется тень
 Как струна на оборванной ноте

И как раненый насмерть олень,
 Долгим криком угаснет в болоте.

Не было страсти. И ты, как в бреду задыхаясь,
 Жарко пытался не ей, а себе доказать:
 Вот захочу и любая чужая - родная!
 Ну а с родной не зазорно за стол и в кровать.
 Не было страсти. И ты под покровом одишки
 То ли за нею, а то без нее, без себя,
 Гордо вращался в миру, где ни дна, ни покрывки,
 На перекрестках любви о победах трубя.
 Не было страсти. И ты, не дойдя до калитки,
 Все осознав, наконец-то вскричал :»Не могу!»
 Домик уютный, броня горделивой улитки,
 Вспыхнул, сгорая, в чернеющем мокром снегу.

"Не говори мне, брат, о ней..."

Ты уходила, не взглянув на дом,
 Где мы насквозь друг другом пропитались,
 Где души, как тела соединялись
 И в будни, и за праздничным столом.
 Мне б кинуться бурлящей волной
 И подхватив, нести тебя обратно..
 А может - клясть, как принято - стократно,
 Чтоб помнила характер мой мужской!
 Но я стоял оглохший и немой.
 И кувиркалась раненою птицей,
 Наперекор попытке разозлиться -
 Моя любовь вдогонку за тобой...

Счастливые уходят в сильный дождь
 Под тяжесть струй, kloчочущего неба...
 Поймешь ли ты, что я с тобою не был,
 Как не был ветер пленником у роц.
 Да, он гулял, да, он срывал наряды,
 Бесился словно тысяча чертей,
 Но требовать за прошлое награды
 Не станет ни одна из тех ветвей,
 Что пала наземь и землею стала -
 Счастливая -- от смерти до начала -
 Осмысленная трепетная жизнь...
 А пики струй, меня голубя, губят,
 Пронзают беззастенчивые губы,
 И молнии, слепя, взмывают ввысь...

Но остальное - тьма и пустота,
 Прощание, скользящее с листа.

Сумбур и тамбур. Смерть и возрождение.
 Безмыслие и снова вдохновенье.
 Четвертую бессонницу подряд
 На клавишах единственного друга
 Выстукиваю ернический лаг.
 Полет. Паденье. Истина и воля.
 Сентябрь - апрель. Заснеженное поле -
 Все уместить в коротеньком письме:
 Подскок на месте - предпочтенье чести
 Блужданию с бесчестьем во тьме!
 Судьба желаний. Гнездышко под крышей,
 Позволь не отрываться от земли,
 Позволь не оказаться на мели,
 А если нет, то черной ниткой вышей
 На мертвом сердце: «Точка. Мы пришли.»
 Любимая! Беспомощность в дробленьи,
 Озлобленность в бесчувствии. Спеши!
 Ушатое, глазастое терпенье
 Как поводок к калитке привяжи!
 Войду - трезвонь, уйду - трезвонь сильнее!
 Прикинись львицей, щучкой, будь смелее...
 Прими опять, как принимают смерть,
 Как сон, как жизнь, всю эту круговерть.

МИХАИЛ ЖЖАРАВИН

В поисках своей звезды

Ирина Головина родилась в 1966 году в Вологде. Закончила Ивановский государственный университет, филологический факультет, работала преподавателем русского языка и литературы. В настоящее время — ведущий специалист Вологодского областного методического центра народного творчества.

архив автора

ПОЭМЫ РАЗРЫВА И БЛУДА

Михаил Жаравин — молодой писатель Вологодчины и что удивительно, писать начал тоже недавно — в 1989 — м. Прошло всего пять лет, за это время он успел стать не только студентом литературного ин-ста, а также членом Вологодской пи-сательской организации. Восхождение довольно стремительное, если учесть, что в литературу Жара — вин пришел буквально от станка подшипникового завода, где отработал больше десяти лет.

И первая его публикация состоялась на страницах «Вологодского подшипника», где читатель впервые открыл для себя стихи молодого автора. Обычно начинающие поэты редко выносят на первый суд что-то действительно интересное, отмеченное индиф-ференциальной интонацией. В случае с Жаравиным было наоборот: на страницах газеты забушевали настоящие, непридуманные страсти «Поэмы разрыва» и «Поэмы блуда». Становилось ясно, что автор уже многое пе — режил, передумал, и сумел донести до читателя глу — боко личное, с оттенком трагичности мироощущения:

*«Разрыв — трава... Ползучая молва.
Разрыв — травой опояны мы оба
До вешенства, до злости, до озноба!
Смертельный яд — слова, твои слова...»*

Не все ладилось с формой, не всегда удавались рифмы, зато каждое стихотворение как результат пережитого и пережитого было живым, иск-ренним, без примеси фальши.

В ЛИТО "СТУПЕНИ"

После прихода Жаравина в литературное объединение подшипникового завода «Ступени» на страницах заводской газеты стали периодически публиковаться новые его произведения («Сказ о белем камушке», «Шутка», «Манило», «Хочется жить», «Морозко»). Два рассказа и стихи вошли в сборник «Дверца». Опубликовано не так много, но достаточно для пер-вого серьезного разговора.

Михаил обращается к самым разнообразным темам, пробует различные художественные формы — очевидно, что автор находится в поиске своего творческого «я» и в этом отношении почти программно звучит одно из его стихотворений:

*Не восхожденье путь мой, не праяма,
А ломаная. Каждый угол — шаг,
На верхней точке мне никто не рад,
Да и внизу совсем не понимаю,
Но суть есть путь. И я иду, иду,
Врагов, друзей я перепутал лица.
Не плачу. Нет причин и веселиться.
Я не нашел еще свою звезду.*

Постараемся определить, в каких направлениях ищет себя Жаравин и насколько успешно. Говоря о творчестве молодого автора, необходимо обратить внимание на обе стороны дарования (поэзию и прозу), так как это разные проявления единого це-лого — личности художника — которые взаимно допол-няют друг друга. Если в рассказах и повестях мы следим за внешними событиями жизни героев, и о чувствах самого автора можем только догадываться, то стихотворная лирика — это чистая исповедь души, первопричина, исток и начало.

ЛИРИКА

Лирика Жаравина очень личная, даже дневниковая. Герой максимально приближен к автору, вместе с ним страдает, выпутывается из трагической ситуации, пытается пережить потерю любимой, семьи, разлуку с детьми. В этом несомненная сила стихов Жаравина, но здесь кроется и подвох: в некоторых случаях слишком заинтересованное участие в описанных событиях мешает подняться до уровня художественного обобщения, осмысления поднимаемых вопросов. Другая опасность — когда стихотворение сводится к описанию мелодрамы или «наброска с натурой».

Характерная черта ранних стихов — раздвоение лирического героя, в котором как бы начинают жить два разных человека. Это повышает драматический накал стиха и свидетельствует о попытке автора осознать свои жизненные впечатления.

Гораздо более зрелыми в творческом отношении представляются менее личные, но более актуальные для него вещи — о творчестве, о своем пути в искус-стве. Там можно выделить мысль о самовыражении души. Не беда, что до него были Державин, Блок, Рубцов — каждый думающий имеет право сказать свое слово: «Не говори — цена упала слову И вязнем мы в болотине брехни, Раз мыслить независимо — рискни И выдай на посмешище обнову!»

Начинающий поэт как никто понимает всю трудность избранного пути («все просто только у глупцов»). Он не сулит особых жизненных благ, но и отказывается от радости творчества и ощущения полета уже невозможно:

*«Между строк, по бездорожью, —
Здесь не звали, там не ждуть. —
Между правдою и ложью,
Но с надеждой, что поймут...
Ушла в черной пене,
То в намет, то на колени,
Щеки алы от «лещей».
Наплевать же на заставы,
Конь бумажный, выручай!
Речка Имзюг, что нам слава,
Были б хлеб, да соль, да чай.
Да еще бы вдохновенье,
Чтоб лететь, лететь, лететь —
На лету, в изнеможеньи —
Не в постели умереть.»*

В поэзии Жаравина мы найдем и отголоски политических бурь, и боль за униженное положение народа, и судьба брошенных деревьев. Есть живые и удачные пейзажные зарисовки. Хотелось бы, чтобы он больше внимания уделял смыслу и значению слов, чтобы бережность к слову не захлестывалась эмоциями. Иной раз и грешит он туманными словосочетаниями, за которыми ничего не стоит: «безотчетная борьба», «холощенная лень», «созвездие пропорций».

Дебютировал как поэт, Михаил Жаравин сегодня за — являет о себе и как прозаик. Именно на этом направ — лении состоялись его наиболее интересные находки.

ПРОЗА

Проза Жаравина событийна, действие развивается динамично, что позволяет удерживать читателя в эмоциональном напряжении от начала до конца повествования. Автор тяготеет к созданию экстремаль — ных ситуаций, которые «проверяют» героев. Язык целиком разговорный, просторечный, с испо — льзованием диалектизмов. Все это делает прозу Жаравина понятной, легко читаемой. Хотя вопросы, которые поднимает автор — достаточно серьезные. Среди них прежде всего общечеловеческие, «вечные»: отношения отцов и детей, проблемы современности и наследие Руси уходящей, избяной. Автора занимает то, как складывается в городе жизнь человека, родившегося и выросшего в деревне.

Первой серьезной заявкой Михаила Жаравина в прозе стал небольшой цикл рассказов в сборнике «Перекресток люжи и печали». Будем говорить именно о цикле, так как рассказы «Пыль», «Ударь кумира детства» и «Сын приехал!» объединяются схожестью тем, описываемых ситуаций и судеб глав-ных героев Ивана Филина и Павла Лагунова. Филин («Пыль») — деревенский парень, не желающий возвращаться в родное село, после службы в армии переезжает в город работать шофером, женится, и первое время счастлива с любимой женой и сыном. Кажется, теперь бы и зажить по — настоящему, но нет. Пустышкойой ссоры оказалось достаточно, чтобы семья распалась, и пошел Иван Филин колесить по просторам страны, меняя работу, женщин, нигде не находя своего места. Поначалу тоскует очень, особенно по сыну, но потом под жарким южным солнцем почти забывает об утрате. Неправдоподобная ситуация: милиционер по долгу службы находит Ивана, что еще живы родители, которые как в войну, не знают, жив ли сын, так как пять лет не получали от него писем. И поневоле Иван возвращается в деревню, где со стариками, оказывается, живет и его сын...

Казалось бы, счастливый конец. Но вот в другом рассказе («Ударь кумира детства») опять встречается Иван, и становится ясно: годы скитаний не прошли для него даром. Отвык от тяжелой крестьянской работы, пристрастился к вину, никто в деревне уже не принимает всерьез полупьюного Филиненка. И это давний друг и покровитель Sergei Баскова, его бывший кумир! Столько пережил, перевидел, а судьба измельчала, превратилась в пыль. Отчего произошла такая метаморфоза? Ответ ясен: утратил корни, ос — новополагающие начала человеческой жизни.

Эта мысль, ставшая уже хрестоматийной, возникает не из самого рассказа, но из его литературного контекста. А если следовать логике автора, то получается, что Ивана Филина, как и его собрата по несчастью Павла Лагунова («Сын приехал!») погубила городская злая жена, недовольная крестьянским происхождением и работой простоватого мужа. Писатель подчеркивает, что все случилось не по вине Ивана, причина в жене Маринке. Еще более наглядно такая ситуация предстает перед нами в рассказе «Сын приехал!» Павел как раз не сгитался, жену носил на руках и пытался вести дом чередом. Но дело кончается еще более трагически: сын гибнет, герой

спивается до белой горячки.

«Кто ж не знает женщин: дай волю — на голову залезет и еще указывать будет — и сидит — то ей плохо, и везет медленно. Напридумывает, лишь бы мужик не ерепенлся», — читаем в рассказе «**Приснились лесные страсти**», где кошмар является герою опять в женском обличе... Что ж, читатель волен сам порассуждать на эту тему, ведь ситуация для нынешнего дня довольно типичная.

Будучи сам выходящим из деревни, Жаравин знает ее не понаслышке и имеет полное право писать об этом от первого лица: как складываются отношения между городом и деревней, почему выходы из деревни не приживаются в городе, только ли в дестворном влиянии города причина. Но поднимая эту непростую тему, автор не всегда идет в глубину, в социальную суть явления.

Хочется отметить, что Жаравину в этих рассказах удается психологически точно передать чувства, которые испытывают его герои (за некоторыми не — большими исключениями), и мы вслед за автором уже не в силах их судить, а только сопереживаем. Пора — зительно, что в пыль пролившийся Филан по — че — ловчески значительнее крепко стоящего на ногах Баскова: помогает с карбюратором, защищает от распясавшегося хулиганя. Не это ли мучит Сергею Баскова, ухригавшегося причинить зло Лизе и Ивану? Принявший удар становится выше ударившего.

Страшные последствия распада семей, описанные Жаравиным, еще раз доказывают, что в разводах нет выигравших сторон, все теряют все. Часто читательское сочувствие отдается женщине, поскольку с ней остаются дети. В рассказах Жаравина мы видим «сильную» половину, мужика. И он не обретает равновесия: лишаась любимой, ребенка, он лишается главного в жизни. Жизнь кончена...

ДЕРЕВЕНСКИЕ СКАЗКИ

До сих пор мы говорили о той части жаравинской прозы, которая посвящена современности, ее реалиям и героям. Они сильны своей событийностью, диалогами, интересны по мысли, а образный мир в них порой слаб Гораздо сильнее в художественном плане другое направление, в котором сегодня работает Михаил Жаравин, к стати, довольно успешно, — его условно можно назвать «деревенскими сказками». К ним относятся рассказы «**Морозко**», «**Манило**», «**Сказ о белом камушке**», «**Четыре черных петуха**», «**Равновесие**» и некоторые другие. Действие этих рассказов происходит в деревне или в лесу. Автор буквально купается в родной языковой стихии. Но эта не та деревня, которую неоднократно описывали наши «деревенщики». Жаравин создает свой неповторимый полусказочный мир, живущий по законам справедливости и гармонии. Если человек в этом мире переступает какие — то нравственные нормы, нарушает установленный миропорядок, то в его жизнь вмешиваются сверх — естественные силы, карают за содеянное.

Для более наглядной демонстрации любимой мысли автора «не причины никому зла ни делом, ни даже помыслом, ведь в жизни что посеешь, то и пожнешь» — используется фантастика. Не успела мать в сердцах ругнуть дочь («**Сказ о белом камушке**»), пожелать ей дурного, как дочь Катерина пропала, превратилась в страшное чудовище, после чего лишь брак вернул ей облик человеческого. А все потому, что «слово материнское жизнь строит... Хула да проклятья горе несут, добрые напутствия — в любом деле помощь».

Истоки этих произведений, возможно, лежат в сказочной фольклорной прозе. Как и в русских на — родных сказках, здесь есть три основных сюжетных компонента: предупреждение (запрет что — либо де — лать), нарушение запрета и наказание (прощение). И как в любой сказке есть «намеки — добрым молодцам урок».

Герой рассказа «**Четыре черных петуха**», приехав в город на учебу, забывает наказ отца постигать ремесло. Он ведет разгульную жизнь со своей подружкой, обирая покой — ников, а вернувшись домой, опять же оскверняет могилу. Его ожидает страшная расплата — мертвецы встают из земли и мстят за поругание. «Память бласти надо», — вот нравственный урок Илату, да и всем остальным.

Вообще этот рассказ многослойный, его можно рассматривать с разных точек зрения. Оригинальное мнение высказала студентка 6 магистерского курса пединститута, филолог Л. Силинская: «В рассказе Жаравина «**Четыре черных петуха**» чувствуется влияние русской нескзочной прозы и традиционных мифологических мотивов (в частности, быличек). В мифологии петух связан с подземным миром и часто выступает как хитоническая птица. Здесь большое значение имеет цвет. Черный петух соотносится с водой, подземным царством, это символ смерти, зла, божественного суда. В некоторых мифологиях петух связан с оборотничеством, например, в сванских мифах души умерших мужчин превращались в петухов, а женщин — в куриц».

Евангельские сюжеты представляют нам петуха как послан — ца дьявола, искушавшего Петра. Поэтому «**Четыре черных петуха**» — это трансформация мифологического мотива русской нескзочной прозы. Причем в рассказе прослеживаются как языческие представления, так и христианские...

В этом же сказочном цикле ставится проблема жизни человека в гармонии и согласии с окружающей средой. Так, в рассказе «**Волчья морда**» хозяйка леса — волкоподобное чудовище — наказывает людей, причинивших зло лесным обитателям и одаривает тех, кто сочувствует всему живому. В другом слу — чае лес излучает душу человека, восстанавливает утраченное равновесие как с самим собой, так и с окружающим миром.

КОЛДОВСКОЕ

В связи с этим интересно обратиться к образу, кочующему из рассказа в рассказ под именем Прокофея, Прокопия, Пронгея. Это старик, как правило, лесник и знахарь, живущий в лесу, далеко от людей. Роль его как будто незаметна, но важна: если в миру происходит несчастье, (у Меланьи из «**Сказа...**» пропадает дочь), только этот старик знает о причине случившегося и передает ее людям в виде загадочной формулировки, смысл которой, однако, понятен провинтившемуся.

Люди знают о силе старика и обращаются к нему за помощью. То есть персонаж является своеобразным медиатором между двумя мирами — земным и потусторонним и не зря его часто называют колдуном. В лесу он тоже живет не случайно. Вспомним, что Баба Яга и Кощей тоже всегда жили в лесу, так как именно там, по древним народным представлениям, был путь в «царство мертвых», мудрости умерших, путь к высшему знанию.

В повести «**Равновесие**» Михаил Жаравин пытается связать воедино представления, свойственные далеким предкам и современности с открытием экстрасенсорных способностей человека. О том, насколько это отсуц — ественно, судить пока трудно: система мифологических представлений предков и научная картина мира — это слишком разные вещи.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ

Говоря о «сказках», нельзя не признать — рядом с явными творческими находками существуют и недостатки. Нельзя, например, называть художественно целостными те произведения, где сказочная ситуация стыкуется с нынешним днем. Когда исчезает флер легенд и сказаний, элемент отстраненности и условности, получается, что автор действительно верит в лесных чудовищ. Не очень удачен образ гномообразного старика в святищеской колпаке («**Четыре черных петуха**») — проявление фольклорной традиции скорее западноевропейского, чем русского плана. И как ни хороши просторечные, диалектные выражения, злоупотреблять ими тоже не стоит.

Большое значение имеет подход к сказочной теме. Есть опасность скатиться к механической эксплуатации сказочной экзотики, сюжеты можно найти много. Если автора так притягивает фольклор и он хочет работать в этом направлении, то вернее было бы не прямое использование фольклора или его элементов, но преломление их через себя, а также разработка пластов, лежащих на периферии фольклора. К стати, образ помощи, избавления и радости в фольклористике чаще всего имеет женский лик.

АРМИЯ И РАЗБОРКИ

Сегодня в арсенале писателя есть две повести («**Холостой патрон**», «**Глухая защита**») и несколько рассказов об армии, в которых задеваются и темы дедовщины, и человеческой взаимовыручки. Достаточно интересен образ Дмитрия Жерохова, главного героя «**Холостого патрона**», написанный горячо, авто — биографично. В рассказе «**Рыжий**» осуществлена до — вольно смелая попытка разобраться в политических событиях, явлениях современной гражданской разобщенности. Герой рассказа возвращается после тюрьмы в мир, где его проступок (спекуляция) уже неподсуден. Он бросается мстить за родного брата, которого шантажируют и в горячке убивает неповинного. Но в таком затмении находится он не один — вскоре в мафиозных разборках гибнет и брат. Так что же это за мир, что мы такое в этом мире, что с нами происходит — такие вопросы буквально разрывают героя и вслед за ним читателя.

ГУМАНОТНОСТЬ

Конечно, не все гладко в творческой биографии Жаравина. Но по — другому и не бывает. Главное — творчество его изначально гуманно по своей сути — он любит людей и жалеет их даже тогда, когда они поступают неправильно. В рассказе «**Штыбзики**» перед нами возникает отвратная фигура пьющего подростка, которого автор вовсе не судит, не ставит на нем крест, наоборот, сочувствует и дает возможность подняться, оправдаться. У него есть качество, без которого немисли художник — умение перевоплотиться в другого, жить его бедами и радостями.

Сейчас Михаил Жаравин находится на очень ответственном этапе обретения мастерства. Пройден только первый порог. И хотя прогнозы — дело неблагоприятное, уже сейчас можно сказать: разнообразие тем, постоянный поиск, внимательное и конструктивное отношение к критике, работа автора над собой — все это позволит засиять на нашем литературном небосклоне новой яркой звездой.

ИНГА ЧУРБАНОВА: "Прервать строку на высшем слове"

Вологда

Инга Чурбанова родилась в Вологде в 1967 году, здесь же закончила среднюю школу, музыкальное училище и филфак пединститута. Аспирантка Московского государственного педагогического университета. Печаталась в сборниках «Встречи», «Молодые голоса Севера», в городских и областных газетах, в межвузовском сборнике «Литературное произведение-предмет исследования».

Автор о себе
Автора в себе почти не растила - некогда: воспитывала крепкую теоретическую студентку, автор так и остался маленьким.

Эта крепкая студентка по отношению к маленькому автору ведет себя агрессивно: отнимает время, силы и голову. Пользоваться одной головой им с автором затруднительно: в теоретической работе сбой на образное мышление порождает дилетантские лирические отступления, аналитизм в поэзии чреват блеклостью красок и общим переохлаждением.

Кроме того, правое и левое полушария оказываются плохо перегороженными, и потому информация часто смешивается - приходится вспоминать, то ли сама такое придумала («Ай, да Пушкин!...»), то ли действительно Пушкин...

«Многие знания - многие скорби» - поговорка как раз для пишущих филологов, недаром один из моих преподавателей, литературовед, убежден, что поэтов надо искать где угодно, только не на филфаках.

Кстати, и не среди женщин, ибо мужчина, творя, смотрит на Бога, а женщина, делая то же самое - всего лишь на мужчину. Что ж, все может быть: кто-то ведь должен заниматься черновой работой. Поэтому, вероятно, «женская литература» все-таки существует, но отличается от «Литературы» вообще не столько качеством, сколько предметом исследования. К тому же авторами «женской литературы», если пользоваться названным отличием, часто оказываются сами мужчины.

Что касается теории стиха, то с поэтическим творчеством она связана примерно так же, как знание анатомии младенца с рождением собственного малыша. Поэтому к предполагаемой теме моей работы - «Венок сонетов в русской литературе XIX века» - отношусь с великим уважением. Но главным экзаменом буду считать написание своего венка сонетов (если получится).

Однако, что бы ни говорилось, и для стихов, и для младенцев желательна любовь. Поэтому надеюсь на нее как на ангела-хранителя, который поможет решить многие, в том числе и поэтические противоречия.

Дождь по крыше, по крыше, по крыше -
Это время на землю идет.
Сделай, Господи, ход его тише,
Пусть не все в эту ночь упадет.

Дождь по крышам, что за день согреты,
Не замедлить его, не унять...
Были дни, где меня еще нет, и -
Будет день, где не будет меня.

Будет дождь от рождения рыжий,
С вихрем радуг в цветном витраже
И дождем, что по крыше, по крыше,
По лицу, по губам, по душе...

В новый день перейти не умею,
И обратно вернуться не смочь,
Сделай, Господи, ночь подлиннее,
Если это последняя ночь.

Я зову его Иосиф,
Он зовет меня Мария,
Тайной ладанкою носим
Мы свое второе имя.

Где пески бегут пустыней,
Где столетья сушит ветер,
Где усталым солнцем стынет
Старое тысячелетье -

Нам бродить не знаю сколько
В ожиданье новой веры,
Мы еще не знает срока
Наступленья нашей эры.

Но сквозь времени заставы
Ветер слово переносит,
И летит: «Мария, Ave!»
Вслед за: «Ave, мой Иосиф!»

Молитва

Боже ты мой! Не прошу щедрот,
Боле того, - огради от лишнего,
Убереги от богатых, от
Благотворителей и пресыщенных!

Убереги от холодных глаз,
Что любопытством минутным вспыхнули,
Или же сделай, чтоб мой погас
Пламень, - от искр, что из глаз тех
прыгнули.

Боже ты мой! - Не любви молю,
Боле того, научи без жалости
Чистить от лишних судьбу мою,
Чтоб ни единого не осталось их,
Тех, кто из скудости мой пятак
Примет, и тех, кто подаст из щедрости...
Господи, Боже мой! - Сделай так! -
Убереги в бедности!

Счастья вам, разлюбленные мною!
Пусть воспоминаньем прошлых смут,
Дорогим вином - моей виною -
Ваши тосты в день торжеств блеснут.

Счастья вам, кому оно по силам,
Верности-любви, двора-кола,
Радости, что я не приносила,
Святости, в которой солгала.

Я не стала доброй или строгой,
Жальче в прошлом мне никто не стал:
Волоку свой крест своей дорогой. -
Дай вам Боже легкого креста!

Андрей Александров

Мой крест - подавать надежды,
которые не оправдать.
я - мост, я все время - между:
так, между, и пропадать.

А берег, который правый,
нашел у меня уклон. -
и кто бы меня подправил -
я стала б совсем как он.

А берег, который левый,
заметил во мне изгиб
излишний, но чуть подделай -
и он бы сильней прилип,

Иль я бы сильней пристала
ступеньками бы к нему,
и стало б любое стадо
смелей на моем горбу.

и снять бы с меня усталость
моста, и послать к врачу,
чтоб берегом я казалась...
я - берегом - не хочу!

Из двух выбираю третье,
которое не зовет
меня - выбираю ветер,
что в ночь фонари мне рвет,

что дразнит мою одежду
тяжелой, маня летать...
ему и отдам надежду,
которую не оправдать -
Опять...

Купина я купина
с богом во кусту!
страстью испепелена
вся земля, а я одна
на земле расту.

Злой золой ветра метут,
застылают свет.
и зачем взошла я тут,
и кому нужна я тут? -
Никого здесь нет.

Солнцем не опалена,
не лелею семена, -
пред собою на посту
чахну с богом во кусту.
не бледна, не влюблена...
Купина я купина.

я тоскую по тебе
и несправедно, и глупо:
храм сломала, а теперь
вспоминаю звездный купол.
я тоскую по тебе
безнадежно, запоздало, -
как подбитый зверь - к воде,
часто бегаю к вокзалу.
то в толпе к вагону мчусь,
торопящимся мешая,
то за поручни схвачусь,
будто тоже уезжаю, -
будто кто-то без меня
не находит где-то места,
но без места - только я:
без меня в вагонах тесно!
и опять - ишу купе,
и опять - ишу тот поезд,
где, летящая к тебе,
успокоюсь, успокоюсь.

Вдвоем - не осталось и дня,
последнюю ночь крыша общая;
а ты был всего лишь не пьян,
а я была - просто хорошая.
и в первый, единственный раз
мы мчались не в разные стороны,
а поезд укачивал нас
и чай наш выплескивал поровну.
давно уже было темно, -
ах, где вы, благие родители! -
мы оба смотрели в окно
и оба ни черта не видели.
хоть руки как через обрыв
сцепили, о грешном не думали:
мы были на полках вторых,
мы были на высшем уровне!
замедлить минутам счет
пытались (мол, время сломано!)
мы знали, что утро придет,
а утром нам в разные стороны.

словно раковина в море,
из которой жемчуг вынут,
словно воды, что играют
лишь любимым отраженьем.

и пускай я камнем буду -
лишь бы ты бы вырос рядом!
пусть я раковиной буду -
я тебя хранить бы рада!

буду я ручьем холодным,
лишь бы ты, томимый жаждой,
припадал ко мне - и воду
выцеловывал бы жадно...

...Вот скользнул, вернулся, замер
взгляд твой, птицей темной рея
над моими над глазами...
узнавай меня скорее!

как поезд - плавно, осторожно
отходит, тронувшись, любовь.
и кажется, еще возможно
вернуть ее без катастроф.

потом громада сатанеет
от ветра, запаха лесов,
и по наклонным - все смелее
без тормозов, без тормозов...

как задержать? - Ворочать шпалы?
гнуть рельсы, чтобы повернул?
исколошматить ветер шальи,
что к поручням твоим прильнул?

пойти в загулы по вокзалам,
в транзитных перегонах жить,
тряхнуть Толстым? - Там Анна знала,
что под колеса положить...

стою. - Стройна, со светлым ликом -
с клеймом всех надоевших жен, -
такая умная по книгам,
а поезд - все равно ушел!

в жизни той была я камнем.
ты со мною рядом вырос, -
нежный-нежный, алый, ранний
весь в росе прекрасный ирис.
капли той росы, мой ирис
по щекам моим катились.

А еще в какой-то жизни
 Были в море мы с тобою:
 Ты жемчужиной чистой,
 Я жемчужницей простою.
 От штормов, перста и ила
 Я в себе тебя хранила.

А еще когда-то раньше
 Я ручьем была холодным,
 Ты был юноша всех краше, -
 Из меня пивал ты воду...
 Закипали мои струи
 От твоих от поцелуев.

А теперь, когда мы люди
 Оба, - слова не уронишь...
 Ты меня совсем не любишь?
 Ты меня совсем не помнишь?

Я тоскую словно камень
 По цветку, что рядом сорван,
 Словно раковина в море,
 Из которой жемчуг вынут,
 Словно воды, что играют
 Лишь любимым отраженьем.

И пускай я камнем буду -
 Только ты бы вырос рядом!
 Пусть я раковиной буду -
 Я тебя хранить бы рада!

Буду я ручьем холодным,
 Лишь бы ты, томимый жаждой,
 Припадал ко мне - и воду
 Выцеловывал бы жадно...

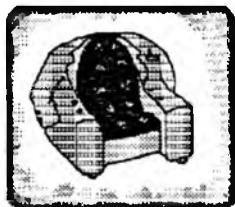
...Вот скользнул, вернулся, замер
 Взгляд твой, птицей темной рея

Над моими над глазами...
 Узнавай меня скорее!

Сыро. Вороны, мокры,
 В нос о любви говорят.
 Черной дорогой с Москвы
 В Вологду движется март.
 Снег оседает, крихтя,
 В землю вжимая лицо...
 Скоро грачи прилетят,
 скоро напарят птенцов.
 Снежные бабы гурьбой
 Ночью - из города - вон:
 Ведро и метлы с собой,
 К Белому морю в полон.
 Девки-Снегурки востры:
 Не убежали в леса -
 Шепчутся: «Будут костры!»
 Подголубили глаза...
 Ветром с чужой стороны,
 Запахом будущих трав
 Город захвачен: сданы
 Почта, вокзал, телеграф.
 Где вы, Снегурочки? - Вот!
 Млеют-белеют в тени.
 В быстрый весны хоровод
 Бросятся - только втяни!
 Март приближается к ним,
 Он и распутен, и свят,
 Март раздувает огни -
 В небо Снегурки летят!

Ах, эти юные глаза,
 Ах, эти губы!
 Сдают, слабеют тормоза,
 Но страх - на убыль...
 В чужую жизнь меня неся,
 В чужую смуту,
 Мне шепчет разум: «Так нельзя!»
 А сердце: «Буду!»

Сергей Баранов: "Говорить об

кресло кришка

Сергей Баранов родился в 1948 году в г. Лесогорске Сахалинской области. Закончил Ленинградский университет, филологический факультет. В настоящее время работает в Вологодском педагогическом институте, кандидат филологических наук, доцент. Автор книги «Специфика искусства и анализ литературного произведения» (Вологда), в книге «Повести разумные и замисловатые» (Москва, «Современник») - подготовка к печати, вступление и комментарии, автор статьи «В плену традиции. Об эстетическом воспитании в век НТР» («Комсомольская правда») и многих других публикаций в научных сборниках и периодической печати.

Во - первых, потому что она пишет стихи давно. И если имя ее пока еще мало известно, то это издательская, а не творческая проблема. Во - вторых, потому что быть поэтами не научаются, поэтами становятся сразу, хотя и по - разному: кто в пятнадцать лет, кто в срок. Примеры общеизвестны, и ссылаться на них нет необходимости. Понятие «начинающий поэт», вероятно, от лукавого. Поэт или есть или его нет, независимо от того, сколько бумаги он извел, сколько лет в творческих семинарах занимался, сколько книжек выпустил. Время, опыт, общение с собратьями по перу шлифуют, конечно, - было бы что шлифовать. Да и не шлифованное порой ценится в литературе больше, чем шлифованное. Инга Чурбанова - поэт. Ее можно принимать или не принимать как поэта, но она есть, состоялась, живет в мире поэзии. Поэта в ней выдает прежде всего образное мышление. Это не столь очевидный и сам собой разумеющийся критерий, как кажется на первый взгляд. Дело в том, что существует и не одно столетие пыльным цветом цветет - у нас в России, во всяком случае - так называемая публицистическая поэзия. Ю. Анненков, свидетель и участник художественного ренессанса начала века, принимавший толк в стихах, вообще отказывал ей в праве именоваться поэзией, называл «рифмованной публицистикой» или, используя меткое словечко студенческой молодежи предреволюционных лет - «гражданщиной». Скорее всего, суждение Ю. Анненкова - полемическая крайность. Но разница между публицистической поэзией и просто поэзией, тем не менее, существенна. Стихи для «гражданского» поэта - средство, форма, повышающая шансы высказываемой на убедительность. У просто поэта нет мыслей самих по себе, и стихи для него не форма, а мироощущение, образ духовного существования - бытие. В стихах он и вершит главное дело своей жизни, не заботясь о социальной эффективности им написанного («Нам не дано предугадать...»). «Образ духовного существования» можно понимать двояко: 1) - манера, способ, 2) - поэтическое выражение, воплощение в слове. Для просто поэта важно и первое, и второе. А может быть, и первое, и второе для него - неделимое целое. Если бы Инга Чурбанова, ощутив себя поэтом, пошла по гражданской стезе, это выглядело бы естественно. Там, где она выросла и начала писать, традиции гражданской поэзии наиболее глубоки и авторитетны. Одна -

Ах, эти черные как смоль
С седьми рядом,
Хотя бы черные не столь,
Как смоль - не надо б!
И пусть бы все под сединой,
Во льду, в снегу бы...
В коротком платьице - зимой
Стою, стыдясь себя самой,
Такой ненужно молодой
И глухой.

Из всех дождей, не пойманных губами,
Из всех ветров, что мимо пронеслись,
Я появилась - теплый желтый пламень,
Лозы детеныш, винограда кисть.

Прозрачен хмель тяжелых виноградин
И косточка-зрачок в его плену,
А взгляд из-под густой листвы прохладен
И тянется к чужим губам прильнуть.

Прильну - и солнца, выпитые мною,
Прильну - и луны, выпитые мной,
Сольются с солью - каменной, земною,
И закипят во мне струей одной!

Пусть станет небо выжжено и жадно,
Зато земное все - напоено,
И я уйду легко и безоглядно
Из спелой грозди - в юное вино.

«Плыл кораблик...»

Н. Матвеева

Я иду, одиноко светясь,
Из варяг в вожделенные греки,
Сам себе я латаю прорехи,
Сам себе ремонтирую снасть.

Мне нельзя ни пристать, ни пропасть,
Заменить меня нечем и некем:
Я спешу в наши белые реки
Каплю черного моря украсть.

А когда соберусь я назад,
И оборванный пьяный пассат
Обожжет мои рваные флаги -

Отрезви меня, строгий Борей,
Сохрани прямоту моих рей,
Дай вернуться из греков
в варяги.

«Арион»

А. Пушкин

Нас было много на челне,
Закончив молодость вчерне,
Один нашел себя в вине,
Другой в семье, а третий не
Нашел, и думал обо мне...
Нас было много на челне.
Один - с мешками по стране,
Другой уже границы вне,
А третий верен старине:
Она не падает в цене.
Нас было много на челне.
И все устроились вполне,
Когда споткнулся грузный челн
И был растерзан волей волн.
Спаслись и кормщик, и пловец,
Не уцелел один певец,
Потоплен новою волною...
О челне некому тужить,
И ризу некому сушить
На теплом солнце под скалою.

Инге Чурбановой как о начинающем поэте - неловко и несправедливо."

ко она предпочла иное направление - то ли избегая тропы, по которой полагается идти, то ли повинувшись велению, которое не от ее разума и воли зависит. Темы ее стихов банальны: про любовь, про разлуку, про одиночество, про явления природы, про то, что жить - больно и сладко. Про все это поэзия талдычит неустанно многие сотни лет, и вероятно, будет талдычить до тех пор, пока будет существовать. Каждый раз поэт, обращаясь к многократно до него тропанной теме, пытается убедить читателя, что в стихах самое важное не «про что», а «о чем» и «кто». В стихах самое важное не тема, а поэт. Тема - повод, поэт - творческая личность, использующая повод для выражения своих жизнеощущений. Поэтические темы вечны. Поэт длит нескончаемую традицию, поддерживая ее своей духовной энергией, «переливая вечные сны, как образчики (своей) крови, из стакана в стакан. Приверженность такому пониманию поэзии ощущается в стихах Инги. Главная ее ставка на образ, на индивидуальное, собственной судьбой и эмоциональным опытом предпринятое видение вечной темы. Стихи Инги убеждают читателя, что она умеет смотреть думать и говорить образами. Это органичный для нее способ самореализации. Помню, как в одном, давнем уже ее стихотворении, где подростково-неуклюжие «лучики - хулиганы» провозирали на снисходительную ухмылку, вдруг остановило внимание: «К подоконнику крепко примерзли С переломанной дужкой очки. Замороженный снегом, заброшенный дом, хранящий память о лете, зимние звезды над белой трубой и эти очки - неожиданный, ни у кого не встреченный ранее образ необратимости времени, плотности надежда на то, что прошлое вернется: лето, конечно, наступит, но оно будет другим, непохожим на бывшее, и весь этот хлам, который остался на обочине после него - детский сандалик, пучок зверобоя, блестя, крячки, бумажка от чая - мертвые, как мертвые примерзшие к подоконнику и уже никому не нужные очки. Другое лето обзаведется другими атрибутами и так же свалит их, уходя, на обочине. Образ времени, по-видимому, самый значимый в стихах Инги Чурбановой. Существует похожее на правду предположение, что лирика - это прежде всего напряженное переживание по этому настоящему мгновению, данного момента существования. Именно потому лирике противопоставлены большие объемы. Оптимальным качеством строк для русского лирического стихотворения Борис Пастернак считал 8, Варлам Шаламов полагал, что это число равняется 12. Оба, как правило, не укладывались в заданные ими же нормы, но само существование

этих нормативов свидетельствует, что поэт - ловец быстротечных мгновений: что живет и творит он только здесь, только сей час, а если и заводит речь о вечности, то вечность для него - остановленное творческим усилием мгновение. Если приведенное суждение о сущности лирики верно, то приходится констатировать главным поводом для поэтического переживания, для творческой рефлексии у Инги эта самая сущность и является. Стихи ее - стенограмма поэтического бытия *par excellence*, в конечном счете они, несмотря на разнообразие тематики, об одном и том же, о творческом самоощущении поэта, о поэтическом образе духовного существования (образе - в обоих смыслах). Достаточно вчитаться в стихотворение «Дождь по крыше», чтобы явно и отчетливо ощутил и представить «В новый день перейти не умею. И обратно вернуться не смогу», - звучит как формулировка жизненного и творческого принципа. Только о том, что здесь, что сейчас, и только это уловить бы, кристаллизировать бы в слове. О том же, по сути, стихотворение - парафраз на евангельский мотив «Я зову его Иосифа: путь по пустыне, позади - высушенные ветрами столетия, впереди - еще неведомая новая вера, ни то, ни другое не значимо для настоящего, в настоящем только «Мария, Ave!» и «Ave, мой Иосиф!» Категория времени настолько важна для Инги, что многие из пространственных образов в ее стихах при ближайшем рассмотрении оказываются образами времени. Таков мост в стихотворении «Мой крест - подавать надежду», он «все время - между», он выбирает елевый и правый берега, векторы движения к покою, а точку, через которую движение в любом направлении вершится: именно в этой точке - «ветер. Что в ночь фонари мне рвет, что дразнит мою одежду Тяжелой, маяя летать». Ветер в данном случае и есть образ времени, текущего сквозь поэта, который живет «между» тем, что только что стало прошлым, и тем, что вот - вот станет настоящим, но пока еще - будущее. Тематически стихотворение «Мой крест...» можно было бы связать с лермонтовским «Парусом». Те же два берега («край далекий» - «край родной»), то же «между», где только и возможно уютное живишь, тот же ветер, который если не рвет одежду, то пнет мачту. Однако оно будто то же самое, да не то. Тема вечная, но поэт другой, и мгновение его (поэтического бытия - другое. Поэтому сама тема реализуется в образе, порождающем совершенно иные, по сравнению с лермонтовским «Парусом», ассоциации. Может быть, это-

«Ночевала тучка
золотая...»
М. Лермонтов

Золотую тучкой по лазури
Гонит ветер, и в чужой
пустыне
Суждено немым дождем
пройти мне,
Где тотчас песок меня
забудет.

Но с небес, холодных и
обширных,
Прежде, нежели каплей в
землю кану,
Полечу к утесу-великану
И скользну слезой с его
вершины.

«Останься пеной,
Афродита,
И слово, в музыку
вернись!»
О. Манделъштам

Страды и сна переплетенье
Одним движением сломов,
В двенадцать дня, еще без
тени,
Оставлю молодость сама.
Даны на миг, из ниоткуда
Мое лицо, моя душа, —
Я никогда уже не буду
Так молода и хороша!
Но беспощадно время к
пленным
С мечтою вечной Афродит:
Не разрешит остаться пеной,
И стих в мотив не обратит. —
И я хочу, как все люблю,
Прервать строку на высшем слове.

Россия

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...
(А. Блок, «Россия»)

Пускай заманит и обманет.
Пускай подаренный платок
На плечах худеньких повянет
И упадет у пыльных ног.
Пусть волосы свои русальи
По-бабьи скомкаешь в пучок
И не пойдешь, когда не звали
С собой, держась за облучок,
А тихой поступью мадонны
Одна — сквозь свист и «у-лю-лю»,
Одна — в холодный мир огромный,
Ославивший твое «люблю».
Одна — и в поле, и у зыбки —
И ночь, и день, и снова ночь,
Одна — до первой до улыбки,
Которую малышка-дочь
Изобразит... Сильнее многих,
Покуда вместе обе вы,
Но есть железные дороги,
И есть некошенные рвы...
А миновать их — очень сложно:
Одно — строжи иль не строжи, —
Ведь дочери неосторожны,
И молоды, и хороши...
А тот — еще кого заманит, —
Певец, ценитель красоты,
Пока заботою туманит
Твои прекрасные черты.
И, может быть, когда-то скажет,
Случаен у твоих дверей:
«Ну что ж, а ты, гляжу, все та же,
И плат — все тот же, до бровей,
И тот же взгляд, и та же поступь,
Как много-много лет назад...»
Уйдет. А вслед — Да будь ты
проклят.
И — вслед ему — дареный плат.

му, что стихотворение «Мой крест — подавать надежды» написано женщиной, его пафос не самоутверждение, как у Лермонтова, а жажда самоотдачи, бытие не для себя, а для другого. Нежелание саяться с берегом (все равно — положим или крутым) — это покорное приятие своей (моста) доли и после того, как доля принята, — напряженное и чуть ли не восторженное переживание выпавшего на эту долю и бремени и персональной за него ответственности. Ведь слово «выбираю» значит здесь «желаю остаться таким, как есть». Звуковая перекличка «мост — крест» получает в стихотворении смысловое обособление, и возникает оригинальный образ — понятие, своего рода патент на творческую индивидуальность. Скорбную индивидуальность, надо заметить. Поэтическое мироощущение вообще печально по своей природе — во многих мудрости. А если поэт — женщина.. Встречали ли вы когда-нибудь поэтесс — левиз радости? Муза женской поэзии (а такая все-таки существует вопреки протестам) — муза горести. Горестно выражение ее лица. Именно потому, что Инга Чурбанова обладает даром переживать вечные, традиционные для поэзии темы как глубоко личные, она не боится контактов с художественными мирами других поэтов. Чьи-то стихи для нее — такая же поддежающая творческому освоению данность, как птицы, животные, ветры, деревья, дороги, дома, прохожие. Она не опасается чьих-то стихов, не смотрит на их создателей как на конкурентов. Все поэты для нее — соратники, артефакты, каждый из которых несет наработанное в общий котел — для совместного пользования. Она и пользуется этим общим достоянием без комплексов — непринужденно, в меру, с достоинством творца и с благодарностью наследника. Ей достаточно двустрочия, строчки, словосочетания, чтобы развить едва затронутую, лишь смутно обозначенную собором по перу тему, провести ассоциативную нить в удачном ее поэтической интуицией направлении. «Пускай заманит и обманет», «Останься пеной, Афродита, И слово в музыку вернись», «Глянь кораблик...», Пушкинский «Арион» стал вариацией на тему об участии поэтов — которых море обычно не выбрасывает на берег после кораблекрушения. А коль плавание не воспето,

не стало фактом духовной жизни, предметом художественного творчества, то его как бы и не было. Без поэтов нет духовной истории человечества, нет накопления собственно человеческого опыта. Пушкинский «Арион», как помнит каждый учившийся в средней школе — не о том. Но хрестоматийное стихотворение не исключает, а при внимательном перечитывании — особенно с учетом контекста всего пушкинского творчества — допускает развитие темы в избранном поэтическом направлении. Поэтому при знакомстве с ее стихотворениями — реминисценциями не возникает чувства протеста («Руки прочь от классика!»). Инга Чурбанова не обнаруживает ни малейшего намерения сбрасывать кого-либо с корабля поэтов. Она убеждена, что там хватит места всем, было бы желание слушать и просто писать, а не драть на себе рубаху в обличительном раже. Может быть, в другое время я и не следовало бы об этом писать, но в наше, наверное, стоит: стихи Чурбановой демонстрируют необходимый для литературного творчества уровень культуры — и поэтической, и просто человеческой. Может, у Цветаевой училась она искусству стихового переноса. Но переносы в ее стихах не воспринимаются как подражательный прием. Они не нарушают естественного течения речи, они закономерны с поэтической точки зрения. А как смело, умело, интересно и в охотно — именно она работает с рифмой! Вот эта, например: «Дождь по крышам, что за день согреты... Будет день, где меня еще нет, и... И еще... Увы (о, времена), придатится и такое говорить она образованный, грамотный человек, имеющий понятие о цене слов, об орфографии и пунктуации. И в графоманстве ее подозревать — нет ни малейших оснований. Поэт он и есть поэт. Просто поэт... Но это не повод для разборок и наставлений. Научить писать хорошие стихи даже самый хороший критик бессильен. Критики вообще пишут не для поэтов, а для читателей. Я попыталась рассказать о том, что вижу и ценю в стихах Инги Чурбановой. Может быть, сделал это не совсем убедительно. Читатель, взявший в руки «Свечу», конечно же, интересуется поэзией и кое-что в ней понимает. Я желаю ему читательской радости от знакомства со стихами Инги Чурбановой. И если мои заметки помогут этому знакомству упрочиться — слава Богу!

Инга Чурбанова

Евгений Широков родился в 1965 году в Шексне Вологодской области. Закончил Вологодское областное культпросветучилище. Живет в Шексне, работает заведующим постановочной частью детского театра «Чебурашка». Стихи начал писать в 8 классе, с тех пор написал их очень много. «Писать - это важная часть меня», - говорит Широков, - не писать не могу. **А уroveň - это вопрос второй.** Главное есть люди, которым это интересно.»

Из 1 тетради

Отменяю законы физики,
Объявляю душевный подъем.
Мне вчера наступили на ногу
Это был, вероятно, слон.
Уложите меня под елочкой,
Сигарету засуньте в пасть -
Я сегодня одет с иголки
И в поэты хочу попасть.
Погреми надо мной литаврами
Или за ухом почешу,
Осени меня ты гитарой -
Я сорву рубаху с души.
Подойди, посмотри

внимательно:

У меня начался подъем.
А когда поднимусь
окончательно,
Мы, подруга, еще споем.
Что же так по башке
шарахнуло?

Поддержи меня, мой карниз.
То ли шарик свалился с

елочки,
То ли крыша съехала вниз.

Сегодня явно приукрасила

меня
Котлета из вчерашнего
медведя,
Который не предвидел

западно,

В тепле берлоги ни о чем не
ведаль.

Плеснуло кровью - это по
земле,

Плеснули спирта в жестяные
пойла.

Руины шерсти. Мерзло в
феврале.

В подушке снега мягко
и не больно.

Мешают фартуки спешащим
поварам,

По кошелькам побрякивает
сдача

И быстро уплывает
по столам

Такая вкусная котлетная
удача.

Я не хотел бы встретиться
в лесу

С тобой, Топтыгин, конный
или пеший,

Но без тебя я так и не
пойму

Страну морошки, водяных и
леших.

Бродит по свету фотограф
Носит свой маленький мир

Птичку линейку и ноты
Шарф и цветной объектив

Есть там цветы и деревья
Есть и портреты принцесс

Весь его мир перевернут
Сноской на фотопроекторе

Некогда петь его птичке
Знай успевай вылетать

Лишь по утрам по привычке
Тянется зерна клевать

Он по секундам рифмуется
Жизни цветной детектив

Мир заколоченный в рамки
Сетчатых перспектив

Болезнь занозы и в субботу
Эпитет или гепатит

ЕВГЕНИЙ ШИРОКОВ

"БЕДНАЯ ФЕЯ КАЖДОЕ УТРО..."

Шексна

У нас всегда болеет кто-то
Рябина вирусом рябит
Нас окрыляет посекудно
То сигарета то стриптиз
Мы этой темени подлунной
Простим и глупость и каприз
На завтрак сохнет наше поле
Как готовальня мертв ручей
И мы бодем синевою
На сотни тысячи дождей

Дождь - который день и год
Снег - глухое поле битвы
Жить - почти уже невмочь
Петь - без голоса молитвы
Встань - ты видел это сам
Подойди - то право свято
Жить - ударом по щекам
Петь - религию расплаты
День - руками по стеклу
Ночь - фальшивая карета
Крик - уснувший на бегу
Взгляд - напудренный калека
Прочь спешу бегу кричу
Дай живого человека
Жить в его глаза хочу
Петь от имени рассвета

Из 2 тетради

Дышу бензином, а выплевываю
лужи
И кошельком трясу то там, то
здесь.

Прицеливаюсь в истину.
Простужен,
Храню свою, ругая чью-то честь.

Бегу, бегу, и снова возвращаюсь,
Храню талоны и считаю дни.
Все чаще безнадежно утыкаюсь
В глаза и уши словно в
корабли.

Грызу часы, а получаю мили,
Твержу о сне, а вижу города,
Где высох снег на крыше
Паганини,
И бесконечны поиск и судьба.

Сижу пишу и задувает ветер.
Ботинки жмут и нам не по
пути.
Судьба моя в разорванном
конверте,
Скажи - куда и с кем теперь
идти.

Утро вечера мудренее:
Разворачивай время вспять.
Утро вечера холоднее,
Балаганщику нужно спать.

Утро вечера голубее
На березовых стебельках
Отражается время, рея
Голубиностью всех застав.

Утро вечера вечерее -
Зеркала растеряли новь.
Отключающееся время
Переходит из тока в кровь

Какого черта я успел родиться
И опоздать на несколько
веков?
Мне просто чужды даты и
границы
И непонятен шум материков.

Апрель уходит огненным
рубином,
Смывает май серебрянное дно -
Все это мимо, мимо, мимо, мимо,
Все это изначально не мое.

Сметает солнце паутину
бредней,
Где руки-крылья, а прохожий
Ной,
Отслужен мир сияющей
обедней,
А из гостей уже пора домой.
Пора домой, забыться

наваждением,
Уснуть одетым радугой кольца,
И не забыть по перевозрожденьи
Нестихнувшие милости творца.

Какого черта я успел родиться
И опоздать на несколько минут?
Во мне теперь галактикам не
спится
И сквозь меня прохожие бегут.

Вы очень похожи, но очень разные,
Так, что не верится и в

соседство.
В моей голове такая усталость
И варится противоядие сердца.
Ну вот и комедь прошла
окончательно,
Замерзнуть нельзя, укрываюсь
шкурою.

Нет... Кажется, мне
послышалось, хватит.
Завтра не будет другого...
Сплю уже...

Вся дикость в том, что я хочу
сегодня
Глотками пить остывшую свободу!
А завтра - завтрашние грани
небосвода.

Но дикость в том, что я хочу
сегодня
Наделать глупостей и быть
предельно честным:
Живем единожды под заревом
рассветов.

Вот так же ветер рвет колоду с
места
Рассыпанных меж нами междометий.
Вся жалость в том, что миг
неповторимый

Прокручиваем в яростной надежде
На то, что сбудется отжившее
однажды-
Неповторимое, как нам казалось
прежде.

Как славно быть бездарностью в
ответ
На все дороги и кочующие звезды,
В которых гаснет нерушимый свет.
Сбегу туда, пока еще не поздно.

Как глупо быть свидетелем часов
И бедуином собственной печали.
Зажги костер, гори и будь таков.
Какие звезды по тебе скучали?
Зажги себя, гори и будь собой

В закате многоцветного начала.
Так приступ сердца рушился в
огонь.
Так музыка прощальная звучала.

Давай вон то зеленое покрасим
клеткой розовой
и выпьем за кончину всех
проливных дождей
я так устал от бешеной всей
жизни неприкаянной

не стану веровать и воровать -
налей еще полной
Покаемся в зубах зажав билет у
рельс до Адлера
тепло там - можно запросто в
штанах и без штанов

и может быть развернется как
очищенное помыслов

моральный кодекс
 строящихся
 будущих миров
 Век не метил в
 ближнего
 нет кукиша за
 паузой
 я рад любому
 встречному и
 мартовским котам
 куда ж скажите
 стинули
 веселые приятели
 зеленые и сонные
 летим ко всем
 чертям
 Ты помнишь как мы в
 сумерки кричали в
 пасть прожектора
 и после вдоволь
 вечера и страшный
 гололед

Архив автора

покаемся ж и
 выбросим и выльем за прошедшее
 покуда целы крылышки продолжится
 полет

Бедная фея каждое утро
 в жаровню вставляя скрипку ключа
 помнит рождение перламутра
 но не приходит, а может крича
 трубная песня шампанского золота
 режет ей уши и лезет в пальто...
 Сказка вчерашнего подорожания
 тяжесть кареты и снова не то
 С елки спорхнуло как пыль мотыльковая
 сбив напоследок короны овал...
 Я там присутствовал бедствовал
 пьянствовал
 был но к несчастью не узнавал

Огни на целом свете, во вселенной-
 Горит огнем твоя былая связь,
 Свинарники, дворцы и коновязь...
 Не согревая душ, горит огонь
 нетленный.

Не будет ничего, одна расплата
 Как музыка, как пепел календарь
 Не даст нам потерять, и не ударь
 По музыке теории возврата.
 На целом свете, во вселенной жить
 Гораздо проще, если немые руки,
 Они еще живут, а вот заслуги
 Пускай себе горят одним огнем.
 Тепла не будет в праздниках моих,
 Тепла не будет, если столько света
 Распотрошат на части и планета
 Без тени на двоих. Прости, пусть все
 горит..

Жил - еще не значит был
 Был - еще не значит выжил
 между щелями стропил
 между мыслями извиллин
 Пел - еще не значит смел
 смел - еще не значит выпил
 сжавшись меж летящих стрел
 между ввысь летящих выпей
 Ждал - еще не значит звал
 звал - еще не значит скучно
 я все это написал
 ну а ты дурак послушай

О завтрашний день свой оставит след -
 Быть может, еще одну неудачу?
 В проломах неба то снег, то свет,
 Но я уже не смогу иначе.
 Стучится ветер в мое окно,
 Усталый дождик о чем-то плачет.
 Наверно, детство уже прошло,
 А я уже не могу иначе.
 Неужто опять из крошечной мглы
 Усталый путник куда-то скачет?
 Пол-жизни прожито, сплошь углы
 И я уже не смогу иначе.

Где суровость авторского суда ?

В подборке 16 стихов шекинского автора Евгения Широкова. Указано, что они взяты из двух тетрадей. Позд на пороге тридцатилетия, это время зрелости и осмысления того, что удалось уже сделать. Но фраза о том, что «уровень» — вопрос второй» изобличает полное сожаление что — то осмыслить. Да, понимание окружающих значит очень много. Творить в доброжелательной, чуткой атмосфере хотелось бы каждому. Но это не значит, что надо заболеть «звездным вирусом» и пускаться все на самотек. Автор судит себя строже всех — старая истина. Но Евгений, кажется, совсем нетребователен, он всем доволен в себе и даже признается — «я не смогу иначе». А жаль.

Явная расхристанность проступает в стихотворении «Отменяю законы физики...». Кроме желания «сигареты в пасть» и «в поэты попасть» там нет ничего. Тот же кураж и в других стихах. Прощая глупость, каприз, легко простить зло. Чем — то встревожило стихотворение про убитого медведя — «Сегодня очень приукрасила меня...». С одной стороны, героя задела кончина Тонтыгины: «Плеснуло кровью — хлынет эхо по земле...» А с другой стороны, он лишь скупой наблюдатель, сидит, скользит взглядом по тем, кто жует «вкусную котлетную удачу».

Стихотворение «Давай вой то зеленое покрасим клеткой розовой» приходится читать несколько раз, чтобы понять, о чем идет речь. Набор слов, набор фраз, шокирующих и сбивающих с толку, если над ними думать. Но это потому, что они случайны — сам автор Евгений Широков над ними не думал, швырял наудачу первые попавшиеся. Курортные порхания хипствующей парочки нагоняют тоску и на героя, и на читателя. А как иначе? Герой рад мартовским котам, мечтает поцеловать в Адыр, потому что там «тепло и можно без штанов». Остается только «пасть полней» и уж тогда можно что угодно орать в прожектор, а также рисовать розовым по зеленому и «лететь ко всем чертям...». Еще бы тут не устать «от жизни бешеной»? Устанешь, волком завоеешь, а в конце концов перекутаешь, что значит «веровать и воровать».

Автор иронически ушомянул об очищении, о моральном кодексе, который может разверзнуться (шодобно яме). Уж какое там очищение. Перьячливость, неразборчивость, расхлябанность, граничащие с безумием. Что могут такие стихи дать моим ученикам, которые и так не наделены особым интеллектом, сами готовы напиться, орать «огняцуться»?.. Быть возвышенным и умным — трудно, вот люди порой и утверждают себя топорным и диким образом.

Не стоит, конечно, рассматривать стихи как поведенческие прописи, требовать от автора, чтобы он «сделал красиво». Но очевидно, что сам автор не чужд высоким чувствам, возможно, даже читывал по молодости Баратынского или Мицкевича. Творения самого поэта Широкова можно назвать — по меткому выражению одного митературоведа — лишь «плахонисью». «С одной сигарой в пасти в поэты не попасть», молодой человек.

Тамара Сизова

О ПОВОДЫРЬ ФЕИ

Вот уже пять лет существует в Шекине поэтический клуб «Январь», объединяющий людей песенной и стихотворной силой.

Его участники неоднократно приезжали в Вологду по приглашению вологодского КСП «Откровение». А шекинская группа, прибывающая на Петух на ежегодный слет бардовской песни, самая веселая и многолюдная (судя по костре варят ведрами Среди них Олег Кукса, Александр Лайминг, Виктор Муравьев и Евгений Широков, единственный «говорящий» среди поэтов).

Евгений читает просто, естественно, тихо. И стих его метит нежен и весел: «Бедная фея каждое утро...» Слушать радостно. Правда, есть технические дыры, приблизительные рифмы, которые встречаются случайно на каждом шагу: «Подъем — слон», разве это рифма? Так и хочется переправить «объявляю душевному подъему» на «душевный упадок вою». Далее «мир — объектив», «дни — корабль», «дно — мое». Иногда даже кажется, что это вообще сплошной белый стих безо всяких рифм. Но нет, потом рифмы опять появляются и бедурные.

Есть свои уровни обращения: после «мы» вдруг «ты». Есть растягивание стиха там, где он логически должен кончатся. То есть сумятица и волшебные сердца у Широкова незаметно переходят в сумятицу речевую.

Как человек и автор он становится притягателен в момент озорства. По крайней мере три стиха этой подборки ироничные. Значит, не заносчив, не чванлив. Он значителен попыткой объяснить, что же происходит, что такое белый свет и сам он па этом белом свете. Для этого он применит прием толкования вневчных истин, перевода их на свой смятенный взволнованный язык. Той же цели служат стихи исповедального плана. Там он описывает себя и что ж? Получается довольно яркий образ. Романтик — одиночка, чужак не от мира сего. Романтика — это отделение от предмета на расстояние, достаточное для его обозрения (Михаил Анчаров). Широкову удалось оторваться от грубого бытия для того, чтобы его обозреть. Многие возможные упрёки в свой адрес он преудтадал.

Особое место занимает стих про фею. В нем есть ощущение, знакомое каждому, это ощущение близкого пропущенного счастья, олицетворение которого — бедная фея. И герой, сам такой же, как и она, единственный, кто мог стать ее поводырем и защитником, ее проморгал. Поводырь феи, бедунн собственной печали, Евгений Широков пишет слова не ради слов, а ради ясности, честности, чистоты, чтобы была пропасть между идеалом и реальностью.

Чтобы жить с открытыми глазами, но познать высшее.

Галина Щекина

Елена
Фурман

Архив автора

НА

ПОРОГЕ

ЗАЗЕРКАЛЬЯ

Елена Фурман родилась и живет в Харовском районе Вологодской области, в д. Фоминское. После окончания школы работает в Харовской районной библиотеке. Пишет стихи, песни, фантастические рассказы. Увлекается философией. Печаталась в районной газете «Призыв», областной газете «Вологодская молодежь». Произведения Фурман неоднократно обсуждались на заседаниях литобъединения «Ступени».

Автор о себе
Начала я писать очень поздно, лет в 16-17. Лишь к тому времени научилась изображать стихами свои музыкальные опыты на гитаре. Поэтому среди своих кумиров назову прежде всего музыкантов - «Битлз», Мориа, Макаревич, Цой, Тальков. В литературе это в первую очередь Пушкин. С детства была заморожена музыкой его творчества. Потом Цветаева, Тарковский, Шефнер, Войнович, Булгаков, Стругацкие... Серьезно ли отношусь к своим стихам? Пожалуй, да. Не в том смысле, что много над ними работаю, нет, стихи для меня - прежде всего объект самоанализа, эксперимент. Образы, ситуации, чувства в моих стихах обычно не имеют ничего общего с моей жизнью, я излагаю в стихах возникшую из воздуха идею, и таким образом получаю выражение своих мыслей и одновременно - открытие чего-то нового во мне или вне меня... Наверно, я не поэт, а исследователь творчества. Мне интереснее узнать, почему получаются стихи, чем их просто записывать. Теперь о том, кто мне диктует стихи. На спиритических сеансах я задавала этот вопрос и получила ответ: «Кант». Разговаривала я действительно с духами или собственным подсознанием? Не знаю. Несомненно одно - при записи стихов и песен, при любом творческом процессе мы взаимодействуем с Космосом, с чем-то иррациональным. Появление произведений без такого взаимодействия - ремесло, а не творчество.

Ты в зеркало смотрела изумленно,
В изгибе губ застыл немой вопрос:
Откуда вдруг возникла незнакомка
С той стороны, за амальгамой грёз?
Из четких линий свет твой след оставил
С той стороны, но - странная игра,
В которой ты не ведала всех правил,
Твой взгляд настороженный привлекла.
Незримое вдруг в яви отразилось.
Ты замерла в восторге, чуть дыша
И поняла: твой лик преобразила
Волшебно отраженная душа.

Ты медленно знакомилась с собою.
Дрожали тени в глубине стекла.
Душа твоя, лишенная покоя
Со стороны себя подстерегла.
И растворился мир незримых линий,
И чудеса реальность обрели,
Когда шагнула ты к зеркальной сини
К себе самой - от призрачной Земли.

Узнать бы, как душа рождалась,
Что было видеть суждено
Ее недремлющему оку
В той бездне, сказочно далекой,
Которой телу не дано,
Постигнуть в полном блеске красок,
В единой музыке небес,
Пока наш дух томится здесь,
Пока над духом формы властны.
Пройти бы грань судеб забытых,
Что тленом скрыты от ума,
Себя ища в них постепенно,
И боль, и свет былого дня -
Вернуть хотя бы на мгновенье...

Он пел, но не слышен был голос его
Для Города Вечных Забот.
Не мог же он петь для себя одного -
Поэты престранный народ.
Он вышел на площадь и в лица смотрел
Людей безнадежно глухих.
Они, если б знали, как он их жалел,
Уж точно б подумали «псих».
А он был Поэт. В тот же вечер поджет
Все записи песен и нот
И тихо ушел, и ни слова в упрек
Никто не слышал от него.
Но в шелесте ветра и блеске луны
По-прежнему песни он пел
И тех, кому песни его не слышны,
Все так же бессильно жалел.

Мерцали зеркала полночным лунным светом.
Я растворялась в них, не отражаясь вне.
Пусть логика твердит, что мне приснилось

это.

Кто знает, может быть реальность в этом
сне.

Я в вещих зеркалах ответ найти пытаюсь,
Но в этом мире в них - лишь искаженный
лик.

И подойдя к стеклу, я только отражаюсь,
Надеясь в Зазеркалье заглянуть на миг.

Мы когда-то все летали,
И не только лишь во сне,
Но взрослея, перестали
Доверяться вышине.
Мы когда-то так наивно
Сказкам верили любуясь!
Жизнь казалась непрерывной,
Мир был вечно молодым.
Как давно мы не смеялись
Беззаботно и легко.
Детства дни давно умчались
Бесконечно далеко.
Мы когда-то все летали
И не только лишь во сне,
А взрослея, потеряли
Ту потребность в вышине.

Странный - от слова «странник».
Значит, странствую я
В мире, где нет расстояний,
В мире, где зрима судьба,
Где-то наощупь касаясь
Непроторенных дорог,
Где-то внезапно врываясь
В новый пространства виток...

Теряюсь в бешенстве идей,
В водовороте слов.
Тону во мраке площадей
Незримых городов.
Теряюсь... Кто меня найдет
За отраженьем грез,
Где вечно все наоборот -
Бессмысленный вопрос.
Никто. У каждого свои
Незримые пути.
И дай нам Бог хотя б одно -
Самих себя найти...

Что может быть свободней мысли?
Неописуемая словом,
Она, не спрашивая, мчится
Туда, где нет пути другого,
И звук, и свет опередит.
Морской прибой ее ласкает,
И тут же ринется она
В звезды пылающие недра.
О мысль свободная! Как щедро
Ты Богом вознаграждена!
Неуловима, легкокрыла...
О как хочу я, чтоб открыла
Ты свой секрет полета мне.
Какой неведомой силой
Ты обладаешь? Поспеши,
Открой секрет своей свободы
Для телом скованной души.

В глубине моей гитары
Поселились тайно ноты,
Будто спрятались от шумной
Повседневной суеты.
Я о том подозревала.
А случись бы все иначе -
То откуда взяться песням
Чьей-то чуждой мне мечты?
В глубине души мятежной
Негасимый свет тается -
Он, бесплотный, бесконечно
Станет мне в пути светить.
Это свет любви безбрежной,
Пусть невидим, но реален:
Если б был он просто сказкой,
Вряд ли б так хотелось жить!

Прозреть бы мне на миг, о Боже -
О чуде чудном я молю,
Его я недостойна, может?
Так объясни же страсть мою,
Мое великое желанье
Увидеть истинную суть,
Узнать судьбы предначертанье
И разлюбить туманный путь.
Ведь цель видна, ясна, желанна,
Какой же смысл ее скрывать?
Постигну доброе и злое,
Туман придется переждать,
Пока же стану повторять -
Вернись, неведенье былое.

Пока относительно мы,
Привычно иллюзию множим,
Согласны на стены тюрьмы,
Которой наш дух искорежен.
Совсем не жестокий закон

Тому, кто в плену и во лжи
Лишь раб, недостойный свободы -
Так любы ему миражи.
Мы время придумали сами,
И будут сменяться века -
Пока относительность с нами,
Иллюзии с нами пока.

Рывок в другой мир

В стихах Елены Фурман увиделось мне стрем — ленье выйти из общепринятых человеческих возможностей, разрешить себе жизнь такую, какую другие запрещают, познать «свет любви безбрежной», невидимый другими, потому что запретный якобы, но в действительности реальный.

В мире, где люди с возрастом разучились летать, позволили ввести себя в зависимость от расчетов — жить, конечно, проще, верно, но это жизнь с закрытыми глазами, и проходит она так же тщетно, как попытка увидеть яркий мир через защитные стекла. Бессмысленно пытаться помочь окружающим открыть глаза — плен и самообман были всегда, изначально. Любовь к миражам, видениям, недоступность свободы, жизнь вслепую — таков удел многих! Но он не для Елены Фурман, она стремится в свое Зазеркалье, потому что мечтает о прозрении. Она к нему близка: сама мечта о нем уже есть выход из — под запрета.

Мария МОРЕВА

Игры разума

Формальный подход к стихам Елены Фурман обнаружил бы только их несовершенство. Да, есть провалы в смысле рифм — в одном месте они слишком приблизительны или заменяются слабым перезвучием («странник — расстояний»), в другом они отсутствуют вовсе («Поселились тайно ноты»). К тому же по теме и по замыслу ее стихи как правило шире того, что видит читатель — размах вселенский, а в финале либо прямая дидактика, либо трюизм. Получается — с одной стороны, увлеченность силой слова, с другой — невозможность выразить себя...

Лишь одно — два стихотворения Елены можно отнести к «сюжетным»: «Мы когда — то все летали», «Он пел, но не слышен был голос его». Остальные — «рассуждения». Это прекрасно, потому что путь осмысления — всегда путь вглубь явления. Но «говорение» не должно становиться самоцелью! Важно, чтобы в ходе размышлений тоже был свой внутренний сюжет, своя путеводная нить, чтобы читатель вместе с автором двигался куда — то. В «рассуждениях» этого добиться труднее, чем в «сюжетном» стихотворении, тем более, что Елена намеренно уходит от внешнего мира в просторы абстракций.

Цель философских рассуждений Фурман — оторваться от плоской видимой реальности. Она мечтает познать невидимое, воображение ее бушует и в погоне за новыми мыслями рождает новые спирали. По ним можно путешествовать без конца.

Игры разума волшебны и заманчивы, результат их непредсказуем. Никогда нельзя точно узнать: говоришь ли ты с чьим — то образом, либо в самом собой. К тому же есть опасность поставить еще одну черту недоступности между собой и читателем.

Пока же неповторимость стихотворных экспериментов Елены Фурман заставляет признать: игры разума не забава, но попытка познания себя. И для этого подходят любые формы.

Галина Щеккина

Наталья Сидорова :

Вологда

" НАШИ СЛЕЗЫ ОСУШИТ МЕССИЯ "

Наталья Сидорова родилась в 1953 году в Будуйке Грязовецкого района Вологодчины. Отец и мать простые сельские жители. Почти до 20 лет Наталья была прикована к больницам и санаториям, ей не пришлось ходить в школу. До 14 лет читала одни сказки, позже открыла и полюбила русскую классику, особенно Достоевского, Лескова. Из поэтов почитаемы Пушкин, Есенин, Анненский и Ахматова. Стихи начала писать рано, первые публикации относятся к 1969-1970 годам. Начало было положено грязовецкой газетой «Сельская правда», где тогда работал Сергей Чухин. Большим другом Сидоровой стала Нина Веселова, которая и помогла ей переехать в Вологду.

В 80-е годы много публиковалась в центральной печати. Участница всесоюзного совещания молодых писателей в Москве в 1984 году и Северо-Западного зонального совещания в Петрозаводске в 1989 году. Автор поэтических сборников «Слышу ветер» (1982) и «Моей любви печальный сад» (1989). После этого была принята в Союз писателей. На стихи Сидоровой создано много песен Александром Хазовым и другими авторами-исполнителями. В 1994 году в Вологде в издательстве «Восток» вышел нотный сборник песен Надежды Бурдыковой на стихи Натальи Сидоровой «Тишину аккордами нарушу».

Под пылающим небом
Всё бледнее земля,
Каждым малым побегом
О пощаде моля.
Словно многим повинна
Пред последним судом,
Горько никнет осина
Над холодным прудом.
Ветер смолкнуть не хочет,
Заглушая мольбу,
Как безумный пророчит
Грозовую судьбу!
Не пугай меня, ветер,
Ты молитву мою
Унеси на рассвете
В край, где птицы поют.

Осуши наши слезы, Мессия,
Ради подвига вечной любви.
Терпеливая мать Россия,
Мы безумные дети твои.

Твои храмы судили с размаху,
Чтобы гордо стоять не могла.
И ложились безвинно на плаху
Словно головы, их купола.

Сколько мы, погибая безвестно
Проклинали свой горестный край!
Забывали молитвы и песни
Под вороний неистовый трай.

На земле возжелавшие рай,
Испытали пылающий ад...
Ждем чего, изумленно взирая
На съедающий душу разлад?

Федор Токаревский

Нашей памяти светлые блики,
Подскажите счастливый исход.
Потемнели священные лики
И разбит драгоценный киот...

Наши слезы осушит Мессия.
Хватит сил у великой любви.
Терпеливая мать Россия!
Мы заблудшие дети твои!

Много дней я молилась
Молитвой одной,
Всею душой, истекающей
Кровью:
За холодное слово, за взор
Ледяной
Накажи его, Боже, любовью!

Гордо жил, ни чужих, ни
Своих не шадя.
Вновь кричу голубому
Безмолвью:
Он не ведает страха
Предсмертного дня,
Вразуми его, Боже, любовью.

И когда заплутал, погибая
Во лжи,
Сам себя предавая злословью,
Все молила - у края спаси,
Удержи,
Подними его, Боже, любовью.

Ну, а если заплачет над
Жизнью своей,
Ангел тихий, склонись к
Изголовью.
Ради долгой и горькой
Молитвы моей
Награди его, Боже, любовью!

Эту ложь кто придумал, что
Будто бы сладко
Задыхаться удушливым чадом
Страстей?
Пусть над миром царит
Вековая загадка,
Птицей вырвись, душа, из
Проклятых сетей!

Не оплакивай день,
Угасающий ало.
От предчувствий полета в
Ночи холодней.
Все оставишь земле, что

недолго сияло.
Ветер вечных высот дышит в
души людей.

Бедной странницей встану у
Входа,
Чтобы тихо промолвить: прости,
За мою спиной непогода,
Я пришла, чтоб не сбиться с
пути.

Даже плакать и то не умею,
Вся застыла в холодной ночи.
И одну лишь надежду имею
На горячие слезы свечи.

Перед образом Девы Марии
Вспоминаю хвалебный канон...
Золотые лучи литургии
Льются в сердце и тает оно!

Давно чужая этому веселью,
Я полюбила эту тишину
И комнату, похожую на келью,
И сумерки, приникшие к
окну.

Когда душа припоминает
Звуки,
Не слышанные прежде на земле,
То зарастает след от черной
Муки
И зеленеют травы на золе.

Я научилась с тайною отрадой
За каждую слезу благодарить,
Стоять перед зажженною
Лампадой
И с Ангелом безмолвно

говорить.

Жизнь за любовь отдавала -
не крохи,
Все драгоценности мира
поправ!
Душу мою до последнего
вздоха
Пей, поцелуем безмолвно
припав.

Губы твои горячи и жестоки,
Нет, за собою меня не
зови.

Эти земные горячие токи
Лишь обещание вечной любви.

Молния светом небесным
ударит,
В лепете нежном сверкающих
струй.
Ангел предсмертный, я знаю,
подарит
Тот долгожданный святой
поцелуй.

Долго на земле любви искала,
Не минуя гибельных путей.
А она давно звездой сверкала
Вифлеемской, той, что всех
светлей!

Выйду в поле, на небе высоком
 Розовеет нежная волна.
 Поклонюсь смиренно пред
 Востоком,
 Веря голубым слезинкам льна.

Соберу в ладонь росы
 прокладу,
 Словно неба чистого глоток.
 О, тшета желаний, знак
 правду -
 Быстро вянет сорванный
 цветок.

Что любить мне в этой
 жизни тленной?
 Господи, пустынно без тебя!
 И душа пред лицом вселенной
 Плачет, о Тебе поет,
 любя!..

Надежда Бурдыкова

*Наталья Сидорова,
 Надежда Бурдыкова*

«ТИШИНУ
 АККОРДАМИ
 НАРУШУ»

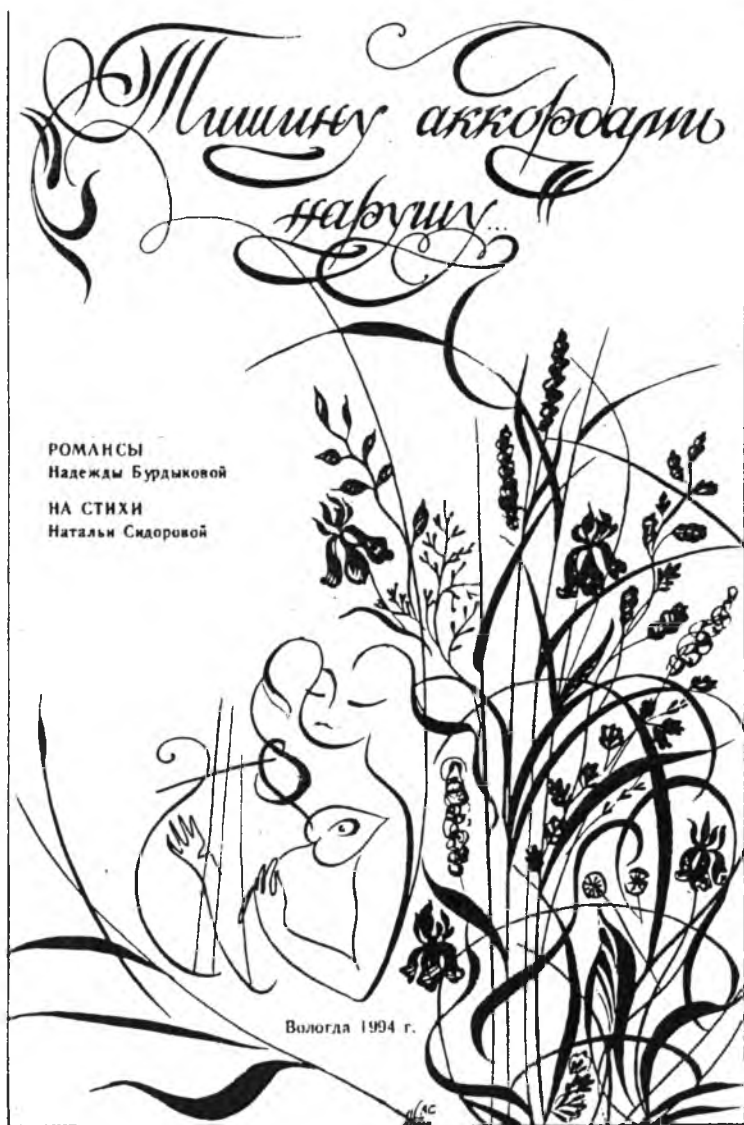
(Вологда)

ТО, ЧЕГО НИКТО НЕ ЖДАЛ

Тиражи самых долгожданных книг часто малы бесконечно. И выходят они редко. Вторая, и последняя, книжка Натальи Сидоровой «Моей любви печальный сад» вышла в Северо-Западном книжном издательстве в 1989 году тиражом всего в тысячу. А почитателей ее таланта только в Вологде в несколько раз больше.

Для них и выпущен альбом (ноты и тексты) песен и романсов Надежды Бурдыковой на стихи Натальи Сидоровой. Редкий случай сотворчества: любовь читательницы перелилась в музыку, чтобы дорогие сердцу строчки звучали и пелись. Многие вологжане помнят телевизионные передачи и с участием Сидоровой и с участием Бурдыковой, посвященные этим стихам и песням. Но фильм живет один день, а книга вечно...

Напомним, что это первая крупная публикация талантливой народной певицы Надежды Бурдыковой "серебряного голоса России", хорошо известной ценителям русской песни не только музыкой на стихи Сидоровой и Рубцова, но и своими собственными, еще ждущими опубликования песнями. Альбом «Тишину аккордами нарушу» состоит из романсов на любовную и природную тему. Непостижимы лики любви - от белой печальной птицы до уходящего теплого лета, от брошенного цветка до кипящей слезы. Образный строй многоцветный и вместе с тем прозрачный. Пылающая рябиновая гроздь и цветущая, будто в снегу, черемуха, полаская в небе звездочка жизни и слабая свеча надежды. Да, стихи эти печальны, грусть пронизывает и мелодический рисунок. Но это грусть животворящая и возвышающая. Подобно молитве, она успокоит и утешит вас, наделив силой и терпением жить дальше.

РОМАНСЫ
 Надежды Бурдыковой
 НА СТИХИ
 Натальи Сидоровой

Вологда 1994 г.

Готовится к изданию при участии в альбом
 песен Анны Баян. В их числе песни на стихи

Натальи Сидоровой

АНТОНЯНКОВСКИЙ КНИГОЛЮБ

...Помнится, в тот холодный ноябрьский вечер я сидел в своей развалине, некогда бывшей довольно симпатичным креслом добротного зеленого сукна и разглядывал три стоящие в ряд фирменные коробки. Коробки были доверху наполнены книгами, которые привез утром служебный фургончик с броской, выведенной ярко-синей краской, надписью «Все, что угодно - на дом. Книги, газеты, открытки.»

Я наполнил бокал сухим мартини и, прислушавшись к протяжным завываниям ветра за окном, покрытым причудливыми узорами первого мороза, пришел к выводу что в такую поганую погоду хороший хозяин собаку из дому не выгонит. Где-то надрынно залаял вечно голодный пес Боба К.Харпера-младшего. Выходит, Боб был нехорошим хозяином, что ж, вполне логично. Я сделал большой глоток и с сожалением отметил, что содержимое моего бокала уменьшилось ровно в два раза, начал вынимать книги из первой коробки.

Вскоре рядом с двумя другими упаковками выросла солидная стопка пахнущих свежей типографской краской изданий: двухтомник Альфреда де Мюссе, первый том писателя Новой Англии от А до Л, один из последних бестселлеров Роббинса, редкое издание «Мисс Гарриет» Мопассана («Для библиофилов. Вряд ли мы сможем достать вам эту книгу. Но если шестьдесят долларов сверху, то - только для вас. По рукам.»), цикл романов Кинга «Темная башня».

(«Молодец, мой юный книголюб. Как я посмотрю - а если как я посмотрю? Вы ведь позволите мне посмотреть, мэм? - у тебя разносторонние интересы!» Дежурная фраза старой библиотекарши, перед которой с горой книг в руках стоит пришибленный очкарик.)

Коробка вторая. Собрание сочинений такового. Хороший был писатель, да вот жаль, умер уже. Публицистика, сборник статей об английской детективной прозе. роман... Стоп.

Мое внимание привлекла черная обложка с надписью «...тот окаменеет», остальных слов мне было не видно из-за лежащих сверху книг.

«Что бы это могло быть?» - подумал я, точно помня, что ничего подобного не покупал. (Что за глупости? Раз тебе ее доставили, значит, ты ее покупал. Кто ее тебе отдал, если за нее не было бы заплачено?)

Пальцы ухватились за черный переплет и извлекли со дна коробки вызвавшую интерес книгу.

Стопроцентно - я видел ее впервые. Мое любопытство возросло и стерев с обложки тонкий слой непонятно откуда взявшейся пыли, я прочел: « Кто ее откроеет - тот окаменеет.»

Старый добрый прием, используемый во многих фильмах ужасов, когда чрезмерно любопытные лезут куда не надо, а потом у них начинают отваливаться уши или расти очаровательные рога. Либо они вовсе исчезают. Но пусть не волнуются зрители, все закончится хэппи-эндом. Я улынулся собственным мыслям и раскрыл массивный фолиант, в котором было не менее семисот страниц.

Первое, что бросилось мне в глаза - та самая, только что прочтенная мною на обложке фраза, выведенная крупно какими-то...

(Ты хочешь сказать - подозрительными?)... подозрительными чернилами, сильно напоминавшими мне...

(Кровь?) Именно запекшуюся кровь. (Поменьше читай страшных сказок на ночь, а то тебе и переплет покажется из человеческой кожи.)

Немного ниже, на этом же пожелтевшем от времени листе разместилось, очевидно, то же самое предложение на латинском языке. Но это могла быть только догадка, потому что мои познания в этом языке были более чем скромны. Я быстро пролистал том...

(Ищешь знакомые буквы, мой юный книголюб?) ... и пришел к выводу, что ничего не могу понять - вся книга была на латыни. (И совсем без картинок.)

Со вздохом захлопнув ее и отодвинув немного в сторону, я гордым взглядом окинул комнату, представляя себе ошеломленную притихшую аудиторию, которая ожидала бы увидеть меня в образе каменного изваяния.

(Смотрите, я не окаменел. И у меня не проявились никакие побочные отрицательные эффекты: лицо не покрылось шерстью, я не стал внезапно заикаться и т.п. Да, чуть было не забыл: на плечах у меня по-прежнему голова, а не округлой формы бульжик, и в штанах у меня до сих пор то, что нужно. Просто редчайший случай!

Интервью брал Джон Смит специально для книги Гиннеса).

Затем я принялся разбирать третью коробку, решив, что завтра позволю в книжный магазин и заявлю об ошибочно доставленном томе. Расставив приобретенные книги в стеллаже и положив к себе на ночной столик сборник детективных историй Квина (живи по принципу «ни дня без чтения»), пристроил «Пособие для тех, кто желает окаменеть» на этажерку рядом с подшивкой спортивных разделов из «Нью-Йорк таймс» и отправился ужинать разогретыми гамбургерами с гарниром. Последующие два дня я о книге не вспоминал.

На утро третьего дня описываемых событий я проснулся с пугающе-убежденным чувством, что что-то не так. И это что-то было очень плохим и мало того - происшедшим именно со мной. Сев на постели с твердым намерением встать и пойти смешать себе коктейль, я откинул одеяло и со стоном повалился назад.

Вся нижняя половина тела была покрыта каким-то... (Вот и сбываются предсказания милого волшебника.) ...беловато-серым налетом, напоминающим мелкий дробленый щебень. Я нервно рассмеялся.

(Друзья, вы здорово надо мной подшутили, здорово меня напугали, а теперь выходите из соседнего кабинета с баночками серой краски в руках и говорите - "ага! 1:0 в нашу пользу".) И осторожно провел пальцами по шероховатой поверхности ног.

- Мать вашу, да что это?

Поверить в предостережение той странной книги?! - Что ж, несколько столетий назад это было бы вполне возможно, но никак не сейчас, в наше цивилизованное время, когда каждый знает, что всего этого просто не может быть... (Гляди веселей - теперь тебе придется всего лишь изменить свое мнение на этот счет. За свою жизнь можешь не беспокоиться. Квалифицированные врачи знают свое дело. Я попробовал стряхнуть с себя этот налет. Дохлый номер. Каменная пыль вьедалась в тело, слившись... (бред какой-то!)... с моей кожей в одно целое. (Ну, чем ты теперь лучше тех дурачков из фильма, которые, как правило, просто обязаны влезть куда не надо? Ничем.)

Доктор Синглтон сегодня не принимает. Но у меня должен быть его домашний номер телефона. Он должен, он просто обязан у меня быть. Я сполз с кровати и пошатываясь (взглянув на свои «новые» ноги, в первый раз усомнился, смогу ли ходить вообще) направился в ванную комнату. Там я тщательно осмотрел, вертясь у зеркала, свое тело. Оказалось, что «каменеть» начали только мои ноги. (Не расстраивайся, это только пока.) Нет, ничего т а к о г о со мной не происходит. Боже, пусть сон кончится.

Я схватил щетку со стальными зубцами и попытался соскоблить... (Надеешься от этого избавиться? Ну что ж, надейся. Всем известно, что надежда умирает последней.) ... с себя начавшие отчетливо выделяться мелкие песчинки. (Успехов тебе.) С таким же результатом я мог бы попробовать снять с себя в жаркую погоду свою кожу. (Невероятно, но он и в самом деле начал каменеть. Джон Смит, специально для книги Гиннеса.)

Отчаявшись, я в последний раз с силой «резанул» зубцами по ноге. Сейчас пойдет кровь.

Но кровь не пошла, и вообще никто не пошел, «посыпался»... песок, всего лишь несколько песчинок. (Несколько. Но не забывай, это только пока.)

Я уверен, что при виде этого ужасного зрелища мои глаза, в прямом смысле слова, чуть не покинули свой «дом». Я стоял и отрешенно разглядывал почти незаметную струйку песчинок, плавно скользящих из «ранки» на колене к полу.

(- Скажите, доктор, я буду жить?)

- А что с вами?

- Видите ли (он истекал кровью), моя коленка потеряла очень много песка.)

Только сейчас я понял значение распространённого оборота, часто используемого по адресу тех, кто родился в первые годы правления Теодора Рузвельта - «из них уже песок сыплется». Понял. Узнал. Как здорово, что каждый день можно узнать что-либо новое. Невольно в памяти всплыла строка...

(Вот эта строка и успокоит тебя сейчас, придаст бодрости твоему духу...) из романа Кинга. «Это происходит и внутри у него. Понимаешь?»

Конечно, понимаю. Чего уж тут не понять. Только там один мужик поимел счастье превратиться в чешуйчатую рептилию, а я скоро буду бесформенной каменной глыбой. Вся-то разница. (Жаль, что не знаком с Кингом лично, а? А то бы написал ему письмо со своей трогательной историей и тогда бы у Кинга была возможность создать роман «Каменеющий».) Боже, разбуди меня!

Но есть доктор Синглтон. Он спасет, поразив вереницей заумных, понятных ему одному терминов, назначив никому не нужные втирания вонючей мазью, затолкнув в рот полужаровый провод с лампочкой на конце, дабы узнать, что там внутри и что ты съел на завтрак (обязательная блевотина на чистом халате удивленной медсестры, помогающей проглотить чертову лампочку).

И вскоре - памятник Медицине! - ты будешь абсолютно здоров! «Ты всегда отличался крепкими нервами, - отрешенно подумал я. - Приятель, только не раскисай. А теперь походи и позвони Синглтону.»

Я толкнул дверь. (Улыбка продавца: «Мистер, купите этот замок и вы не пожалеете».) «Пожалею,» - пересохшими губами прошептал я и еще раз повернул дверную ручку. (Можешь попробовать еще раз.)

Дверь захлопнулась. Этот дурацкий замок непонятно каким образом зашелкнулся. Я заперт. Я принялся лихорадочно давить на кнопку, открывающую устройство, но железная подушечка лишь мягко утопала в пазу.

(«Завод-изготовитель гарантирует исправность.» - «Хорошо. Я куплю этот замок.» - «Вам завернуть?» - «Пожалуй.»)

С удачной покупкой тебя - кнопка заела. Я начал бешено ломиться наружу, сотрясая дверь ударами плеч и рук.

(Плохим оказался лишь замок, вот в чем вся штука. Дверь отменна и отменно сделана из отменного дерева. Но не беспокойся, тебя найдут... когда-нибудь потом.) «Только потом я буду уже не я.» Я бессмысленно улыбнулся этому жуткому каламбуру и посмотрел на свои ноги. Каменная крошка под сероватым налетом... (А ты наверно хотел сказать - «под кожей»...) явно увеличилась. Сейчас я мог насчитать минимум пятнадцать мелких камешков, которые вскоре превратятся в камни. В которые затем превращусь я.

И тут я заметил серые пятна у себя на груди, животе, плечах. («Желаю тебе дожить до самой смерти.» - «И вас так же.»)

Я напился из-под крана и отерев рукавом рубахи влажные губы, опустился на край ванны, произвольно сунув руки в карманы. Пальцы нащупали складной сувенирный ножик. (Вот твой шанс! - Да. И я его использую.)

Дюймовое лезвие врезалось в деревянный блок около замка. Крак! - полетели щепки. Крак! - несколько часов и ты выберешься отсюда. Крак! Ну, последний раз. БОЖЕ, РАЗБУДИ МЕНЯ. Ничего. Крак! Крак! Крак!

Замок уже готов был вылететь. Хороший бы удар ногой и все. О какой ноге может идти речь? («Эй, книголюб! У миссис Джонсон на ограду мужу не хватает каменных столбов. Можно, мы возьмем твои ноги?») Крак!

Кусок железа с грохотом упал на паркет, оставив после себя вмятину на лакированной доске. Сквозь образовавшуюся дыру я увидел ковровую дорожку, убегающую по коридору в холл, и толкнул дверь. Интересно, сколько сейчас времени? Часы в гостиной пробили четыре раза. Примерно семь часов - всего ничего - и ты на свободе.

Я попробовал сделать шаг. Громко сказано. Я попробовал сдвинуть с места на место ногу. Это мне

удалось. Немного. Я остановился... (Хе-хе, но ты кажется, еще не начинал никуда идти...) И судорожно стлотившись, оглядел свое тело. Сероватый налет уже добрался до груди и коснулся лица (Какой у вас необычный загар!), не оставив чистым ни одного участка тела. На животе начала появляться каменная сыпь, в некоторых местах успевшая слиться в камешки не более наперстка величиной. Что касается до того, что раньше было моими ногами... Об этом я лучше бы помолчал. Я стоял на двух прямых столбиках сплошного камня. И если это и было моим телом, то уже вряд что-нибудь могло спасти меня.

А теперь в кабинет, где стоит телефон. Давай, шагай смелее! Раз... Едва сдвинулся с места. (Тебе было бы полезно прочитать книгу «Первые шаги ребенка. Учимся ходить.») Два... Боже, как медленно. Три... Невероятное усилие. Четыре... Еще четверть ярда на твой счет.

Но в конце концов я добрался до кабинета и, тяжело упав в кресло, попытался вытянуть свои «ноги». Ничего не вышло. Я их уже не чувствовал, я ими уже не мог управлять. Прощайте.

Я снял с рычага трубку. Тишина. Да что же это такое? (Помирись со своей памятью.)

Ах, черт, только не это. Еще неделю назад жителей квартала известили, что «какого-то числа с 16 часов на три часа будет отключена телефонная связь выиду ремонта...»

Но это было уже неважно. Важно то, что сегодняшней день и был таким-то числом. Пусть всего за три часа (за которые ты успеешь с успехом почить, если можно так выразиться.)

...Вот и весь мой рассказ. Семнадцать часов пятьдесят семь минут. «Моей» осталась только правая рука от кисти до локтя. Все остальное уже... без слов. Но я знаю, как мне избавиться от этого. Знаю. Камень - это не я. (Боже, как дико звучит.)

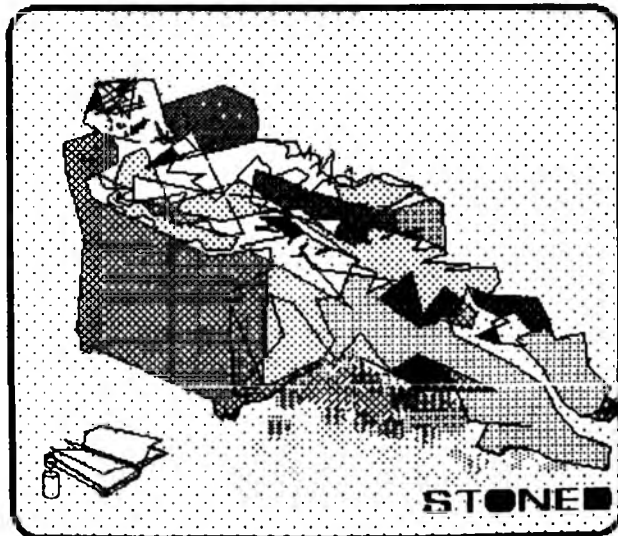
Камень - это всего лишь оболочка, панцирь, который можно разбить, и тогда под ним, под этим «каменным телом», я увижу свое, человеческое тело. Остаётся взять каминные шипцы, вот они, рядом со мной - получше размахнуться и разбить эту оболочку. А там будет мое тело, потому что оно там будет, потому что его там не может не быть, потому что его там не может не быть, потому что если его там нет, то это просто нереально, невозможно.

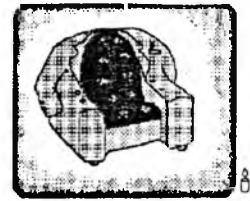
Я обхватил ладонью рукоятку шипцов (как приятно ощущать, чувствовать свои пальцы), размахнулся и...

Сумерки начинали постепенно окутывать просторную комнату, вытесняя с паркета последние лучи уходящего солнца. Ворвавшийся в раскрытую створку окна ветер нежно шевелил листки, беспорядочно разбросанные по гладкой поверхности стола. Листки, исписанные красивым размашистым почерком.

Где-то заливался лаем червероногий друг Харпера-младшего.

А около массивного стола красного дерева на месте кресла возвышалась груда бледно-серых камней, из которых торчала, одиноко уставившись в молчаливый потолок, рукоятка каминных шипцов.

кресло критика

«БРАВЫЙ КОП» В ВОЛОГДЕ

«Речь Антона Янковского изобилует американизмами и одновременно демонстрирует поистине советскую ментальность.»

Говорить о чужих произведениях — дело трудное и неблагодарное, но, наверно, нужное, прежде всего для тех, кто их разбирает, разлагает на части, анализирует, чтобы потом, вновь сложив отдельные элементы в целостное единство, подумать: а не напрасно ли все это? Литературоведение, как ни странно, область довольно замкнутая, закрытая для непосвященных, поэтому все замечания критиков и рецензентов в основном касаются других критиков и рецензентов, которые будут читать, соглашаться (или не соглашаться), настаивать на чем-то, что-то оспаривать, но как правило, все это никак не влияет ни на авторов, ни на качество того, что они пишут.

И все же я рискну изложить некоторые свои соображения по поводу прочитанных недавно четырех новелл молодого автора Антона Янковского: «В рамках ирреальности», «Ваш друг полицейский», «Мышка» и «Книголюб». Начну с первого. Сюжет прост. Главный герой теряет ориентацию во времени, переносится на столетие назад, потом возвращается обратно. Сама по себе сюжетная модель такого типа хорошо известна. В центре стоит какое-либо неожиданное событие, которое в корне изменяет представления человека (персонажа) о мире и окружающих его людях. Данная схема построения сюжета может реализовываться двояко. Либо загадочный случай происходит в начале и тогда весь последующий рассказ посвящается описанию героев после происшедшего, либо — в конце, но тогда уже случившееся должно послужить толчком к переоценке всего, что было раньше.

Примеров подобного построения текстов в литературе очень много. Так, к первому типу организации произведения можно отнести известную новеллу Ф. Кафки «Превращение», повесть А. Шамиссо о Петере Шлемиле, в какой-то мере «Фауст» Гете, а ко второму — рассказы «открытия» А. Чехова (В. Катаев).

Наш случай подходит скорее к первой обозначенной группе по двум причинам. Во-первых, в новелле Янковского мы имеем четко выраженное двоемирие (так, по крайней мере, декларируется). Во-вторых, как видно из самого рассказа, никакого качественного изменения с героем не происходит. Наоборот, миниатюра заканчивается сакраментальной фразой «Что за чушь!», которая как бы возвращает все в исходное состояние. Определившись с типом организации, приходим к противоречию: модель требует основного события в начале, а у нас оно в конце. Почему? Для ответа вернемся к заглавию рассказа. Термин «ирреальное» в широком культурном контексте может быть понят по-разному, но основное его значение — «инобытие». Причем совсем необязательно это понимать как потусторонний мир, «киное царство». Скорее это обозначение другой реальности, отличающейся от обычной. Эта другая реальность может иметь разное происхождение: инфернальное (Шамиссо), психологическое (Гофман, Клейст), сновидческое (Кафка), социальное (К. Абэ, Сартр), но в любом случае она имеет свои законы и должна быть смоделирована автором, поскольку литературный, художественный текст — это всегда построение определенного универсума, модели мира, пусть даже и «другого». Вот тут-то автор и споткнулся, потому что ответить на вопрос об «ирреальном» не смог ни он сам, ни естественно, его герой. Метафора «превращения» (в данном случае гадания в другое время) оказалась ненаполненной, пустой, и рассказ заканчивается (обрубается) там, где должен был начинаться. Поскольку центральное в смысловом отношении событие оказывается нераскрытым, не освещенным в должной мере ни с внутренней, психологической точки зрения, ни с

точки зрения внешних событий, то проблематика текста становится неопределенной, а сам текст — немотивированным. А это очень важно, потому что любое художественное произведение, говоря словами А. Потебни, является постоянным сказуемым при переменном подлежащем. Высказать что-то — значит дать ответ. В качестве такого ответа и выступает художественное произведение (Г. Гадамер). Но этот ответ можно дать только тогда, когда есть вопрос. Нет ответа, нет вопроса, все просто.

Теперь в пору вспомнить о реальной критике 60-х годов XIX века и спросить: беда или вина автора в том, что в рассказе у него ни вопроса, ни ответа не получилось. Ответ традиционен — беда. На мой взгляд, автору не хватает писательского и жизненного опыта. Он выбирает очень сложную психологическую коллизию и пытается решить ее с помощью построения внешнего сюжета, что в данном случае вряд ли возможно.

С такими мыслями я закончил чтение первого рассказа и перешел ко второму. Но, увы!.. И здесь мне не удалось насладиться «виноградным мясом» новой прозы. Вкратце изложу суть дела.

Некий полицейский решает отработать, видимо, со скуки, небольшой ресторанчик по соседству с его участком. Но это ему не удается, так как его сослуживец уже взывает определенную таксу с владельца за «охрану» помещения. В ходе дела выясняется необыкновенная наблюдательность героя и автора. Так, например, они замечают, как один из посетителей с энтузиазмом гладит через кофточку грудь смазливой девицы, что рядом со стойкой в своей же блевотине (!) ворочается какой-то старичок, и также массу других деталей, необходимых для рассказа об американской действительности. Направив пистолет на хозяина, Бравый коп (речь автора изобилует американизмами!) успевает испугаться, вспотеть, подумать о тюрьме с соседями-педиками, о чести мундира и о многом другом, демонстрируя при этом поистине советскую ментальность. Кажется, что дело происходит вовсе и не в Америке, а у ближайшего коммерческого ларька, в который ломится подвыпивший шестнадцатилетний паренек. Сослуживец объясняет мальчику-полицейскому, как и где нужно заниматься рэкетом, прозвит пальцем и отлускает на волю. Герой же, усвоив объяснения, отправляется грабить ресторан в своем районе. История, что и говорить, замечательная. Что подводит молодого автора на этот раз? Думаю, то же самое, что и в прошлом: непонимание законов жанра, в котором он работает.

По определению это должна быть новелла, отличающаяся острым центростремительным сюжетом (нередко парадоксальным), отсутствием описательности и композиционной строгости. Но, к сожалению, ни остро, ни парадоксального сюжета мы не находим. Наоборот, более банальной фабулы, кажется, и выдумать невозможно. Что же до описательности и композиционной строгости, то тут и говорить нечего. Рассказ изобилует первым, и в нем полностью отсутствует второе. Герои рефлексировать там, где надо думать. Прибавьте к этому дидактическую концосаку и неумело сшитая ткань текста рвется окончательно. Однако продолжим. Нельзя забывать, что это не просто новелла, а еще и детективная новелла. Детектив — вообще особый случай в литературе. Автор детективного произведения должен прежде всего заботиться о том, чтобы читатель не потерял интереса к тексту, чтобы не закрыл его на второй странице. Для этого есть замечательная формула — загадка. Как правило, в детективных новеллах даются разные улики, которые можно по-разному собирать, группировать и т.п. «начинается подборание преступника по следам, по приметам» (Б. Шкловский). Иногда такие загадки многоэтажны:

сначала преступление разгадывает полиция, затем детектив с помощником, каждый из которых успевает дать ложную разгадку. Наконец, истина торжествует, так как пути разгадывания однолинейны. Конечно, здесь можно возразить и сказать, что так давно не пишут, и мы далеко ушли от Эдгара По и Агаты Кристи. Ушли, не спорю, но кто сказал, что устарела модель? Новая школа (Х. Борхес, У. Эко) вовсе не пренебрегают старыми сюжетными схемами, наполняя их семантическим сопротивлением. Я не случайно ссылаюсь сейчас именно на этих писателей, потому что их тексты содержат то, что вообще отсутствует в американской детективной традиции – подтекст. Прочитав очередной рассказ А. Янковского, зададимся простым вопросом: что хотел сказать автор? Ответов может быть множество, но настоящего ответа мы, как в первом рассказе, не получим. Потому что его нет. Текст вновь оказывается немотивированным, и к тому же без начала и без конца. Теперь пару слов о стиле. Под стилем я понимаю не только манеру письма, но и всю совокупность средств художественной выразительности, характеризующих манеру автора. Начну с того, что все, мной прочитанное у этого автора, происходит в Америке. Для чего? Для придания тексту большей условности? Возможно. Но не убедительности. Мы живем не в США, а в России и вряд ли можем с точностью знать, как устроена там жизнь, каковы речевые традиции, как чувствуют и думают там люди. Отсюда смешение русской ненормативной лексики

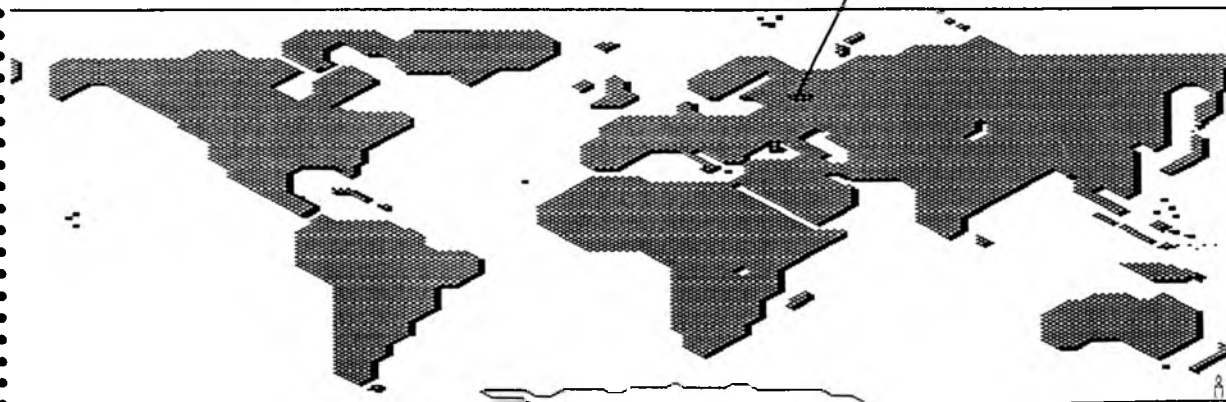
(«разборка», «забегаловка», «ублюжок гребань!») с американизмами.

Но самое главное – герои-американцы наделены чертами русской психологии, нашим национальным менталитетом, что часто делает изображенные ситуации комичными и ложными. Поэтому об авторском стиле А. Янковского говорить трудно. Здесь скорее нужно говорить о копировании стиля синхронного перевода, уродующего, прямо скажем, русский язык. Что касается рассказов «Мишка» и «Книголюб», то они, по-моему, получились. «Мишка» – детективная новелла, в которой автору удалось избежать многих ошибок предыдущих вещей. Там есть интрига, есть неожиданность, действие довольно динамично, и, что очень важно, рассказ закончен. Законченность эта и формальная, и идейная. В заключительных словах главного персонажа о том, что каждому в этом мире предуготована своя судьба, есть нечто фатальное. Мир – цепь случайностей, странные совпадения которых могут либо вознести, либо уничтожить. Так, наверно, можно определить смысл миниатюры.

«Книголюб» интересен своим замыслом, главным событием, которое описывается изнутри (герой превращается в камень). Здесь даже перебивки повествования – прием, часто используемый А. Янковским – кажутся вполне органичными. Это разговор двух «я» одного и того же персонажа: «я» переживающего и «я» анализирующего. Ирония снимает слишком серьезное отношение читателя к происходящему и придает рассказу характер литературной игры. В результате мы получаем некий «олитературенный» вариант этнологического мифа, что подтверждается замкнутостью и изолированностью главного события, исключительностью его. Эту новеллу надо интерпретировать по другим законам, цитируя Клода Леви-Стросса, Жюльена Леви-Брюля, Вяч. Вс. Иванова и других ученых. Но это уже тема для другой статьи, которую я, может быть, и напишу вскоре с любезного согласия автора.

Евгений Островский родился в Вологде в 1968 году. Здесь же закончил 2 среднюю школу, в которой работал преподавателем русского языка и литературы после окончания филологического факультета Вологодского педагогического института. В настоящее время работает там же. Аспирант Московского государственного педагогического университета. Публиковался в межвузовском научном сборнике «Литературное произведение – предмет исследования» (1993), в сборнике «Анализ литературного текста» (1994).

В этом выпуске только часть того нового,
что появилось в вологодской литературе.

"ПЕЩЕРЫ КАМЕННЫ..."

Виктор Плотников родился в 1950 году в Сандово, Тверской области. Окончил Ленинградский техникум

авиационного приборостроения, служил в армии, а с 1971 года живет в Вологде. Работал в аэропорту, на ОМЗ, в «Вологдастройконструкции». Начал писать осенью 1977 года, участвовал в областных литературных семинарах. Рассказы Плотникова публиковались в сборниках «Встреча», «Под Большой Медведицей», в журналах «Север», «Слово», «Лад», в 1993 вышла книга прозы «Когда мы будем вместе». Окончил Высшие литературные курсы. Член Союза писателей России. «Пещеры каменные» — художественно-исторический экскурс в мир былин, размышление о роли православия, попытка понять день нынешний через древнюю русскую символику.

Архив автора

двенадцать верст, Там и жили на заставе богатыре. Караулили, хранили стольней Киев да град, Не видали не конного, не пешего. Не прохожего ой да не приезжего, Да не серой-от волк не прорыскиват, Да не черной медведь не прохаживат. Э да было двенадцать всех богатырей. Да за старшого был Илья Муромец...

А в это время во Святых горах, как бы возвышаясь над землей славянской, разезжает на добром коне Святогор. Сила его такова, что не держит богатыря мать-сыра земля...

«На тех горах высокиих, На той на Святой горы, Был богатырь чюдный, Что ль во весь же мир он дивный — Не ездил он на Святую Русь, Не носила его да мать-сыра земля.»

Святогора никто не мог победить, это никому не под силу, — он сам ложится в гроб и уже встать с плащаницы не сможет. По преданию Святые горы — родина праславян. И Святогор, обладающий неземной силой, возможно, является хранителем праславянского духа. И с его смертью (или сном?) обрывается одна из святогорских ниточек народа и Божьего Духа.

Перед смертью Святогор успевает передать часть силы Илье Муромцу, и остается Илья самым сильным

на земле русской.

А врагов на Руси в X веке было немало. И один из главных соперников Руси — Хазария, исповедующая иудаизм. Сейчас мало кому нужно объяснять, что иудаизм — это поклонение мамоне и ветхозаветному богу Яхве. Если для проповедующих иудаизм — наград этот мир, то для православных — небо (духовная жизнь, жизнь в Боге).

Русь задолго до своего крещения поддерживала Византию — центр православия. И когда Константинополь в 939 году начал войну с Хазарией, тут же его поддержала. Но русские войска оказались разбитыми, а Киев взят и разгромлен. В те времена правил русским войском варяги и все основные войны проигрывали. И вот древние русы и славяне сменили правителей: под руководством Ольги произошел переворот. К власти пришел князь Святослав.

9 сентября 957 года Ольга приняла крещение и Русь вернулась на путь славяно-русской традиции, по которому она двигалась до варяжской узурпации (крещение на Руси началось еще до 867 года). Святослав в 957 году пошел войной на Хазарию и разбил ее. После этой победы папа Иоанн XIII в 967 году запретил богослужение на русском и славянском языках.

Но уже ничто не могло остановить распространение православия на Руси.

В 987 году крестился Владимир. В 988 году Владимир крестил в Днепре киевлян.

До принятия крещения делегация хазарских евреев предложила Владимиру свою веру, но ответил князь киевский: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны: если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?» (В 216 году возникла «мишна» — основы Талмуда, после чего произошел окончательный разрыв галилейского учения Христа и диаспорного иудаизма.)

Иларион в «Слове о законе и благодати» говорит об этом же:

«Виде свободная благодать чада свои христианские, обижаемые иудеями, сынами рабского Закона, Моисеем данного, возопили к Богу: «Отринь иудеев с Законом их, расей по

странам. Что общего между тенью и истиной, иудейством и христианством?» Не жалели жизни богатыри за землю русскую, за веру православную. Вот что говорит былина «Илья Муромец на заставе богатырской» о том времени:

«Едет Добрыня из чиста поля, В чистом поле увидел ископоть великую (удар о землю копыта), Ископоть велика — полпечи.

Учал он ископоть досматривать: «Еще что же за богатырь ехал?»

Из этой земли из Жидовския Проехал Жидовин могуч богатырь, На эти степи Цицарския!»

Не смогли Жидовина победить богатыри и только Илья Муромец сумел с ним справиться:

«Вскочил Илья на резвы ноги, Сел нахвальщине на белы груди. Недосуг Илюхе много спрашивать — Скоро спорол груди белыя, Скоро затмил очи ясныя, По плеч отсек буйну голову, Воткнул копье на русский, Повез на заставу богатырскую.»

Католичество, не сумев победить ислам, объявило войну православия. Рыцари-крестоносцы оправдывали себя тем, что греки — это еретики, хуже мусульман и язычников.

В 1204 году Константинополь был взят приступом и Византийская империя прекратила свое существование. Потеря центра культуры, философии, искусства, который сплывал разрозненные в то время земли, воспринимались на Руси как внезапная смерть близкого человека.

Русь оказалась в изоляции.

После падения Царьграда-Константинополя преемницей православной веры стала Русь. И это отражено в былинке «Илья Муромец и Идолище». Узнав, что в Царьграде святыне образа поколоты, в черной грязи топотпаны, да в божьих церквах коней кормят, рассердился Илья, пошел в

«О, светло светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, селениями славными, садами монастырскими, храмами божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о православная вера христианская!» Любил свою землю автор «Слова о погибели русской земли». Любили и стояли на защите этой красоты и богатыри святорусские: Илья Муромец — роду крестьянскова, Добрыня Никитич — боярский сын, Васьяка Буслаев — от слободнова Новгорода... А всего их около сотни, не считая второстепенных, менее значимых.

Многие имена сохранились в летописях и былинах, песнях калек переходящих. Среди всех особняком стоят Святогор и Илья Муромец. Илья Муромец — сын крестьянский, живет на богатырской заставе, высматривает врага во чистом поле:

«Ай да не близко от города, не далеко ж не, Недалеко от Киева за

город. А там страшное
Идолище:

«Как я-то еще ведь
Идолище
А росту две сажени
печатных,
А в ширину-то ведь сажень
была печатная,
Головищу у меня да что
люто лоханищу,
Глазища у меня да что
пивныи чашища,
Нос-то ведь на рожи с
локоть бы.»

Но не испугался Илья
Муромец,

«Хватил затым поганого
он за ноги,
Как начал тут поганым он
помахивать,
Помахиват Ильюша,
выговариват:
«Крепок-то поганый, сам
не рвется!»
Начал он поганых тут
охлаживать
Как этим поганым
Идолищем.»

В минуту опасности защи-
тить русскую землю может
не князь со дружиною, а
мужичище-деревенщина -
Илья Муромец. Вскоре исто-
рия Руси не раз это дока-
жет, и народ-провидец
спел об этом в былине «Илья
Муромец и Калин царь».

«Как Владимир-князь да
стольне-киевской
Порозгневался на старого
казака Илью Муромца,
Засадил его во погреб во
холодный...»

А это время:

«И воспылал-то тут собака
Калин-царь на Киев-град,
И хотит ен розорить да
стольний Киев-град,
Чернедь-мужичков он всех
повырубить,
Божьи церкви все на дым
спустить...»

И пришлось князю на поклон
к Илье идти. Согласился
Илья Муромец. Но сила была
такая неодолимая, что взяли
Илью в полон. И теперь уже
Калин-царь предлагает
русскому богатырю службу.
Но слышит в ответ:

«Не буду пить твоих
питьицев медвяных,
Не буду носить твоей
одежи драгоценныи,
Не буду держать твоей
бессчетной золотой
казны,
Не буду служить тебе,

собаке царю Калину,
Еще буду служить я за
веру за отечество,
Ай буду стоять за стольний
Киев-град,
А я буду стоять за церкви
господни...»

Пришли к Илье Муромцу на
выручку богатыри русские и
справились с силою поганю.
В 1043 году впервые оформи-
лось движение русского
западничества. Первый
русский западник - Свято-
полк Окаянный. В летописи
об этом времени говорится
так:

«Отняли евреи все про-
мыслы Христиан и при
Святополке имели великую
свободу и власть, через
это многие купцы и
ремесленники разорилися.»

За насаждение чужой веры
евреи были изгнаны Вла-
димиром Мономахом из Ру-си
без права возвращения.
Основная их масса ушла в
Испанию, где вскоре
смешанные браки стали
влиять на политическую
жизнь страны. В 1391 году
разгневанный народ учинил
еврейские погромы, а в
1478 году была введена
инквизиция для проверки
вероисповедания.

Католичество не остав-ляло
мысли завладеть Русью и в
1231 году папа Григорий IX
предложил Юрию II, князю
Владимирскому и всей Руси
принять католичество. В
ответ Юрий II запретил
проповедовать католицизм
и выслал из Руси домини-
канских монахов, после чего
папа благословляет
крестовый поход на Бал-
тике.

15 июня 1240 года на реке
Ижоре Александр Яро-
славич, Новгородский князь
остановил шведов. Но немцы
наступали успешно...
Ворота в Псков открыл
глава германфильской
партии (существовала с 1229
года) боярин Твердила Иван-
кович. Сколько еще преда-
телей было, есть и будет на
Руси?

5 апреля 1242 года знаме-
нитая победа на Чудском
озере. К 1245 году все
основные войска были раз-
биты и крестовый поход
захлебнулся.

Кого следует считать из-
менниками: тех, кто искал
компромисса с татарами
(татары все равно уйдут,
им достаточно дани), или
тех, кто отдавал русские
земли католикам и протес-
тантам?

Митрополит Кирилл в 1250
году примкнул к политике
Александра Невского -
наиболее последовательно-

го борца за Русь, за что и
был канонизирован в 1547
году (хотя как святого его
почитали сразу после
кончины).

Брат Александра Невского
был западником и готовил
союз с Европой против
монголов. Если бы случи-
лась эта война - а она была
бы на территории Руси,
Русь бы выжгли. Александр
Невский в 1251 году
породнился с сыном Батыя
Сартаком и в 1252 году
привел на Русь татарский
корпус. В это время
начавшееся было
наступление немцев на
Новгород и Псков тут же
остановилось.

Как писал в 1925 году
Г.В.Вернадский,

«Александр Невский, дабы
сохранить религиозную
свободу, пожертвовал
свободой политической, и
два подвига Александра
Невского - его борьба с
Западом и его смирение
перед Востоком - имели
единственную цель -
сбережение православия как
источника нравственно и
политической силы русского
народа.»

Перед Куликовской битвой
Олег Иванович, князь
Рязанский, предложил ве-
ликому князю Литовскому
Ягайло помочь войску Мама
изгнать московского князя
Дмитрия и завладеть
Москвой. Ягайло со-
гласился. Союзники не учли
одного - воли народа. С
берегов Верхней Волги и с
Севера пришли рати для
защиты православной веры,
ибо в сознание единства
уже вошло в души и сердца
людей благодаря
деятельности митрополитов
Петра, Феогноста, Алексея
и игумена Радонежского
Сергия. На выручку Дмитрию
спешил с войском хан Синея
орды Тохтамыш. На
Куликовское поле шли уже
не былинные богатыри, а
реальные Пересветы и
Ослябя. Шли с верою, что им
смерть в бою не писана, что
в бою за веру, за отечество
обретают жизнь вечную.

В те давние времена бились
богатыри не только за земли,
а в защиту русского
православного духа против
басурманской (ислам),
литовской (ка толичество и
протестанство), жидовской
(иудейство) веры... Любил
русский люд и землю и пел
о ней:

«Высота ли, высота
поднебесная,
Глубота, глубота - океан-
ное море,
Широко раздолье по всей
земли!»

Объясняли в «Голубиной
книге» - народной Библии -
откуда все началось:

«У нас белый свет зачался
от суда Божия,
Солнце красное от лица
Божьего,

... * * *
Ночи темные от дум
Господних,
Зори утренни от очей
Господних,
Ветры буйные от свята
Духа,
Дробен дождик от слез
Христа...»

И с тихой радостью и
христовой любовью в сердце
- пояснение не принявшим
Божьего Духа:

«Почему ж Белый царь над
царями царь?
И он держит веру
крещеную,
Веру крещеную,
богомольную,
Стоит за веру
христианскую,
За дом Пречистия
Богородицы, -
Потому Белый царь над
царями царь.
Святая Русь - земля всем
землям мати:
На ней строят церкви
апостольские,
Они молятся Богу
распятому,
Самому Христу, Царю
небесному, -
Потому свято-Русь-земля
всем землям мати.»

А вот почему на Руси все
неустроено, не может
наладиться:

«...Это не два зверя
собиралися,
Не два лютые собегалися,
Это Кривда с Правдою
соходилися,
Промежду собой бились-
дрались,
Кривда Правду одолеть
хочет.
Правда Кривду
переспорила.
Правда пошла на небеса
К самому Христу, Царю
Небесному,
А Кривда пошла у нас вся
по всей земле,
По всей земле по свет-
русской,
По всему народу
христианскому...»

Во все времена святые и
подвижники христовой веры
считали себя ответствен-
ными за людей перед Богом.
Расходились они по всей

Венямин Мительков

Выступление духовного театра "Глас" в Вологде в 1993 г.

земле, ставили монастыри и церкви, зажигали свечи и молились за землю, за народ русский, связывая Русь невидимыми нитями с Божиим Духом. И благодарная Русь чтит своих святых, радовалась их подвигу, училась у них непоколебимости, стойкости Духа. Святые и подвижники Христовой веры навсегда остались в памяти народной, в житиях и песнях. «Их идеал веками питал народную жизнь, у их огня вся Русь зажигала свои лампадки,» — говорил русский мыслитель Федотов. Они не стяжали земные богатства, а стяжали Дух Святой Божий.

Об этом говорил святитель Иннокентий, митрополит Московский: «... Не насытить желаний сердца человеческого благами мира сего, потому что только одна благодать Божия может утолить жажду желаний наших». Об этом говорится и в духовном стихотворении «Вознесение». Предложил Господь нищей братии:

«Дарю я вам гору золотую
И пропущу я вам реку
медовую.

Умейте златой горой
владети,
Промежду собой
разделяти.»

Взмолились святые земли
русской:

«Владыко Христос, Царь
Небесный!
Естьли пожертвуешь им
гору золотую,
Наедут к ним сильные люди
И найдут к ним
немилостивые власти,
Отоймут у них гору
золотую,
Помрут нищие голодною
смертью
И позябнут холодною зимою.
Оставь ты своей меньшей
братии
Свое имечко Христово...»

Сжалился Христос над
людьми:

«Вы идите, просите, вся
нища братия,
Моим именем Иисус
Христовым
Святую милостыню
подающую,
Во век веков будет вам
она помощница, —
Мое имя свято будет вам
кормилищем!»

Но пришло Петрово время.
Вздернул он Русь на дыбы.
Прорубил окно в Европу и
кто только в него не
полез... Но одновременно с
градом Петра народ возводил

теми же топорами Кижы. Это — продолжение векового спора о путях развития России. Петру полюбились протестантские обычаи, с которыми легче было подчинить церковь и народ церковный. Закачалась Русь, застонала и пошел по Руси гул великий... Стали помаленьку забывать заповеди Христовы. И первое, что пошло — вино и матерщина. Видно, забыли, что слово много значит, словом можно возродить, но можно и разрушить...

«Вначале было Слово и Слово было у Бога и Слово было Бог...»

А когда произносят ругательство, «невидимо и небо потрясется, Богородица на три года от его лик отворотит.» Тяжко в небесном мире от черных слов:

«Матерно не бранитесь,
Мать Пресвятая Богородица
На престоле
встрепенулася,
Уста кровью запекаются.»

Забыли люди, что:
«Первая мать — Пресвятая
Богородица,
Вторая мать — сыра земля,

Третья мать — кая скорбь
приняла.»

Написано было у святых отцов, удумано было у апостолов: «Не бывать в чистом поле Илье убитому». И действительно, русский народ выдержал все испытания битвой «во чистом поле». Но не заметил, как бой из материального мира переместился в мир духовных сфер...

Одолеть силу вражеского духа может только подлинная, исконная народная сила, ведомая Божиим духом. Этот Божий Дух жил в крестьянине (крест-христианин), и не зря идет уничтожение крест-ян, это последний оплот земли русской, не зря стараются залить, загадить, распродать «мать-сыру землю» — источник духовных сил народа.

Не дать омертвить души наши, допустить в них Дух Божий — наше подвижничество. Вспомним еще раз слова святителя Иннокентия митрополита Московского: «Всякая верная душа исполнится Духом Святым, если она очищена от грехов и не загромождена, и не закрыта самолюбием и гордостью. Ибо Дух Святой окружает нас всегда и желает наполнить нас, но злые дела

наши, окружающие нас подобно каменной и крепкой ограде, и, как злые стражи, не допускают Его до нас и удаляют Его от нас».

«Но забылся народ русский,
В счастья живя,
Он стал Бога забывать,
А себе-то гибель готовить.»

В двадцатых годах нашего столетия на Вологодчине была записана былина «Как Святые горы выпустили из каменных пещер своих могучих русских богатырей», где рассказывается о победе русских богатырей над всеми врагами «во чистом поле». И возгордились они, вздумали воевать с потусторонними силами, да забыли, что бой выиграть у нечистой силы можно только с Божьим Духом в душе, одной физической силы мало. Забыли об этом и пришлось спастись бегством...

«Побежали в горы святые, великие:
Под защиту брата старшего своего,
Брата крестовова,
Святогора
самово,
...»

Хватил Святогор русских витязей и коней их заодно,
По карманам своим - по пещерам глубоким порассовывал,
А сам, вздохнувши, долговечным, крепким сном заснул.»

Сидят богатыри в пещерах каменных, ничего им не видно, но душа слышит, как Кривда разгулялась по святой Руси:

«Как она поедом ест народ православной,
Церкви Божии закрывает,
Людей русских убивает.»

Долго мучались, страдали богатыри, пока не обратились с молитвою к

Богородице. Услышала Богородица молитву и испросила прощения для богатырей у Христа. И простил их Христос...

Расступились пещеры каменные, и пошел бой богатырей с Кривдою поганой. Устал Илья, не может с Кривдою справиться, и тогда припадает к матери сырой земле, слышит ответ из сокровенных глубин души:

«Сердцу ево, оглянувшись,
душа молвила,
Что сила нездешняя, не небесная,
Рядом с Кривдой стоит,
Бой держать Кривде неустанной велит.»

Оказывается, рядом с Кривдой сам Антихрист стоит. И лишь когда все силы в борьбе со злом отдали богатыри, посылается им помощь из высших миров - Егорий Храбрый и Архангел Михаил. Теперь уже битва пошла не только с Кривдой, но и с ее хранителем Антихристом. Даже Егорию Храброму вначале показалось, что это не Антихрист, а сам Христос стоит...

«И заприметил тогда, очнувшись, Егорий Храбрый,
Заприметил он, как некий, за Христа им принятой,
Как некий сей начал меняться и меняться:
Стал страшен, дик, лют, аки лев рыкающий,
Гадок, подл и лукав, как змея подколодная,
Мерзок, дерзок и блудлив, аки нечисть болотная, -
Антихриста увидел и познал Егорий Храбрый.
О ту пору было побито и полонено войско Кривды поганое.»

Но поняли богатыри, что не смогут справиться с Антихристом. Стали молиться богатыри за избавление земли святорусской от Антихриста и вознеслось то моление к

Богородице. Начала она просить Христа за Русь и

услышала в ответ:

«Не пришло еще время тому Антихристу голову

рубить, -
День тот и час - великая тайна, неизъяснимая...
Настало время тому Антихристу святорусскую оставлять,
Народу русскому-православному от мучений избавляться,
от прегрешений очищаться,
Церкви Божии становити, Господа-Бога благодарити.»

Дает Христос приказ Михаилу Архангелу Антихристово лютова со святорусской прогнать. А в это время Антихрист в черного ворона превратился:

«Голова и тово ворона чернова - гора огромная,
Глаза ево - геенна огненная, все опалимая, злобно-злая,
Клюв ево и когти железные, острые-острые.
Держит тот ворон черной в лапах своих

святорусскую,
Крыльями прикрыв, когтями разрывает, клювом клочет,
Клювом железным клюет, кровь порячую пьет.»
Начался бой Архангела Михаила с Антихристом и показалось богатырям, что проигрывает бой Архангел Михаил, а Егорий Храбрый -

«Корил братцев своих, витязей русских,
Маклой верою их корил во Христа Спасителя.
Давал слово свое верное - нерушимое,
Что не вернется Антихрист - злой ворон на

святорусскую,
Что грядет на земле святорусской великая радость,

А русскому народу православному - милости утешение.»

Но когда это будет?..
А сейчас Кривда гуляет по земле святорусской, а мы, как и расхваставшиеся богатыри, ведем бой с собственной тенью, ищем виновных в нашем несчастье, а вся вина на нас...

Мало того, что забыли свою веру, но и допустили разгул бусурманских вер на нашей земле. Свобода вероисповедания, смирение - это не вседозволенность поругания православия и не распродажа земли русской. Пора понять, что главные бои, как в далеком X веке, сейчас идут за душу человеческие. Это сатана и его прислужники разрушают духовный мир русских людей. Им нужны мертвые души, неспособные воспринимать Божий Дух. А умертвить душу, если человек не способен к сопротивлению, несложно. Давно забыто, что мы - одна семья и живем в Его доме. Вместо сопротивления иудаизму или хасидству (одной из страшных сект) прислушиваемся к вкрадчивым голосам, подталкивающим к борьбе по национальному признаку, и многие попадают на эту ловушку, что наполняет души злобой и раздражением, мешает понять, как каменеют они и мертвеют.

Настала пора оживить наши души, напоить их живой водой - православием.
Будем помнить: с нами Бог. С нами Русская Церковь!
Близится время, когда над Россией воцарит Дух Божий. Но для этого мы должны выйти из пещер каменных...

«Проснитесь вы, горы мои великие,
От крепкова сна своего долговечнова!
Волю дайте богатырям русским, стародавним!
Стосковалась по ним земля святорусская,
Святорусская, сестра моя младшая.»

"ПЕЩЕРЫ КАМЕННЫ..."

Михаил Жаравин

РАВНОВЕСИЕ

Часть III (Один)

В этом выпуске мы заканчиваем публикацию "Равновесия" М. Жаравина, начатого в выпусках 2 и 3 за 1993 год. Произведение является, по мнению автора, не столько рассказом, сколько конспектом повести.

Содержание предыдущих публикаций.

Подкинутый бабке Серафиме увечный мальчик оказывается для нее не просто родной душой, но и способным учеником в знахарском деле. Однако похожий на цыгана нелюдимый Пронтей так и остается чужим в деревенской среде и после смерти бабушки едва не погибает. Дар целителя навсегда отгораживает его от людей.

... Дарья-швейка, еще не старая, круглолицая, стройная баба, решила сходить на болото. Давно не брала ягод. Раньше-то, почитай каждую осень запирала домишко и отправлялась на всю зиму странствовать от деревни к деревне, от села до села. Удобно - ни дров готовить, ни о хлебе заботиться, в каком доме шила, латала, там и сыта, и в тепле была. А об эту зиму в Гужовах осталась...

Началось с того, что попался ей лесник на болоте. Было обеспамятала Дарья, за Артимона-покойника приняла, а потом все думала, тревожилась, стояла как вьявь сутулая фигура Прокопея. Он и сей раз вышел внезапно, глянул сбоку на ведерную корзину морошки.

- Здравствуй, Дарья, - поздоровкался лесник, - ишь, сколь нахватала, - и протянул руку, - давай, подмогни...

От растерянности опустила Даша корзину. А пошла рядом и гадать стала: допрежь издаля, как видела отшельника, страх кобелем ярым за ноги хватал, а тут нисколько и не боязно... И почти радостная от бесстрашия и подмоги, уже не скрываясь разглядывала устало шагающего рядом человека. «А ведь не старый он вблизи-то, и с лица не страх какой... Только волосьем лоб завешал, да сердит. Звон - зубы сжал.»

- Невесело тут одному-то, а Прокопей Саввич?

- Всяко бывает...

- А - женись! - совсем уж хмелея от собственной смелости, бухнула Дарья первое, что к языку льнуло.

- Кабы решил кто... - задумчиво ответил лесник и оглянулся к ней. - Ты бы вот пошла?

- Боюсь я в лесу-то жить... - запнулась Дарья, - в деревне ба...

- Ничо, спасибо, Дарьяшка, на слове добром. Ступай с Богом, - он отдал ей корзину и перекрестил. Как ветром дунуло и волосы с лица - посветлел. Родинкой у глаза засмеялся, не ртом.

С того раза и зачастила Дарья по ягоды...

Люди продолжали идти к Прокопею, все просили помочь, на исцеленье скорое в надежде. И Проня не отказывал... Совал травку. То ли вера в чудодейство, то ли травка такова - многим помогало. Но он, привыкнув отдавать всего себя, засовестился скупоности. И душу было некому сказать. Лишь встретив Дарью, как-то приподнялся внутренне, как будто долго идя в темной чашобе-выломке, увидал впереди просеку, зеленую и солнечную. Фейничего не объяснял Дарье, но верил, что с ней покой и радость. Пожалела и его живая душа... А сомнений стало еще больше.

А ну как прознает про его силы, отшатнется? Нет, скрепиться надо, быть как все... Он подолгу провожал ее, стоял, немо держа за локти, а то выбирал хвою из волос. Уговорились, что по снегу переберется Проня к ней в деревню.

- А что, Прокофей, давай штоль свадьбу отгрохаем? - шутил Кирилл Крушняков, помогая пилить дрова. - По чести, на лошади с лентами-бубенцами!

И Проня, заряжаясь напором Кириллова жизнелюбия, нечаянно высказал свои сомнения. Все выпалил, что мучало - про лечение, травы, про Дарью и страх напугать. Долго чесал за ухом Кирилл, водил бровями. Потом потянул Проню до себя в Кленовицу.

- Мудруешь ты, - озаботился Крушняков, - я тебя с батюшкой Сидором сведу, уж он много умных слов знает, рассудит авось. Окромья церкви нету спасения.

Батюшка Сидор отличался от княжовского попа Василия разительно. Тот был пожилой и представительный, крест на цепке ровно солнце, а этот больно молодой, ряса мешком полинялым, крест малой, не блестящей. Но когда священник заговорил, от него волной накатило участие. Проня язык развязал как с Крушняковым, а разговора все равно не вышло. Не Проня, а сам батюшка разгорячился, доказывая Проне высшую правду. Да, лечить людей - это дар Божий. Но ведь Бог насыпает хворь за грехи, так зачем мешать? Нельзя равновесие рушить. Об этом равновесии батюшка твердил уж очень неустанно! А Проню вскоре осенило: «Уйду я, ладно. А вот те, что о темных делах беспокоятся - все равно найдут, чего им надо. Я не помогу - другие помогут. Меня не найдут - других найдут, если уже не наши. И все повернут во вред.»

Дикая безысходность опять сдавила Проню, не даваядохнуть. Неужели и помереть нельзя спокойно?

Единственный выход - переехать к Дарье поскорей! Жить мирно, затаясь навовсе, годы пройдут - народ, глядишь, и позабудет, что был такой Прокоп Золотавинский, знахарь и лекарь!..

... - Народ, конечно, темный, - отчитывался Ивану Ивановичу молодой врач, вернувшийся из объезда медвежьих углов, - лечатся чем попало и как попало. В каждой деревне бабушки-заговорщицы свои. Все это понятно, фельдшер даже в крупных деревнях не везде найдешь... Всех больных, о которых вы говорили мне отдельно, я осмотрел... А один...

- Умер, наверно? Кто?

- Да нет, он здоров! Полностью здоров. Этот младенец, избитый пьяным отцом, помните? У вас записано - прогрессирующая левосторонняя кривошея, недержание мочи, заикание, ни-стагм... Там солидный список был, уверяю... Он здоров.

- Невозможно...

- Здоров, будто никогда и не болел. А рубцы на шее и на плече остались, иначе я бы не поверил, что это он. Нalичники резал со взрослыми, такая сложная работа паралитику не по силам...

- Чем объясняют родители?

- Бабка твердит, что напоролся парнишка на косу, пришлось спешно доставить к знахарю, кровью истекал. Такой от знахаря вернулся. Погодите, я знахаря записал, вот... Какой-то Прокоп Гужовский.

- Кто? Неужели Проня?

- Не знаю, о ком вы. Живет, говорят, где-то за Кленовицей.

- Да бывал я в Кленовице, чистенькая такая деревня, красивая. Но раньше он не там жил... Я должен увидеть этого человека.

- Иван Иванович, в вашем возрасте, тем

более, с ногой... Хотя бы курс лечения закончить...

- Да этой ноги вообще бы не было, если бы не бабка Серафима. Вот знахарка была! Побольше бы таких... Доберусь. Ты насчет лошади похлопочи... - Иван Иванович заторопился, скрывая сильное волнение...

Проня собирал, увязывал нехитрый скарб, приближая переезд к Дарье. Его смущало, что не она к нему, а он к ней... И Артимонова логова жалко становилось. Но уж коли к новому повернул, так нечего жалеть. И ей так любо...

Он отыскал берестину-плетенку, стянул волосы, огляделся - что еще позабыл? Радость толкалась в груди, торопила...

Снаружи топот! Кирилл Крушняков - рывком от приседающей, взмыленной лошади:

- Прокопей! - закричал, вбежав в избушку.

- Там дохтур помирает...

- Какой дохтур? - оторопел Проня.

- Да уездный, Звягин!

Схватился Проня за кафтан:

- Едем! Гони! - кричал он Крушнякову, хотя телегу и без того мотало, только держись крепче, не то вылетити.

- То ли настыл он, то ли еще кака лихоманка... Нога толстенная, что бревно, - пытался на коду объяснить Кирилл, отклоняясь от летящих навстреч веток.

- Гони, гони, - бормотал в забытти Проня...

Подымался на крыльцо, а в ушах звучал ласковый голос отца Сидора: «Помни - равновесие свыше дается... Не нам судьбу людскую вершить...» Глазами же неотвязно видел грустную Дарью, стоящую на берегу Золотавы. Потом помотал головой, как бы освобождаясь от страхов и сомнений... Тут же выгнал всех из избы и долго смотрел на морщинистый лоб доктора, лежащего без признаков жизни.

Чистое было чело - ни одного черного пятнышка. Поднес, стремясь обнять, свои руки к лицу Ивана Ивановича - будто светились ладони дрожащим неярким свечением.

- Пронюшка... - открыл глаза доктор, - то-то мне не верилось, что нет тебя...

- Лежи, Иван Иванович, счас ногу твою поглядим...

- И глядеть нечего, худо, Пронюшка, с ногой... Резать надо... Стар я, потому и резать не даю. Так надеялся дожить...

- Лежи, молчи, Иван Иванович, не надо резать... И смотрел, содрогаясь от жалости и тепла, чувствуя, как зарождается внутри быстрая кипучая сила, способная на невозможное... Смотрел и смотрел на страшно распухшую, некогда суродованную волками ногу доктора. Иван Иванович, не надеясь, не веря, не видя, уже догадывался, что на ноге растягивалась, рассасывалась опухоль, бледнели шрамы... Главное - он чувствовал, как делалась все глуше и постепенно отпускала боль...

БИБЛИОГРАФИЯ МИХАИЛА ЖАРАВИНА

- 1- "Фиолетовое солнце", "Приснились лесные страсти". Рассказы. Стихи. // "ДВЕРЦА". Вологда, 1991, редакция "Вологодского подшипника", с.115-136.
- 2- "Сны приехал!", "Пыль", "Ударь кумира детства". Рассказы. // "ПЕРЕКРЕСТОК ЛЮБВИ И ПЕЧАЛИ". Вологда, "Грифон", 1991, с.38-64.
- 3- "Манило", рассказ. // СОБОРНАЯ ГОРКА. Вологда, "Наше поколение", 1993, с.16-19.
- 4- "Четыре черных петуха", рассказ. // ЛАД. Вологда, 1992, № 7/8, с.40-43.
- 5- Три стихотворения. // "ВОЛОГОДСКИЙ ПОДШИПНИК", ноябрь 1989.
- 6- "Не восхождение путь мой..." Стихи. // "ВОЛОГОДСКИЙ ПОДШИПНИК", 23 июня 1990.
- 7- "И хочется жить", рассказ. // "ВОЛОГОДСКИЙ ПОДШИПНИК", 25 октября 1990.
- 8- "Сказ о серебряном камушке", рассказ. // "ВОЛОГОДСКИЙ ПОДШИПНИК", 22 ноября 1990.
- 9- Стихотворения. // "ВОЛОГОДСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ", 17 июня 1990.
- 10- "Беда", рассказ. // "ВОЛОГОДСКАЯ МОЛОДЕЖЬ", 2 октября 1991.
- 11- "Пестерь", рассказ. // "ВОЛОГОДСКИЙ ПОДШИПНИК", 21 февраля 1991.
- 12- "О моей газете", статья. // "КРАСНЫЙ СЕВЕР", 5 мая 1991.
- 13- "Две ватяжки", рассказ. // "ВОЛОГОДСКИЕ НОВОСТИ", 8 мая 1991.
- 14- "Вутка", рассказ. // "ВОЛОГОДСКИЙ ПОДШИПНИК", 25 июня 1991.
- 15- "Неродившийся". // "ВОЛОГОДСКИЙ ПОДШИПНИК", 22 октября 1991.
- 16- "Скрипичный ключ". // "ВОЛОГОДСКИЙ ПОДШИПНИК", 27 декабря 1991.
- 17- "Я без цветов..." Стихи. // "ВОЛОГОДСКИЙ ПОДШИПНИК", 5 марта 1992.
- 18- "Манило", рассказ. // "ВОЛОГОДСКИЙ ПОДШИПНИК", 7 мая 1992.
- 19- "Сердечная рана", рассказ. // "ВОЛОГОДСКИЙ ПОДШИПНИК", 29 сентября, 6 октября 1993.
- 20- "Морозко", рассказ. // "ВОЛОГОДСКИЙ ПОДШИПНИК", 13 января 1993.
- 21- "Манило", рассказ. // КРАСНЫЙ СЕВЕР, 5 марта 1993.
- 22- "День рождения", рассказ. // "ВОЛОГОДСКАЯ МОЛОДЕЖЬ", 21 августа 1993.
- 23- "Равновесие", повесть. // "СВЕЧА". Вологда, 1993, № 2, № 3/4, 6.
- 24- "Две ватяжки", рассказ. // "ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ", 1994, № 1/2, с.12.
- 25- "Четыре черных петуха", рассказ. // "ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК". Ярославль, 1994, № 3, с.1,4.
- 26- "Тема для сочинения", рассказ. // "ВОЛОГОДСКИЙ ПОДШИПНИК", 9 сентября 1994.

Афиша ЛИТО

Как всегда, заседания литературного объединения проходят в Областной библиотеке им. Бабушкина (Вологда). Вторая среда каждого месяца в 18 часов! О предполагаемой теме заседания можно узнать у старосты по телефону 5-41-74 (дом.)

Поступили в Московский литературный институт им. Горького. Валерий Архипов и Николай Толстиков, оба из Вологды. Архипов (участник ЛИТО "Ступени") сказал, что все поступившие прошли через ЛИТО.

Желающие приобрести книги вологодских авторов Александра Алексея "Распутье", А. Эфа "Гораздо выше скорости тени", а также челябинского автора Татьяны Тайгановой "Любить птеродактиля" могут обратиться к старосте ЛИТО (5-41-74).

БАСЯ и К°

или две несказки про девочку Басю

Василий Шаманский

Семинарские рецензии

Василий Оботуров: «Уже давненько мне знакомы прозаические опыты Г.Шекиной, но признаться, симпатии не вызывали. Да, среди обычной газетной скорлупы попадали отдельные фразы и сценки выразительные, но походы они не делали. Уже в направленности определенность была. Войнистующая эманилатка с агрессивным женским комплексом обиды. Как же, обидишь их! Однако интереса в этом нет: они такие, кажется, и сами себе надоели. В новой рукописи почувствовалось вдруг и нечто иное, хотя характер кардинальных изменений не претерпел. Рядом с привычными отрезками стилиа в авторской речи вдруг заметно и своеобразно проявили себя герои Шекиной. Диалог приобрел жизненную выразительность, особенно в детских сценах, а именно такие и преобладают в цикле рассказов о девочке Басе... Автор считает цикл повестью, но ничего от повести, кроме сквозной героини, здесь нет. Более того, рассказы разноплановы и их невозможно представить под одной обложкой. Одни «глупые и антипожарные», другие изображают разные периоды из жизни героини, но ощущения возраста нет, трети - просто непрописанные куски взрослой повести. Что-то зыбкое и лирическое есть в рассказе «Друстальное», но и эта вещь не прописана... А вот рассказы «Король» и «Молоко» хороши и при некоторых издержках.»

Роберт Балашкин: «Прозу Г.Шекиной читал впервые и цикл рассказов о девочке Басе, образующий повесть, считаю ее удачей. Очень точно, местами потрясающе передана психология девочки, некоторые странички читаются с замиранием душевным. Главным недостатком рассказов Шекиной является неумение выдержать до конца интонацию, музыкальную настроенность вещи. Все рассказы начинаются интересно, но где-то к середине нить слабеет и рвется, рассказ становится рыжым, и как следствие - почти везде размазанные, невнятные концовки. Надо тщательно работать над этим, стремиться не опускаться, а приподнимать их. И обратить внимание на те моменты, где психология «овзросляется», иначе сразу появляется фальшь, диссонанс в общем строе... Наиболее удачным считаю рассказ «Друстальное».

Юрий Леднев: «В рукописи Шекиной о девочке Басе я увидел книгу, которая выгодно отличается и от сюсюканья, и от абсурда, которым подчас пицкают юного читателя. Шекина же говорит с ним по-взрослому и на равных. Речь идет не о пустяках, а о человеческих отношениях... Это логичное повествование о становлении девочки-девушки-женщины, в результате которого она научается понимать душу другого человека (брата, мать, Короля, даже чужую любовь). И оно интересно не только для ребенка, но и для родителей, учителей, каждый умудренный жизнью человек может найти здесь свою изюминку. Из просчетов я заметил вот что: появление Короля (в одноименном рассказе) с щипанком у ворот бабушкиного дома. Так ли уж легко решили в больнице вопрос с усыновлением и что стало с «королевой»? Не притянуто ли это? В другом рассказе («Из шкуры молодого теленка») мне видится неуместным натуралистическое описание убитой собаки... В конце логически необходим рассказ о первой любви, романтической и чистой, но принесшей героине первое взрослое страдание. Хотя возможно, я ошибаюсь и это материал для следующей книги.»

КОРОЛЬ

...В глазки забили гвозди. Как больно, головы не поднять. Кто это сделал, зачем? Ничего не понятно. Где вы, мама, бабушка, Антоша?.. Антоша! Никто не шел. Потом послышалась возня и откуда-то изда-лека пришаркала добрая фея в шлепанцах, потрогала Басе лоб. Фея пахла зеленой и хлоркой, а ладонь у нее была колючая как наждачная шкурка.

- Ты кто, фея? - дрогнув, прошептала Бася.

- Я фея тетя Мотя, у меня ночное дежурство. А ты пошто кричишь на все отделение? Всех перебудуешь.

- Больно... Хочу плакать, не могу. Повязка мешает.

- Ну, это не горе... Ты меня обойми вот так за шейку, я тебя и покачаю.

Бася слепо обняла фею Мотю и застонала.

- Может, я умру...

- Уж какое умрешь. Выздоровеешь, выйднееешь, быстреей прежнего побежишь. Все страшное вытерпела, а это уж чего? Оно больно, потому что наркоз ушел.

- Куда ушел?

- А во-он туда, в окошко.

Сбоку стукнуло, брякнуло, подул сладкий ветер. И пстгладил по щеке страдальщицу и жалельщицу.

- А ты, фея Мотя, старенькая. Как моя бабушка. И морщинки такие.

- Ну а как же. Была молоденькая, как ты, теперь состарилась.

- А угадай, какой мне бабушка киселик всегда варит.

- Какой? Поди, вишневым.

- И не узнала. Молочный, с изюмом.

- Вот те раз, сколь живу, такого и не варивала. Она к тебе придет и мы попросим ее обрат-но такой сварить. Будет тебе радости. А сейчас утихни, не мечись. Я вот тебе песню вспомню: "Пою, пою дорогу даль-нюю, непобедимую любовь наве-фея пахла зеленой и хлоркой, а ки..."

И Бася, неровно и трудно дыша, засыпала от непобедимой любви, а большие больничные тапочки сваливались с ее ног. Так понемногу боль ее отходила, а Бася приучалась жить наощупь. Ходить, не стукаясь, а только рукой по стене, помнить, что напротив стола феи Моти перевязочная, а через батарею и фikus за углом туалет, узнавать на запах, что привезли обедать - рыбу или коллеть.

В общем, близости Бася уже все выучила. Ей захотелось узнать, что там дальше, где начинается лестница на другой этаж и все такое. Но это было нельзя.

Однажды любопытство пересилило. Время после ужина было тихое, следить особо неко-му. Удивительно - на верхнем этаже было все точно так же: батарея, стол сестры, фikus... Напротив - палаты. Неподалеку позвали:

- Эй, девочки! Таня, Лена, кто есть!

Бася остановилась в про-еме полуоткрытой двери:

- Вам сестричку позвать?

Иллюстрации Леонида Старикова Младшего

Так конечно, сестру, мы все тут лежачие...

Бася - ладошкой по стене - быстро сходила к столу и никого там не нашла.

- Никого нет, - несмело сообщила она, - ушли. Может, чай пить...

- А ты кто есть, пташечка? - спросил густой добрый голос. - Бася...

- Так вот, милая Бася, возле кровати стоишь, перед тобой тумбочка. Ты возьми намочи марлю в чашке... Да, в этой... И помочи больному рот. Пить он хочет, а ему еще нельзя после операции. Ай, какая ловкая!

- Да я уже привыкла так. - Что значит привыкла? У тебя с глазками-то чего сделалось? Да ты сядь, не тушуйся. Побудь с нами.

- У нас ребята в городки играли, вышибли рюху мне прямо в глаз, - бодро начала Бася, - Семка Грушин битую кидал, он и увидел первый, что лицо-то кровью залилось. Тут все закричали, а я домой побежала. Там замок. И я так долго ждала на порожке, что темно стало.

- Что ж никого не звала? - А не было никого...

Потрогали за плечо... Я обрадовалась, глядь - а это морда рогатая. Ничего больше не помню. Когда родители с фермы приехали, они подумали на корову: я лежу как мертвая, корова стоит, мычит. А это Семка Грушин... Его потом родители пороли до заикания, но глаз уж все равно ослеп. Бабушка стала меня по врачам водить и я школу пропустила, первый класс. А мне папа такой портфель купил! Крокодильный.

Замолкли.

- А ты не горюй, пташка. Надоест еще портфель двояки

носить.

- А вы с чем лежите, дядя?

- Да на машине я перевернулся. Брюхо подлечу, потом еще за машину платить... А вон у стенки, кого поила - то Король с пробитой головой.

Бася как-то сразу озябла. - Кто ему пробил, враги? - Не спрашивай! - великанский голос захохотал. - Жена на него топор уронила.

- Какая жена? - Бася сжала ручки у горла. - Королева?

- Ну, ты... - Вдруг такой резкий голос Короля. - Кто просил при ребенке?

- Да ладно тебе. Видишь, она все понимает.

- Я понимаю, - пробормотала девочка. - Я пойду?

- Ну иди, конечно. Не заблудись?

- Не-а.

Ночью Басе приснился сон. Она видела короля в красном плаще и с короной. Он скакал на коне и побеждал всех врагов. А потом гордо шел по дворцу и на него из-за портьер кидалась женщина с топором и в шелках. На вид королева, а так ведьма. Король падал как подкошенный, Бася поливала его живой водой, и тогда ведьма бросала топор в нее...

Потом расстроенным сердечком она услышала во тьме чей-то плач. Потом поняла, что это сосед по палате Васька. Подошла к нему и стала гладить его рукой по прыгающей спине.

- Я тебя жалею, - проговорила она, - ну чего ты?

- Уйди, безглазая, - провыл в подушку Васька.

Бася вздохнула и побрела звать дежурную сестру.

- Ох! - молвила дежурная фея Мотя. - Вот горемыка-то у нас. Выписывать давно пора, а

мать глаза не кажет. Цыгане, они и есть цыгане, лишь бы с рук спихнуть дитенка.

- А куда его теперь, фея Мотя?

- Так в детдом придется сдавать.

- Там плохо? Может, лучше, чем с цыганами?

- Да уж лучше тебе не знать, жалельщица. Иди за ради бога, всех не накалешься... Счас приду к нему...

Каждый день Бася видела Короля во сне, а днем его увидеть не могла, какой он настоящий. Просто она прибежала наверх, чтоб услышать его, поддержать в ладошках его тяжелую руку. Рука была горячая от температуры, Короля лихорадило, от операции отходил долго. Да он и на операции все слышал и помнил, как хрустели кости в голове.

- Тебе голову больно? - Она трогала толстый слой бинтов.

- Больно мне вот... - И он переключивал ее ладошку на грудь, где под больничной пижамой обиженно бухало громадное королевское сердце.

- Ой ты какой! - Пугалась Бася и отнимала ручку. - Тебе надо сонную таблетку дать, чтобы ты успокоился и спал, спал долго...

- Не боись, Басена, уж чего-чего, а заснуть мы всегда успеем. Лучше ты возьми вон в тумбочке, поешь.

- Что это? Ой, виноград.

- Называется «дамские пальчики». Ела?

- Не-а. А это чего так пахнет?

- Жаркое. Давай ломи. Не стесняйся.

- Ой ты... Но это ж тебе принесли, Король.

- А я все равно не буду.

- Почему?

- Обижаясь.

- О. И ты никогда-

преникогда ее не простишь?

- Посмотрим. Уже и наелась? Давай еще.

- Да я хотела... - И замолчала.

- А чего? Говори, я же Король.

- Хотела немножко отнести Ваське... А то к нему никто не приходит, он плачет.

- Ну и отнеси, а лучше Ваську приведи. Пойдет?

- Ой, не пойдет. Ему страшно, что его мать бросила. Как будто он хуже всех, я понимаю.

- Вот стер... - Голос Короля опять стал чужой, резкий. - А ты откуда знаешь?

- Фея Мотя рассказала.

В своей палате Бася сразу положила на Васькину тумбочку виноград. И твердо сказала:

- Вот это тебе сам Король велел съесть. Но ты потом съешь, а сейчас пошли-ка...

- А ты не командуй тут, безглазая. - Мальчик был в нерешительности.

- Говорю, идем. У Короля пробитая голова, даже утку подать некому, а ты расселся. Я же

девчонка. И то хожу на тот этаж. Они над нами как раз.

И Васька пошел. Он был очень одинокий человек и ему хотелось с кем-то дружить, но не мог же он прямо так и сказать!

- У-у! - Загудела верхняя лежачая палата. - Кто к нам пришел!

А Король так сразу и начал: - Василий совсем орел. Куда полетим?

- Куда хотим! - Отрезал Васька. - Я вольный цыган.

- Значит, Басене в школу, нам с Петро на работу, а тебе никуда не надо? Вот это я понимаю. Здорово.

- А зачем тебе работать? - Васька продолжал задираться. - Ты ж король, так не должен работать.

- Да я король не на троне, а на крапе, и звать меня Стас Королев, Понял, цыганский барон? Учиться не хочешь?

- Жизнь научит, - дернул носом Васька.

- Ну и кактус, - не выдержала Басена. - Вы посидите тут без меня, мне пора на перевязку...

А повязка у Баси не просто заменялась, она становилась все тоньше и тоньше. Теперь через нее уж можно было различить тени, только лиц не разобрать. Не видать и стекол в окнах - ей казалось, что деревья кланяются и шумят прямо тут, в палате.

Пришла пора снимать последние слои марли. Девчонка совсем разволновалась, ведь она забыла, как выглядит белый свет.

...Все потолки понеслись от нее вверх! Стены быстро ехали в разные стороны и скоро она осталась посреди большого зала совсем малюсенькая. И вокруг все было белое, бархатное, как будто всю больницу сделали из зефира и пастилы... Голова пошла кругом. Все переливалось от слез. Но рядом улыбались врач и сестра: »Молодец, Бася, иди, не бойся.»

А тут заглянула совсем незнакомая сестричка:

- Бубенцова, второе отделение. Марш вниз, бабушка приехала.

И она крепко взяла Басю за руку и повела.

- Бабушка, а я уже вижу белый свет! - Закричала издали Бася. - И он из пастилы!

- Ты ж мой зайчик. - Бабушка целовала внучку в щечку. - А оцэ бачишь? А оцэ шо?

- Бабушка, зайчик, все бачу. Это киселик молочный в банке. А вон у тебя кофта наизнанку, тоже бачу... Ой ты бабушка, молодец... А слушай, давай возьмем Ваську к себе жить? А то мать его уехала...

- Та вона ще прьидэ. И будэ шукать його.

- Бабушка-а! Тогда давай возьмем Короля. Он знаешь какой добрый? Все меня мясом кормит.

- На шо ж короля? - Бабушка смеялась. - Мы просты люди... Ну одивайсь. Пидэмо.

- Куда? Разве они отпустят?

Мне же только повязку сняли.

- Хай рано, та ихать далэко. Кажуть - хай уже...

- А... А Король? Я его даже не увижу?

- Ото ж якэ малэ да сэрдытэ. Ну прощайсь швыдко... - Бабушка сдвинула с головы два платка, осталась с выцветшей косынке в горох. Села ждять.

...А Бася тихо опустилась на кровать рядом с Королеми взяла его за руку. Рука была тяжелая и идти было тяжело, глаза мешали, не узнавали. Так вот он какой. Весь черный, страшный, в бороде. Он криво улыбался ей.

- Уже улетаешь? - Догадался он. - Ну поздравляю от души. Давай, маши крыльшками. И не плачь, глазкам вредно... Все же хорошо?

- А ты... Ты смотри все теперь ешь. Сам. А то не выздоровеешь. А с королевой будешь мириться?

- А как у тебя папка с мамкой - мирятся или нет?

- Да они так: то ругаются, то целуются.

- Вот это я понимаю. Ты выбрось из головы, недетские все дела-то. А ты лучше скажи, адрес свой помнишь? Ну - где живешь?

- Я знаю далекий адрес. Где мама с папой. А где бабушка - нет. Только знаю, что мы от нее на

поезде ехали из Авдеевки... А то бы что?

- А то бы я тебе письмо написал, ясно, птаха? Ну беги.

Бася оглянулась. Глазищи королевы горели углами, а ноги были до того длинные, что не умещались в кровать и торчали из спинки: один носок полосатый, другой синий.

- Ну ты здоров, - грустно улыбнулась Бася. - В кровать не влезаешь... Пока?

Она прощалась со всем белым светом, а бабушка в это время уже получила кучу бумажек со скрепкой и ждала по узелком. Потом они пошли по дорожке от старинного красного дома, в котором Бася прожила месяц и целую жизнь. Шел теплый дождик, невидный, неслышный, но когда капли собирались в чашечке листа, они чертой просверкивали вниз.

- Бабушка! Почему все такое яркое, новое, красивое? Как будто счастье, а я плачу, бабушка... А?

- Чому, чому. Тому, шо главнэ щастя будэ потом.

И она не ошиблась.

Через несколько дней, когда уж Басю собирали ехать от бабушки домой, у ворот бабушкиного дома постучался высокий человек с забинтованной головой. За плечами у него был рюкзак, за руку он держал легкого одетого цыганенка. Человек попросился на квартиру: "Я хоть и король, но пока без дворца."

ХРУСТАЛЬНОЕ

Река незаметно взялась водой и стала серая, как подтаявший сахар. Подруги каждый божий день ходили берегом смотреть, как река надувалась и молчала. За вокзалом толкались по путям вагоны, гукал паровоз и снова все затихало. Потом вдруг - «кра-а!» - трещало раскатиисто, как будто пастух кнутом щелкнул. Значит, на речном льду пошла трещина и скоро обещались льдины. Однажды трещин стало много и началось... Льдины нехотя поползли мимо берега, глухо стучаясь друг об друга и задирая края. Одна большая льдина застряла недалеко от берега, уткнувшись носом в прибрежные кусты. Она потрескивала и сверкала в закатном стиле воздухе. Наступишь - качается. Бася поворошила ногою ледяшки, пошел сладкий карамельный шорох.

- Смотри: перевернуть, так похоже на башню, - сказала она.

- А у меня тоже шпиль, не один, - отозвалась Ларка.

Им загорелось носить ледяшки вверх, на пригорок, выкладывать крепостную стену и башни замка. И ледяной город засветился на берегу! Руки быстро заоченели, не согревали рукава и дыхание. Как вспыхивал этот город, как переливался жидким блеском! Привязать бы ленточку на шпиль, вот так, пусть развеивается. И смотреть бы, смотреть... Так думала Бася. А Ларке все было мало. Она уговаривала - достанем вон ту еще хорошенькую глыбку. Вся протаяла насквозь, вся прозрачная, стрельчатая. Стали продвигаться по хряскому острову, а он закачался под ногами. Пока Бася тянулась, Ларка держала ее за пальто, потому что была похитрей, поосторожней. Но Басина нога вдруг провалилась глубоко и Ларка что есть силы дернула подругу. Та качнулась, упала, нога выскочила обратно, но... Без сапога.

- Давай хоть ползком...

- Давай, а то сорвемся за ним!

Они кое-как выбрались на бережок и посмотрели на эту мокрую разутую ногу. Бася застучала зубами. Ларке стало стыдно, что она затеяла такое - разулась быстро стянула оба носка, подала.

- Дойдешь?

- Б-боюсь...

- Ну тогда к Лесницким погреться?

- Д-давай...

Они боялись уже. Они забыли, что чуть не утонули, потому что думали сейчас, что скажут, как придут без сапога... А замки изо льда стояли нерушимо, прямо хоть забирай их в портфель. Поманила красота, наказала...

Дверь открыл какой-то младший Лесницкий, а сколько их было всего, шестеро или семеро, никто не помнил. Феня средняя была.

- Феня! - Ларка всех помнила

Давай... Феня, тащи мою рыкалку и положи набок.

по имени. - Выручи нас. Мы вот воды начерпали, да сапог в реке утопили. Бася боится домой идти...

Феня Лесницкая, худая, веселая девчонка с расплетенными до пояса косами, смешливо подняла плечики:

- Чем сапог-то виноват? - и полетела в холодную пристройку в халатике. Там стоял сундук величиной с дом, в которм Феня, порывшись, нашла сапоги.

- Вот такие сойдут? У нас столько сапогов, что мамка уж и не помнит, бери. Да вперед иди к печке, посушишь.

Печка была для Баси - все равно что мама... бабушка родная. Прижалась к ней, глаза закрыла от счастья: "Ой, спасибо..."

Феня снова хмыкнула:

- Смешная-то... Сиди, печки не жалко.

А на кухне Лесницкий отец пил с друзьями бутылку. Он разглядел возню у печки и расплылся:

- Штоль, директора? Дать ей тогда сала.

Дали. Бася совсем потерялась от доброты, рот набила, сказать ничего не смогла. Сало твердое, вкусное с погребя, хлеб черный, с тмином.

- Спасибо, фень, уже посохла. Где там Ларка?

- Опомнилась! Да она давно убежала. Пускай. Тебе куда еще надо? Сиди.

- Нет, мне еще в музыкальную...

- Сто-ой! - пристал к разговору Лесницкий. - Ты на чем играешь?

- На пианино...

- Вот и отработай сало...

Феня принесла вишневый аккордеон с нерусскими буквами на боку, положила на спину на табуретку и отец велел ей растягивать мехи.

- Пиликай, отработывай!

Бася не очень понимала, что значит отработать сало, но стала нажимать на боковую клавиатуру как на пианино и получилось тягуче: «Среди долины ровныя...» Дружки стали подтягивать и почти заглушили музыку. Басе стало смешно. Дружки захохотали тоже.

- Ата-а! - и стучали руками об стол. - А это че тако хорошее?

- Это «Ригодон».

- Чего? Играй русское, балда.

Она попробовала грифедовский вальс, но клавишей явно не хватало.

- Чего ж ты? - прикрикнул опять Лесницкий.

- Нот не хватает...

- В башке у ты не хватает.

Иди уж.

- Приходи! - Феня помахала с крылечка. Ветер обрывал на ней халатик ветхий как на мачехиной дочке, которую послали в лес...

И оставалось только забегать домой за черной на веревочках папкой с нотами. Ма тоже не заметила, что сапоги чужие. А вот как без них теперь бы?

Музыкальная была за два километра и идти все по обочине, и жидкой грязи свше головы. А пропускать не разрешали, хоть дождь, хоть чего. Учителя без конца менялись, учили по-разному. Слепой баянист, учитель Ваньки Котова, очень строжил Басю. Он помнил все задания наизусть и слышал все ошибки:

- Нынче ты, дочка, гоняла гусей. Не учила ты, дочка, "Этюд" Черни.

Потом брал Басины ручки, ощупывая их и качал головой:

- Полторы октавы и то не возьмет. Не пианистка - слезы...

После него пришла пианистка настоящая. Это была Дина, у которой гулял муж. Видно, он не просто гулял по улице как все люди, потому что Дина часто плакала, уронив голову на руки. С уроков то и дело отпускала, приговаривая:

- Можете идти, все отменяется... Только этого и ждете...

Зато древняя старушка со вставной верхней челюстью взялась за Басю круто. Несмотря на то, что пальчики ее казались совсем крохотными, она брала полторы, чуть не две октавы, на уроках много показывала сама, волновалась и потрясала дохлыми кружевами, как революционерка. При сильном волнении розовая челюсть изо рта выскакивала и падала, подпрыгивая, на клавиатуру. Старушка цепко хватала ее такими же твердыми пальчиками, совала на место и тут же щелкала карандашиком по пальцам ученицы:

- О, как играет, как играет... Моцарт в гробу переворачивается, Бетховен в гробу переворачивается...

После революционной старушки прислали молоденького Олеговича. Жить ему было негде, он спал прямо в музклассе, прямо на матрасе, который сворачивал при Басином приходе. Бася смотрела на него со страхом. Ей казалось - если бы ее заставили жить в музыкалке, она бы с ума сошла. Олегович слушал, молчал, не поправлял, а потом зеленея и бледнея, рисовал в дневнике двойку величиной с кулак. Бася уже тогда поняла, что молодые учителя злее старых. Хорошо, что Олеговича быстро забрали в армию.

Когда учителя все кончились, уроки повел сам директор музыкалки Василий Саввич, бархатный, лстивый, с золотыми зубами. Он все ставил пластинку Робертино и лукаво улыбался Басе:

- Ну как, улетаешь? Ах, молчишь? Негодница.

А что отвечать? Бася любила не Робертино: итальянское, но не такое, а магомаевское. Что, если она девочка, так должна и любить мальчика? Глупости. Но времени Саввич не терял даром и концертную программу стал учить прямо с начала года. Бася выучила ее насмерть - «Среди долины ровныя» Глинки и еще Моцарт, который продолжал переворачиваться в гробу. До! Ми, соль, си. До-ре-до!..

В последний год долго никого не присылали, Саввич тоскливо листал ноты, потом весело объявил, что придет

новенькая пианистка, класс! И пошел дирижировать хором. Новенькая Нонночка появилась с морозами, после ноябрьской демонстрации. Она сидела в актовом зале, а не в музклассе - очень прямая, испуганная, в черном платье с голой спиной. Это было очень дико, так как в зале обычно не топили, только в музклассах, да и потом, когда все стали ходить в валенках и толстых свитерах, она всех пугала своим вырезом.

Нонночка обычно слушала Басю минут десять, изредка роняя:

- Бемоль, девочка... фермата... Тоже бемоль, разве не чувствуешь?

Потом съезживалась и просила:

- Позволь, позволь мне... Я поставлю, сколько надо... Послушай...

И начинала играть чужую сумбурную музыку, не то, что Басе по программе, а вовсе незнакомое. Басю учили улавливать основную тему, побочную, но тут было трудно уловить тему, такой обвал, такие чистейшие хрустальные груды. Сложные аккорды на полторы октавы будто обсыпали Басю сухой снежно-льдыстой пылью, они вспыхивали искрами и гасли... Растерянная оглушенная Бася уходила домой, горя щеками, не записав задание. На следующий урок все опять повторялось.

Бася начала на свой страх и риск разбирать «Сонатину» Чимарозы, красивое было начало. Но дальше первой части не осилила. Бася была честная и боялась, что будет провал на отчетном концерте, который придвигался все ближе... Она хотела сказать об этом Нонночке, но никак не удавалось. Перед музыкой Нонночки, перед ее грустью и красотой это было низко, позорно.

На этот раз все было как обычно. Бася переодела сапоги на сандалии, еще раз по хозяйски оглядела Фенькин подарок - он был куда лучше ее старых сапог. Села перед пианино «Пенза» и приготовилась играть Чимарозу. При первых же аккордах дверь музкласса неуверенно открылась, вошел высокий угрюмый человек. Он облокотился на перевернутые стулья в углу и сказал нараспев:

- Звезда полей во мгле заледенелой... Остановившись, смотрит в полдень...

- У меня урок, - напряженно отозвалась Нонна.

- А я подожду, послушаю ученицу. Как зовут ученицу?

Нонна панически посмотрела на Басю и Бася поняла - не знает.

- Бубенцова, - почему-то рассердилась Бася.

- Играй же, - тихо шептала Нонна.

И Бася бодро заиграла первую часть Чимарозы. Да, красивая была первая часть. Но кончилась слишком быстро. Надо было углубляться во вторую, а там был темный лес...

- И ради этого ты здесь? -

спросил высокий. - Филармония, училище - неважно. А это важно?

Нонна не отвечала. Она сидела с опущенной головой и с ее щеки сползала слезинка. Бася возне-навидела высокого.

- Это ничего не значит! - сказала она громко. - Мы с Нонной Мироновой прошли всю программу. Она столько играла мне...

Слезы у Нонны Мироновны делали дорожки. Они дождем срывались с подбородка и падали туда, где был вырез. Она не умела оправдываться, потому что свалилась с луны. Она спотыкалась на ровном месте, ходила в капроне по морозу. У нее были блестящие черные бровки и крохотные темные усики...

- Так что же она тебе играла? - надоедал высокий.

- Такое... Очень хрустальное... Красивое... Ну и что ж, что я плохо играю. Есть музыка, которую не сыграешь. Я и не знала, зато теперь знаю...

Бася искоса глянула на

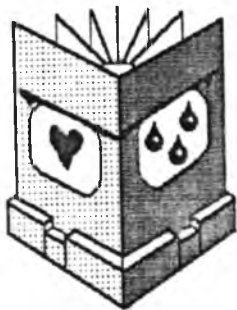
Нонну. Та улыбнулась ей сквозь слезы. Да, это был первый в жизни Баси учитель, который не учил. И первый праздник настоящего взрослого... Молчаливого разговора. Если бы не этот!.. Но «этот» не умолкал.

-... Дело в том, что Нонна Мироновна любит Фридерика Шопена, любит сильно, чем его жены и ученицы. Просто жаль, что она не полячка, не жила в то далекое время. Ведь тогда судьба Шопена сложилась бы иначе. Господь отпустил ему свех меры таланта, а вот счастья... С этим грустно. Он умел любить как никто в ответ. Но женщины опустошали и уходили. Могла ли музыка утешить его? Эти вальсы, прелюды, эти звуки, такие быстрее льда... А Нонна Мироновна другая. Нонна Мироновна не хочет, чтобы все растаяло без следа. Она старательно плетет волшебные шопеновские нити, хочет, чтобы звучало вечно... А еще Нонна Мироновна очень похожа на

Дельфину Потockую, это все говорят...

Нонна ничего не отвечала, потому что высокий человек хоть и говорил про нее, но как бы не для нее, а для Баси. И сама Нонна рассыпала ледяшки-стекляшки для Баси, но Бася не могла больше терпеть. Она, сдерживая дыхание, поднялась и вышла из музкласса с перевернутыми стульями. Душа ее разрывалась. Она была одиноким, заброшенным человеком и потому понимала и Фридерика, и Нонну, понимала и то, что сейчас от нее уходит что-то самое лучшее в ее жизни. Оно кончается, не успев начаться и приходится молча любить как никто в ответ. Ничего больше не остается! Она была в тумане и чуть не ушла в сандалиях в грязь, вернулась... В музклассе было тихо.

Ледяной город на берегу скоро растаял. Нонна не явилась на следующий урок, исчезла куда-то. А Басю снова записали к новому учителю музыки.

Галина Щекина родилась в Воронеже в 1952 году, там же закончила Воронежский Органа Ленина университет им. Ленкомсомола по специальности экономист. Работала несколько лет экономистом на заводе полиграфических машин, подшипниковом заводе, в управлении связи, после чего пробовала свои силы в журналистике. В Вологде живет с 1979 года. Начала писать в 1985 году, с 1989 - член литобъединения "Ступени". Принимала участие в конференции пишущих женщин Северо-Запада в 1990 году, в литературном семинаре начинающих авторов Вологодчины в 1993 году. Рассказы публиковались в газетах "Вологодский подшипник", "Красный Север", в коллективных сборниках "Дверца", "Перекресток любви и печали", стихи в сборнике "Любимое и безответное". Публикации на литературные темы появлялись в "Литературной России", "Белой Горнице". С 1993 года редактор газеты "Свеча".

Л.С.

ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ

Наталья Михайловна Гасина родилась в Казани в семье потомственных педагогов, начиная от деда и прадеда. Закончила педучилище, затем Вологодский пединститут. Всю энергию и талант отдала педагогике. Преполагает русский язык и литературу в 8 средней школе с дифференцированным обучением. Неоднократно выступала в институте повышения квалификации учителей (ИПК) с лекциями и докладами. Печаталась в сборнике «Тематическое планирование по литературе», изданного ИПК в 1993 году.

Литераторам свойственны рассуждения о том, как лучше писать. А как читать - об этом задумываются гораздо реже. Хотя читать труднее, чем писать. Мы предлагаем интервью с человеком, который воспитывает "идеального читателя".

- Сегодня книжный поток усиливается, подчас топтит нас. Кто поможет выплыть? Школа?

- Школа и может, и должна дать литературное образование. Конечно, она не в состоянии дать его на всю жизнь. Но переход от школы памяти к школе чувства поможет встать на путь самообразования.

- А что надо, чтобы человек сам себя образовывал? В нем должен быть заряд...

- Этот заряд - эмоциональная культура, развитие творческих способностей, понимание литературы как искусства. Если человек сумеет получить этот заряд в школе, самообразование станет естественным продолжением процесса, начатого в школе.

- Наверно, все дело в детальных разборах произведений?

- Сам характер их анализа изменился: он опирается на законы образного мышления, учит самому выражать мысли и чувства, вызванные прочитанным. Но главный инструмент здесь - это наука общения.

- Учителя и ученика?

- Общения учителя и ученика, учеников между собой. Современные методы обучения - это диалогичность урока, обсуждение разных точек зрения и обязательно дискуссия, которая должна приближать понимание к тому, что вложил в произведение писатель.

- То есть прийти к какой-то общей, главной истине?

- Наоборот - избежать единообразия, единомыслия, единоначалия.

Но как это сделать? Во имя чего учить? Чему учить? Это вечные вопросы, которые стоят перед «думающим» учителем. Для меня толчком стала статья И.А. Фогельсона («Литература в школе», номер 2 за 1992 год), тема которой - интегральное обучение литературе, специальная книга по ней для старших классов. Но такой книги нет. А работать надо.

Поэтому мои уроки литературы включают не только систему знаний (методологических, общенаучных, специальных), но и систему умений (учебно-информационных, учебно-интеллектуальных, учебно-организационных). Особое место отвожу самостоятельным заданиям, творческим и поисковым, потому что именно они и развивают.

- И все эти задания надо выполнять и держать в голове на уроках?

- Нет, информационно-аналитический материал наизусть не заучивается. Он лишь дает толчок собственным мыслям школьников, позволяет аргументировать свои суждения.

- Ну какие, например, могут быть эти задания?

- Различные - справочного, направляющего, консультационного характера: «Что такое реферат», «Как работать с библиографией и критикой», «Как писать сочинения разных жанров», «Газетные жанры», «Комплексный анализ текста», «О разговорном стиле речи»...

Умение работать становится желанием работать...

- А кроме чисто "технологических" задач вы ставите еще какие-нибудь, человеческие, что-ли?

- Конечно, преподавание литературы решает и нравственные, человеческие проблемы: осмысливать обстоятельства, поступки, понятия, определять свою позицию, делать свой личностный выбор. На личностном восприятии и основан любой анализ художественного произведения, критические воззрения. Каждая новая публикация на интересующую тему заставляет возвращаться к теме, переосмысливать ее.

- Позвольте, но то, чему вы учите школьников - это же настоящее литературоведение! Воспитание специалистов по литературе!

- Ну, во-первых, не по всей литературе, а на отдельных примерах. А во-вторых, это еще не все. Литература взаимодействует с другими видами искусства, литературные произведения получают воплощения в театре, кино, музыке, отсюда и задания типа: определить, насколько соответствует режиссерская трактовка замыслу писателя (или моему пониманию), сравнить исполнение одной и той же роли разными актерами, сочинить сценарий, стихи, сделать иллюстрации. Если к этому прибавить составление библиографических и аннотированных указателей, рассказы о семейном чтении и домашних библиотеках, работа по пропаганде любимых книг, то рамки расширяются до литературного краеведения и искусствоведческой работы. А все вместе - воспитывает настоящую культуру чтения, постепенно формирует художественный вкус.

- Вы хотите воспитать гениев?

- Нет, передо мной более скромная, но не менее важная задача: пробудить интерес к тексту произведения, создать такую ситуацию, при которой каждому ученику захотелось бы высказаться, проявить себя. И уроки, на которых эти идеи воплощаются, поневоле учат искать и спрашивать, выстраивать свою позицию, допускают возможность спорных ответов, отвергают окончательность и неизбежность. Здесь каждая живая мысль - ценность, способ и даже темп мышления - ценность, особое видение мира - ценность. Только такая предпосылка даст наибольший спектр мнений и максимальное информационное обогащение. Признание ценности каждого человека вырабатывает уважение к другому, чужому голосу, будь то голос писателя, ученого, критика, персонажа произведения или голос твоего одноклассника. Это и есть азбука общения. Каждое новое произведение - новый вариант общения, новая модель непонимания, неприязни, восхищения, мук совести и так далее.

- И вся эта бездна бурлящая берет начало у Фогельсона?

- Можно использовать опыт учителей-новаторов Шаталова (метод изучения темы крупными «блоками»), Лысенкова (метод «опережающего обучения»), Щетина (метод «погружения»).

- Вы говорите - музыка, театр, статьи, дискуссии. Но это же невозможно успеть за один урок! Как вы пишете планы уроков, не понимаю.

- На мой взгляд, для создания настоящей творческой атмосферы традиционные взгляды на школьное расписание следует изменить. Пусть будет литературный день! То есть один день недели будет отдан литературе. К этому дню не надо готовить химию, физику, биологию, алгебру. Можно посидеть в библиотеке, почитать, поискать дополнительные материалы. В школьной сумке кроме текстов рисунки, пластинки, фотографии... Если день посвящен встрече с Пушкиным, то все отведенное время по расписанию - с 8-20 до 12 - мы с великим русским поэтом. Мы с ним - не торопясь, не спеша, вдумываясь в каждую строчку. Не надо бояться двойки, возможность хоть как-то поучаствовать в дискуссии и самовыразиться будет у каждого.

- И каким же образом?

- Работаем по группам. Каждая группа получает задание заранее. На занятиях специально выделяется время, посвященное выступлениям групп, и в какой форме будут представлен материал - дело самих ребят. После выступления одной группы - рецензии, выводы, кто-то что-то предлагает, пытается сделать выводы. Слушаем музыку. После перемены опять музыка, напряженное ожидание. Что на этот раз придумали группы? Перед нами, например, строгая комиссия на экзамене по литературе. Вопросы к экзамену продуманы заранее, в оценках экзаменаторы пытаются быть объективными. А вот репетиция в драмтеатре, инсценировка - участвуют режиссер и актеры. Третья группа - авторский коллектив по составлению школьной программы изучения Пушкина. Предложены произведения с мотивировкой. Четвертая группа приглашает всех на экскурсию в Пушкинский музей, экспозиция состоит из открыток, иллюстраций и рисунков ребят. Пятая группа - работники библиотеки, подготовившие обзор литературы о Пушкине. Последняя группа дает мини-концерт, он состоит из литературно-музыкальных отрывков по стихам Пушкина. Теперь можно передохнуть, обсудить увиденное и услышанное. После отдыха и обмена впечатлениями приводим в порядок записи, так как предложен цитатный план схемы, таблица, сравнительная характеристика двух частей «Деревни». И опять музыка. Каждый наедине с собой пишет сочинение «Мой Пушкин». После окончания работы обсудим все, думаем, как построить новую встречу.

- Это не урок, а целая конференция. Девятый класс спокойно выносит такие нагрузки?

- Может, кто-то и устал, но разве после шести уроков разного профиля дети не устают? Самое главное - интересно было, день особенный, ребята его запомнили, значит, будут следующего раза ждать и готовиться. При изучении темы «Житие

Сергия Радонежского» пойдём в музей на экскурсию по древнерусской живописи, при изучении Шекспира посмотрим в Театре для детей и молодежи «Джульетту и Ромео». Зато литературные дни по средам открывают большие возможности. В этот день к учебным занятиям примыкают спецкурсы «Современная русская поэзия», «Православие в литературе и истории». В пятницу два урока русского языка, спецкурсы «Культура речи» и «Логика». Все спецкурсы ведут преподаватели ВГПИ.

- Ваши литературные уроки похожи на институтские занятия - учитель как старший научный сотрудник, ученики как младшие... С этим режимом работы не каждый школьник справится.

- Да, подобное построение учебного процесса требует и от учителя серьезной перестройки психологической и методической. Учитель здесь не диктует - предполагает, пробует, наталкивает. Несомненно, идея глубокого погружения в литературу может быть подвергнута и критике, но все получается как задумано, но убеждена в одном: это развивающий тип обучения. Он способствует развитию инициативной, самостоятельной личности.

ГЛУБОКОЕ ПОГРУЖЕНИЕ ДЕВЯТОГО «Б»

* Учиться в девятом трудно по всем предметам. На литературе иногда не могу быстро переключиться на следующего писателя, если в изучении предыдущего осталась непонятная деталь.

За два года гуманитарного обучения записалась еще в две библиотеки, научилась самостоятельно добывать материал по теме. Не поднимаю руку на уроках, боюсь сказать не то. Литература помогает преодолеть этот страх. Раньше сочинение было для меня наказанием, а теперь мне нравится высказывать свои мысли на бумаге. И я не забуду никогда этих уроков литературы, пусть на них я оставалась незаметной и не блистала ни знаниями, ни умом.

Наталья Дроздовская

* Нравится все: писать диктанты, ставить сцены по произведению, играть на сцене или перед товарищами. Даже открытые уроки нравятся, только на них мне так страшно становится, что заикаюсь начинаю. А не нравится, когда я работаю одна, не в группе

- просто кошмар, как не нравится. И еще не нравится, когда любимая учительница не смеется. Знаю, что трудно с нами, но если мы постараемся, а она засмеется, то тогда уж точно «кузнецик запиликает на скрипке».

Екатерина Тимачева

* Когда уроки литературы были «разбросаны» по всем дням недели, нам времени не хватало:

только начнем входить в азарт, как звенит звонок. А теперь времени на все хватает и дома готовимся усердно, не забывая о других уроках. Наиболее запомнившиеся «погружения» – по Шекспиру, Данте, Фонвизину, Пушкину. И больше всех – по Шекспиру, потому что проводилась интересная игра и каждый мог высказать свое мнение о Гамлете. С этого урока я унесла много интересного и интригующего.

Елена Лебедева

* Мне запомнились уроки-погружения по Шекспиру и Фонвизину. А под Рождество было погружение на тему «Святки»! Всегда на этих уроках весело и интересно, приходят гости. Два раза приходила артистка из филармонии, читала стихи Цветаевой и Рубцова... А осенью ходили в Дом-музей Шаламова. Это надолго останется в памяти.

Ирина Логинова

... "Погружение в зимние праздники" сопровождается песнями и гаданиями. Бывают комбинированные уроки – очень удачно прошли уроки по Версусу и Северянину. Каждый раз перед нами открывается новый удивительный мир. Вследствие того, что каждая группа готовит индивидуальные задания, весь класс получает возможность углубиться в данную тему.

Елена Олюшкина

* На уроках с погружениями мы слушаем сообщения всех групп, делаем записи в тетрадях, инсценируем отрывки из произведений, проводим обсуждения, пишем небольшие сочинения. Узнаем даже историю создания некоторых произведений. Такие уроки позволяют учиться и работать сплоченно, выслушивать мнения других, защищать свою точку зрения, а учителю – оценивать наши знания более объективно.

Ирина Лапина

* Эти уроки хороши тем, что на них полностью отключаешься от других предметов, погружаешься в мир литературы. Можно сказать, о чем думаешь, раскрываться, даже помечтать. На таких уроках никогда не устаешь. Надеюсь, все то, что я на них узнала, очень пригодится в жизни.

Ольга Смоленцева

ШЕКСПИР И МЫ

Готового материала для урока нет, его еще надо добыть и это большая творческая работа: искать, выдумывать, организовывать, общаться... Готовишься не по одному, а группой. Причем работаешь в группе с теми, кто тебе нравится и делаешь то, что тебе нравится. Если равнодушен к театру – займись инсценировкой, сыграй роль, увлекаться спором – что ж, можно беседу заменить дискуссией, придумать каверзные вопросы по теме, перечисление цитат и ссылок построить в виде концерта – это для меломанов.

К таким урокам я всегда готов и приятно, что есть время войти в тему, а потом не торопясь все осмыслить. Чем больше готовишься, сидишь в библиотеке, тем интересней получается. Сам процесс погружения подкупает свободой творчества, разнообразием.

Например, изучаем трагедию Шекспира «Гамлет». Прежде всего разбиваемся на группы по интересам. Потом библиотека – ищем критику на трагедию, знакомимся со сценической историей пьесы, изучаем связь творчества Шекспира с мировой и русской литературой. Начинаются сборы после уроков, репетиции, дома надо еще написать сочинения, приготовить доклады. Участники инсценировки готовят реквизит и костюмы. Две недели, отведенные на подготовку, пролетают быстро. А на уроке начинается обмен информацией! И формы выступлений самые неожиданные.

Скажем, первыми выступают те, кто работал над теоретическим материалом – биография Шекспира, театральные постановки, историко-социальная

атмосфера в стране в то время, когда была написана пьеса. Потом инсценировка – репетиция в театре либо экзамен...

Нашей группой подготовлен «Суд над Гамлетом» и «Заседание коллегии в департаменте образования». Для инсценировок можно использовать и статьи Велинского, и стихи Цветаевой, и письма Пастернака, и фрагменты самой шекспировской пьесы, например, поединок на шпагах, монологи Гамлета, Королевы, Офелии...

Конечно, мы волнуемся. На уроке еще присутствует жюри из старшеклассников, которое оценивает наши выступления.

И в конце дискуссия. Мы пытаемся осознать, что больше поразило, что не получилось. Урок по Шекспиру идет пять часов. Нам удается за это время столько узнать, пережить, что мы почти не устаем (хотя перемены не отменяются). Даже самые непоседливые и неначитанные удивлены. Древняя пьеса становится близкой, необходимой, как будто это часть твоей жизни...

Дмитрий Гасин

Фрагменты шекспировского урока

**«Я смерть зову, глядеть не в силах боле,
Как гибнет в нищете достойный муж,
А негодяй живет в красе и холе,
Как топчется доверье чистых душ,
Как целомудрию прозят позором,
Как почести мерзавцам воздают,
Как сила наикнет перед надым взором
И всюду в жизни торжествует плут...
Как над искусством произвол глумится,
Как правит недомыслие умом,
Как в лапах зла мучительно томится
Все то, что называем мы добром...»** (В. Шекспир, сонет 66)

В пьесах Шекспира звучит чистый смех, около десяти лет он писал только комедии. Но это не значит, что он не знал правды о своем времени. Наиболее сильно это горькое знание выразилось в «Гамлете», который поневоле испытал

«... Все униженья века,
Неправду угнетателя, вельмож
Заносчивость, отринутое чувство,
Неправый суд и более всего
Насмешки недостойных над достойным.»
Как раскрывается в этом душа художника, потрясенного всемогуществом зла. Не случайно в пьесах Шекспира центром действия являются короли и их окружение. Те, кто мог влиять на развитие страны и милосердным, и жестоким правлением...

«Тот гордый человек, что облечен
Минутным кратковременным величием,
И так в себе уверен, что не помнит,
Что хрупок как стекло – он перед небом
Кривляется как злая обезьяна –
Да так, что плачут ангелы над ним...»
«Прошу меня простить за правоту
Как в наше время просит добродетель
Прощенья у порока за добро.»

Стихотворные строки англичанина, жившего в Лондоне на рубеже XVI и XVII века, очень точно выражают состояние россиянина на исходе XX века. Отчаяние, утрата идеалов, попрание святынь, низость сильных мира сего... Случайно ли это? Нет, конечно, это не просто совпадение, но талант высказать боль своего времени. А боль человеческая во все века одна...

Поразительно переплелись темы шекспировской пьесы в творчестве многих писателей и поэтов.

В. Велинский смотрел пьесу про Гамлета семь раз и если представить себе суд на Гамлетом, то критик оказался бы самым пламенным его защитником. Ибо этот герой Шекспира выражает слабость духа, и природа ее – переход из младенческого блаженного состояния покоя в мир брбры и дистармонии на пути к мужественной и сознательной гармонии. Велинский проникся настроением человека, поглывшего в водопад горечи и разочарований, потому что наивность и доверчивость юности оказались взорваны несоответствием идеалов и реальной жизни.

Белинский вовсе не утверждает, что идеалы Гамлета ложны. Просто Гамлет ищет жизни внутренней, он

сосредоточены на жажде познания, а все другие сосредоточены на своей скорлупе, на личных амбициях. Внутренняя энергия Гамлета прорывается как скепсис, ирония, выходки, но одновременно это признак сопротивления окружающему распаду, и значит, признак силы. Жажда гармонии и внутреннего богатства может утолить только Офелия: ее открытость, любовь к отцу, Гамлету, сочувствие к Королеве. То есть статья Белинского-возвышение Гамлета и оправдание его страданий: "Гамлет! Понимаете ли вы значение этого слова? Это не один человек, а целая жизнь." Признание не только Белинского, но целого его поколения.

Горячим защитником Гамлета был М.Лермонтов. А вот И.Тургенев стал бы на суде истории обвинителем: Гамлет скептик, нигилист, ни во что не верит, знает свои пороки, но не ведает, для чего живет. Внутренний разлад и презрение к окружающим выжидают душу, лишая возможности любить. Именно поэтому гибнет Офелия...

Еще более резким критиком и обличителем Гамлета и самого Шекспира выступил Л.Толстой! По мнению Толстого, изложенному в книге "Что такое искусство", Гамлет настолько противоречив, что в его поступках невозможно распознать реальный характер. "Ни на одном из лиц Шекспира так поразительно не выразилось неумение и равнодушие к...характерности героя. Вкладывая в уста героя мысли о бренности жизни, о смерти, о женщинах, театре, он не заботится о фоне, об условиях, в каковых высказаны эти мысли. Герой становится фонографом Шекспира: поступки и речи его не согласуются...Они лишь подготавливают начало эффектных сцен: Гамлет то ужасается тенью отца, то подтрунивает над ним, называя кротом, то любит Офелию, то дразнит ее..." Можно бы не согласиться с великим классиком, парируя его выпады тем, что именно противоречивость является важнейшим доказательством живости образа. Однако обвинения Толстого достаточно аргументированны. "Гервинус пытается доказать, что Шекспир обладал чувством красоты и меры, однако пьесы это опровергают, в них столько сумасшествия, прыжков, убийств, выкальвания глаз, ругательств...Без чувства меры вкуса не может быть истинного художника".

Спустя триста лет после Шекспира роковые диалоги Гамлета и Офелии зазвучали в устах М.Цветаевой. Цветаевский Гамлет и жесток, и пылок, и загадочен, ибо устремлен в себя, тогда как Офелия наиболее человечна и устремлена ко всем...

«- На дне она, где ил
И водоросли..Спать в них
Ушла - но сна и там нет!
- Но я ее любил
Как сорок тысяч братьев
Любить не могут! - Гамлет!
На дне она, где ил,
Ил! И последний венчик
Всплыл на приречных бревнах...
- Но я ее любил
Как сорок тысяч...- Меньше
Все ж, чем один любовник.
На дне она, где ил.
- Но я ее - любил?» (Диалог Гамлета с совестью)

*
«Гамлетом - перетянутым - натуро,
В нимбе разуверенья и знания,
Вледный - до последнего атома...
(Год тысяча который - издания?)
Наглостью и пустотой - не тронете!
(Отроческие чердачные залежи!)
Некоей тяжеловесной хроникой
Вы на этой груди - лежали уже!
Девственник! Женоненавистник! Вздорную
Нежить предпочедший.. Думали ль
Раз хотя бы о том - что сорвано
В маленьком цветнике безумия...
Розы? Но это же - тсс! - Будущность!
Рвет - и новые растут. Предали ль
Розы хотя бы раз, любящих
Хотя бы раз - Убыли ль?
Выполнив (проблагоухав!), тонете...
- Не было! - Но встанем в памяти
В час, когда над ручьевою хроникой
Гамлетом - перетянутым - встанете...(Офелия -

Гамлету)

*

«Принц Гамлет! Довольно червивую залежь
Тревожить...На розы взгляни!
Подумай о той, что - единого дня лишь -
Считает последние дни.
Принц Гамлет! Довольно царицыны недра
Порочить... - Не девственным - суд
Над страстью. Тяжела виновная Федра:
О ней и поныне поют.
И будут! А вы с вашей примесью мела
И тлена...С костями злословь,
Принц Гамлет! - Не вашего разума дело
Судить воспаленную кровь.
Но если...Тогда берегитесь!..Сквозь плиты -
Ввысь - в опочивальню - и власть!
Своей королеве встаю на защиту
Я, ваша бессмертная страсть...» (Офелия в защиту
королевы)»

Кто же она, эта бессмертная страсть Шекспира, (имя которой Офелия - для Гамлета), кто был прообразом в действительности? Фактов из жизни Шекспира известно мало, и поэтому всякий художник дает свою версию: по М.Анчарову это графиня Елизавета Ретланд, жена сановника, замешанного в антикоролевском заговоре, а по Ю.Домбровскому эта «Смутная леди» - Мэри Фиттон, приближенная королевы. Но всякий раз это любовь несбывшаяся, трагическая, оттого так печальны многие шекспировские сонеты.

Возможно, конечно, что провал с восстанием графа Эссекса повлиял на трагическое ощущение жизни Шекспира. Возможно, царствование королевы Елизаветы было слишком мрачным. Но еще у Шекспира был сын Гамлет, умерший до того, как была написана пьеса "Гамлет". А кроме горя отца он переживал драму двойного предательства возлюбленной и друга. Не достаточно ли оснований для трагедии, понятной во все времена?

При изготовлении скульптурного портрета Шекспира И.Иткинд обратился не к знаменитым парадным изображениям, а к самому "неприглядному" - плоскому, одуловатому, с прилипшими как пакля волосами, с пустым взглядом... Он и видеть не хотел красавца с пером в руке. Все волновались, а портрет вышел совершенно точный, достоверный психо-логически.

Расматривая в фотографиях и рисунках историю постановок «Гамлета», легко убедиться, каким Адонисом его представили. Хотя ясно, что он им не был-одутловатый, нездоровый молодой человек, острозыкий и грубый до непристойности... Таковы авторские ремарки самого Шекспира!.. Вот еще один урок: восхищаясь -идеализируем, съезжаем к типизации и уходим все дальше от истины.

Лучшим переводчиком «Гамлета» был поэт Б.Пастернак- Гамлет XX века, жестоко судимый (неправый суд, отвергнутое чувство!), но не сдавшийся тьме безвременья. Судьба поэта мистически повторяет судьбу шекспировского героя: вырос в культурной семье, проявлял ранние таланты, учился в двух университетах, к 22 годам отказался от всего, кроме литературы, сделав свой главный жизненный выбор. Жил в атмосфере реакции и душения всякой мысли. Совпадает даже то, что Пастернак считался труднодоступным для понимания. (Придворные не понимали принца). "Гамлета" переводил в тяжелом состоянии после известий о смерти близких людей. Очевидцев потрясли читки этого пере-вода: "читал наплывами, сильно", создавалось впечатление, что не просто он должен играть, что он и есть...Гамлет.

Скандал с присуждением Нобелевской премии и писательский ostrakизм заклеил поэта как отверженного еретика - вспомним, какой белой вороной стал при дворе Гамлет...Но что такое отверженность с точки зрения эволюции? Массовость это признак сглаживания и спрямления и только при ударе о новое и непривычное культура оживает. История время от времени требует бунтарей. Пастернак подобно Гамлету отстаивал свои идеалы и сумел показать тиранам, кто они такие. Предчувствие трагической развязки не сломало волю отдельного человека.

Ряд имен можно продолжить от великих - до каждого из нас. И каждый запомнит своего Шекспира.

Предыдущий выпуск «Ф» был целиком посвящен жизни и творчеству Варлаама Шаламова. По техническим причинам в него не вошел еще один материал: воспоминания человека, видевшего Шаламова в поезде — инженера и альпиниста Виктора Козьякина. Редакция благодарит тех, кто сохранил эти воспоминания для истории — Александра Цыганова, члена Вологодского СП и Николая Коротаевского, редактора газеты «Новый путь» («Зона»).

Виктор Козьякин
ГЛАЗА ШАЛАМОВА

...Шла литературная передача по ЦТ, посвященная Шаламову. Я всмотрелся в его лицо на экране — да я же знаю его! Я видел, я помню эти глаза. И память пробудила давнюю мимолетную встречу с ним в поезде, идущем в Москву осенью 1953 года.

Мы, два студента из Харькова, догуливали последние свободные дни, путешествуя по железной дороге. На станцию Валуйки пришел скорый поезд из Донбасса. Билетов не было, решили проехать одну-две остановки в тамбуре, для самоутверждения. Поезд тронулся, мы запрыгнули в свободный открытый тамбур, кто-то закричал и побежал за нами по перрону. А кто-то, чуть раньше нас появившийся в тамбуре с другой стороны, побежал в соседний. Я побежал туда же — там безопасней. И вдруг передо мной большие костлявые руки и хрипкое яростное: «...Убью!»

Миг внезапной опасности. Я вскидываю взгляд — надо мной косматая седая голова с большими пенстовыми глазами... Смотрю в них и кричу: «За что?» Его глаза заглядывают мне в душу и несмотря на чеканный страшный смысл слов и весь облик этого человека, они добрые, человеческие... Проскакиваю к свободному окну, за мной мой товарищ. Незнакомец у другого окна и мы уезжаем, что дух человек ему «порешить даже лучше» и терять ему больше нечего. Вот так мы и запрыгнули сами в тамбур — мышеловка захлопнулась. Напряженно и молча стоим у окна, держа руки в пустых карманах плащей — наивная уловка для экстремальной ситуации.

Последний его ультиматум — уходите нам из тамбура, по дверь рядом с ним, это опасно для нас, а пока между нами есть дистанция. «Мы вам не мешаем, вам ехать один перегон.» — заявляем нашему попутчику и осторожно закуриваем. Голос и слова человека до предела жесткие, по попадения никакого нет, да и нервная вспышка спадает. На вопрос «Кто вы?» отвечает «Студенты».

И тут случилось чудо. Перед нами оказался совершенно другой человек: нервный, усталый, но не такой уж страшный (хотя такой же лохматый). Поросив закурить, он заговорил с нами богатым, красивым русским языком, который так редко слышишь, общаясь с людьми. Какие-то дополнительные слова окрашивали, уточняли смысл и тождественность его фраз. Оказывается, этой ночью под Саратовом в тамбуре поезда его ограбляла юная шпана, забрав даже последнее курево. Нас он принял за следующих визитеров, поэтому так и защищал свое новое жизненное пространство.

Мы разговорились сначала с опаской, а потом весь перегон слушали его, разинув рот. Он журналист, отсидел десять лет, поехал в Москву окольным путем, чтобы в приемной Верховного Совета просить разрешения жить и работать в Москве. Надеясь на положительное решение, так как случай у него особый, он без вины виноватый...

Узнали мы о каторжном труде заключенных, о массовой гибели людей в лагерях. Выжиwali единицы, вот ему повело — уцелел, по зубы — смотрите — там оставил (цинга). Узнали и о том, что многие невиновны и находятся там, не зная за что, каторжным трудом и своими жизнями тоже добывали победу над фашизмом, поскольку добытое ими золото отплавлялось, говорят, в США как расчеты за помощь.

Это и был Варлам Тихонович Шаламов. Обо всем об этом он не мог спокойно говорить, срывался на крик, рассказывал о лагерной доле с болью в хриплом голосе: «Знайте, знайте об этом!»

— Эх, ребятки, из-за вас и меня раскроют, не доехает мне в этом тамбуре до Москвы!

Мы успокаивали его как могли. Перед станцией отдали ему все свое курево и еле-еле сумели уговорить его взять какие-то наши рубли, которые действительно были нам не очень нужны. Пожалели ему, прощались, удачи в Москве. На перроне умышленно покрутились перед проводниками, чтобы они знали, что нас не надо искать в вагоне... Поезд отходит. В окне тамбура ваш «лохматый дед» и мы машем руками друг

другу. Затем молча стоим, глядя на уходящий поезд, подавленные страшной правдой о лагерях. Мы услышали ее от человека с такими добрыми глазами и такой тяжелой судьбой... Вот что воскресила память об этой короткой, но такой емкой дорожной встрече.

Слушал по ЦТ суровое лаконичное стихотворение Шаламова, монотонный голос чтеца и сами слова наплывали как волны, как дуновение вековых истин. Невольно вспоминался и Б.Чичибабия, по сходной судьбе и единству темы. В этих словах звучали не только беды, но и истины природного хода жизни на земле, которые живы даже в отравленном атеизмом сознании людей конца двадцатого века. Велики души духовных мучеников наших и они всегда будут жить в народной памяти. Не желаю несбыточного. Желаю только одного — чтобы никогда больше не было страданий в глазах и душах людей — и славянских, и всех других.

Простите, что не ответил сразу на Ваше письмо и откликаюсь с опозданием даже после получения второго письма с книжками Михаила Сопина. Очень напряженно был занят, а пишу вообще не слишком скоро.

Сердечное вам спасибо за добрые слова и приглашение на Шаламовские чтения.

Для меня очень ценно Ваше мнение, что мое прикосновение к стихам Шаламова оказалось достаточно деликатным и в какой-то мере им созвучным. Шаламовские стихи и рассказы не дают жить спокойно, мои песни на его стихи — это просто необходимое мне самому освобождение от душевного напряжения, создаваемого его Кольмой. Может быть, мое покаяние перед памятью об этих миллионах человеческих жизней, уничтожавшихся уже и при моем, пусть и немом, но соучастии.

Родился я в 1931 году, презревать начал после XX съезда, и хоть никто в моей родной семье от репрессий не пострадал, эта тема стала моей главной душевной болью.

С радостью (если здесь подходит это слово) приму участие в ваших чтениях. Надеюсь увидеть, услышать, почувствовать еще раз вместе со всеми участниками дыхание, боль, ужас и несмотря ни на что — свет шаламовского дика. Сейчас, правда, у людей другая забота — как бы выжить самим, но вопреки всем новым востывшим пакостям и трагедиям я приветствую нынешнее наше время как духовное освобождение, жестокое, но необходимое. Постоянная память о тех страшных кошмарах тоже сейчас необходима — чтобы не поддаваться искушению вернуться к неутрачиваемому советскому состоянию полугодных-полурабов в социалистической (а теперь уж, может быть, и национал-социалистической!) казарме.

Даже если Шаламовские чтения и не соберут большой аудитории, для меня общение с людьми, хранящими память о Шаламове, других узниках и жертвах, — очень ценно. Сообщите в намечаемой программе чтений и пожелания относительно моей роли.

Еще раз огромное спасибо за книжки Михаила Сопина. Я не знал его стихов, но по первому впечатлению это настоящее и сильное, они берут душу и дают новые силы...

Александр Дулов (Москва)

Сергей Вакомин: 250 РОДНИКОВ ШЛАМОВСКИХ

Сергей Вакомин (Сергей Анатольевич Сорокин) родился в 1946 году в Вологодской области. До семнадцати лет учился и работал в деревне, с 1963 живет в Санкт-Петербурге, работает электросварщиком на судостроительном заводе. Автор трех поэтических книжек, многих очерков и статей. Представитель Рубцовского центра в Санкт-Петербурге.

В году семьдесят пятом я предпринял поездку на север Вологодчины, на родину к писателю Василию Белову. Харовский район, где расположена его родная Тимониха - единственный поставщик резонансной елки - той самой, из которой делают деку фортепьяно и другие детали музыкальных инструментов. Об этом я прочитал в рассказе Глеба Горьшина «Калория». Желание увидеть своими глазами поющее дерево было настолько велико, что я тут же, не откладывая, отправился в путь.

...Встретил я их на пути в Тимонику. Их прямые столбы тянулись в небо, чем-то напоминая мраморные колонны заброшенного храма. И только там, глядя в вышину, сильно задирая голову, можно было увидеть скудные шалки разметававшихся крон. От елей шел плотный смоляной запах, тот самый, что шибко ударил мне в нос на станции в Харовске.

Я прислушался. Ели покачивались и... пели. Звук шел сверху, словно с невидимых хоров, едва уловимый, но стройный. Мелодия то возникала, то за шумом ветра пропадала, сливаясь с общей музыкой просыпающегося леса.

Распиленная и разделанная на тонкие мелкие дощечки (я видел их упакованными в пачки на железнодорожной станции), ель превращается потом в гитары и балалайки - в то, что способно выражать гнев и милость, радость и беду, любовь и ненависть. А здесь они пели одну величественную песню с лесом. Ну как тут не вспомнить рубцовское:

«...Эх, не ведьмы меня свели
С ума разума песней сладкою -
закружило меня от села вдалеке
плодоносное время краткое...»

У высокой теремной избы, что показала мне попавшаяся навстречу старушка с кошечкой («Прямото пойдешь, во-он направо, где большая береза - и будет дом Анфисы Ивановны!»), на завалинке сидела молодая женщина, одетая по-домашнему: в свитере, в синем спортивном трико, в легких резиновых сапожках. Самодельным ножом она чистила лук, видимо, только что принесенный с огорода. Выслушав мое сбивчивое объяснение, она встала, одернула свитер и по-хозяйски пригласила в избу.

По широкой деревянной лестнице мы поднялись наверх, в жилую часть дома. В просторной комнате, наполовину прегороженной старинным самодельным буфетом, весь передний угол занимал стол с лавками, расходящимися из угла. Слева возвышалась беленая русская печь. На мое «здравствуйте!» из-за занавесок навстречу выкатилась крепкая старушка небольшого росточка, вся в золотисто-коричневых конопущках, с живыми добрыми глазами.

- А я думаю, к кому бы это молодой человек? Смотрю в окно - незнакомый, - теперь уже хлопоча у печки, выехала Анфиса Ивановна. - Вель редко, когда у нас нет гостей.

Дом ожил. На стенах и на полу запрыгали солнечные зайчики. Запахло румяной корочкой посаженных в печь пирогов. Сердито загукал самовар.

- Вот и самовар готов! Садитесь за стол... - обращаясь сразу ко всем, повелительно сказала Анфиса Ивановна.

Мое место у окна, с краю. По обе стороны крепко склоченного и до белизны высокбленного стола пьют чай приехавшие из Вологды дочери Анфисы Ивановны Шура и Лида, зять, внучки.

- Нечем вас и угостить, кроме пирогов, - как бы извиняясь, опять вскакивает хозяйка и во второй раз ставит на стол простоквашу с пирогом. - Сей год и грибов, и ягод было мало в лесу. Раньше-то, бывало, всего наготовишь... Вот рыбка нашего попробуйте...

Ах, милая Анфиса Ивановна! В эти краткие минуты доброты я с восхищением глядел на нее и в памяти всплывал далекий августовский день.

Было это десять лет назад. Август стоял теплый, без дождей. Целями днями я пропадал на сенокосе или на огороде. Но мой отпуск подходил к концу, надо было собираться в дорогу. Я только что закончил учебу в ПТУ и для меня начиналась новая и самостоятельная трудовая жизнь... Помню, мать не хотела, чтобы я уезжал в город, да еще так далеко. Но не послушался - уехал!

И вот снова расставание с домом. Еще в постели я почувствовал запах дожариваемой корочки. На кухне звякнула заслонка, так и есть: мама печет пироги!

Искусство это перешло ей от бабушки, матери отца, тоже маленькой, шустрой старушки. Несмотря на то, что баба Катя была скуповата и строга к своим снохам (семья у нее и деда Ивана была большая, все же по доброте душевной научила молодых хозяек печь пироги - единственную, пожалуй, роскошь и украшение деревенского стола.

Я не помню, чтобы чьи-то пироги были такими же вкусными, как у бабушки и мамы. Каждое воскресенье утром на стол ставился большой самовар, украшенный старинными медалями. В такие минуты, когда вся наша семья была в сборе, мы, дети, с особым удовольствием пили горячий чай с пирогами. Были они всегда

духмяные, начиненные разнообразной и вкусной начинкой. Но завтрак по воскресеньям мы неизменно начинали с рыбки...

Потянув носом, я встал. Младшие брат и сестра тихо посапывали в своих кроватках. Запах посаженных в печь пирогов проник в большую комнату и приятно шекотал ноздри. Ступая босиком по крашеному полу и стараясь не разбудить спящих, я заглянул в кухню. Сдвинув чугунки на плите, мать вытасила из печки очередной противень с пирогом, обмакнула куриное крылышко в блюдечко с растительным маслом и помазала зарумяненные кромки пирога.

- Сынок, ты уже встал? Что ж ты стоишь босой-то, поди, холодно...

Я еще зеваю, прислонившись к стене:

- А папа где?

- На наряде задерживается. А я вот тебе на дорогу рыбки испекла и твой любимый пирог с грибами. Да не стой ты на полу босой, иди одевайся... Сейчас придет отец и сядем завтракать...

После завтрака я укладываю свой чемодан. Рыбки и пирог с грибами мать заворачивает в пергаментную бумагу, потом в чистую тряпицу и кладет сверху, чтобы не помять... Голодный, в общепитии я набрасываюсь на рыбки, а вечером мы с товарищами, прихлебывая из алюминиевых кружек густо заваренный чай, дружно прикалываем и пирог с грибами.

Через неделю я получу повестку в армию, а еще через неделю от отца придет телеграмма: «Срочно выезжай тчк погибла катастрофе мать тчк»...

- А Горьшину рыбка не понравился, - Анфиса Ивановна вспомнила встречу с Глебом Александровичем, ту самую встречу, которую он описал в своем рассказе «Калория».

- Может, он сыт был? - попытался я оправдаться за Горьшина.

- Нет-нет, я заметила...

- Ох, наделал он ей хлопот, - почему-то рассмеявшись, вступила в разговор Шура. - А все его рассказ...

А получилось действительно, смешно и забавно. Рассказ напечатал столичный журнал. В деревне его все прочитали, узнав в героях своих соседей. И пошло-поехало! Прежде всего пришли к соседке Анфисе Ивановне спросить о «местечке», которое она на шубе овцы вымазала сапожной ваксой, чтоб отгладить неотступных баранов. Особенно изгалялась молодежь, девчата, готовые пойти на любую жертву, чтобы избавиться от неугодных ухажоров.

Эту новеллу Горьшину рассказала Анфиса Ивановна, как говорится, из первых рук. И понятно желание автора, вставившего ее в свой рассказ, подтвердить изначальную природу творчества писателя Белова. Соседка же Анна восприняла это как оскорбление и горько обиделась на Анфису Ивановну. Мирить их пришлось долго, пока не поняла, наконец, соседка, что все рассказанное есть просто житейская мудрость, о чем и поведала Анфиса Ивановна писателю...

Выйдя из дома, где на зиму заколачиваются ставни, но уже с приходом тепла раздаются детские голоса, я увидел окрестность за Тимонихой с неведомой мне стороны. У Василия Белова есть маленький рассказ, который звучит гимном всему живущему на земле. Одухотворенная природа становится в нем олицетворением чувств и дум героя.

«Он вышел на крутой и зеленый холмик, отгибаемый голубой озерной подковой. Купол церкви плыл в небе, плыл в редких белых облаках, ллил и все не мог никуда уплыть. Пчелы тихо жужжали на купах верб. Внизу от ветра и солнца мерцало озеро, голубизна, пронизанная лучами, темнела, дробилась в своем бесконечном изменении. А здесь, на холме, было тихо и зелено. Зной истекал в небо, искажая лесной горизонт волнистыми вертикальными струями. Не в масть серым, реденьким, словно захмелевшим от времени крестам белел свежий штакетник и арка новых сосновых ворот плыла в небе вместе с церковным куполом...» (В. Белов, «Холмы», М., «Современник», 1973)

Все это я увидел и почувствовал, как только поднялся на холм. Недавно вспаханное здесь под зябь поле прямо из-под холма черным прямоугольником уходило вдаль, сливаясь на горизонте с темно-зеленой полосой леса. Штакетник, арка и сосновые ворота уже успели довольно потускнеть, стать серыми, в масть крестам, которые твердо стояли над любовно ухоженными могилами. Здесь, на местном кладбище, похоронен дед Беловых, сорок лет проживавший в школе сельских ребятишек. Внизу все так же сверкало озеро, в котором отражалась церквушка с сохранившейся белизной стен, но безжалостно разрушенная и разграбленная...

«...О вид смиренный и родной! Березы, избы по буграм И, отраженный глубиной, Как сон столетний, божий храм...» (Н. Рубцов). Северяне говорят: «Хочешь вернуться сюда еще раз - испей нашей водицы и твое желание непременно исполнится.» Я спустился с холма к речке и осторожно принял осок. С виду Сохта, впадающая в озеро, прожа на ручей, которых на Вологодчине множество. Но стоило мне наклониться и губами коснуться

ее тугих холодных струй, как тотчас меня охватил озноб. Прямые зеленые водоросли, перевитые илом и колеблемые течением, были похожи на фантастические растения. Тянущиеся из неведомой глубины – вверх. Речка казалась бездонной, хотя и была неглубокой.

Однажды, когда в Вологде не ахти как писалось и мешало всякое окололитературное, Василий Иванович взял да и привез Рубцова к себе в Тимонику. Здесь и проявил поэт все лето...

Возвращаясь в дом, я старался понять колдовскую силу покойно лежащих вокруг холмов. Это они открыли деревенскому мальчику свою заветную тайну, наделили его терпением и талантом, заворожили его душу красотой и заставили трепетать его отзывчивое на доброту сердце. Они не оставили равнодушным и Рубцова, и всех, кто здесь побывал.

Так что же такое талант? Горышин в своем рассказе приводит ответ Белова на этот вечный вопрос: «Живущие со мной, – говорит Василий Иванович, – в моей деревне и в других местах тоже – гораздо талантливее меня, то есть душевно богаче. Русские люди вообще талантливы, только их иногда не слышат, голос у них негромкий... Вот разве в этом и есть мой талант: услышать и запомнить. Ну и потом написать...»

Как все легко и просто: услышать и запомнить! А вот н а п и с а т ь ?..

Подливая в чай топленое молоко, я снова сижу в окружении Беловых. На столе боярином шумит самовар. Утренние пироги, подогретье Анфисой Ивановой, горкой возвышаются над столом. Задумчиво звучит речь хозяйки. Незаметно наш разговор заходит о друзьях Василия Ивановича. Ведь по этим самым ступенькам лестницы ходили, в этих стенах, за этим столом сидели Александр Яшин, Василий Шукшин, Борис Бабочкин, Федор Абрамов... Гостеприимно встречает гостя Анфиса Ивановна. Ее чуткость и материнскую заботу помнят и те, для которых Белов по-прежнему остается человеком честного таланта и нравственности, идущей от корней русского национального характера.

– Как вы сейчас напоминаете мне Колю Рубцова, – неожиданно прерывая мои мысли, говорит Анфиса Ивановна. – Он и садился-то всегда на это место у окна, как бы извиняясь за свое присутствие... Как все же несправедлива была к нему жизнь! А здесь ему было хорошо. Ходил в лес, помогал мне на огороде. Вина почти не пил – меня стеснялся. А то бывало пойдет, закроется в горенке и целый вечер не показывается. А то и ночь просидит. И только к обеду следующего дня выскочит – не знаешь, о чем и думать, такая у него на лице радость. «Смотри, мама (он меня только так и называл), сколько я денег заработал!» И показывает пачку испанной бумаги. Иногда и почитает... Любил он наш дом.

Да и как не любить – хочу добавить я – если каждая половица, каждое бревнышко, каждая вещь в нем светится добротой и щедростью матери, отдавшей всю жизнь воспитанию трех сыновей и двух дочерей. Муж ее погиб в Великую Отечественную. Вспоминая те тяжелые годы, Анфиса Ивановна с потаенной болью смотрит в окно. Там на зеленой лужайке смеются Шурины дочки, приехавшие к бабушке в деревню. Вот и Василий спешно уехал в Вологду к заболевшей дочке...

После чая и пирогов Анфиса Ивановна показывает мне дом. Оказывается, остальную часть «сосновой крепости» занимает светелка, которая служит Василию Ивановичу кабинетом и спальней. Кухня с русской печкой как бы разделяет избу на две половины. Аккуратно тесанные топором стены золотились, подсвеченные вечерним солнцем. Это придавало светелке нарядность и чистоту.

– Долгое время стены были оклеены обоями, – поясняет Анфиса Ивановна, войдя в роль экскурсовода. – Как-то Вася приехал и обои оборвал. А я выскоблела и вымыла стены-то. Так с тех пор и не клеиваем...

Через маленькую дверь мы выходим в сени и заглядываем еще в один кабинет с единственным окном, из которого виден луг с голубой каемкой леса. Над небольшим столом. прилепившимся к окну, висит керосиновая лампа и тут же кровать-нары с марлевым пологом.

– Когда много наезжает гостей, – снова возвращаясь в светелку, говорит Анфиса Ивановна, – отправляю всех по этим чуланам. И довольны!..

Удивительно, в каждом звуке, в каждой домашней мелочи, попавшей на глаза, я узнавал опять и опять свое детство, которое прошло-пролетело и вот теперь как бы возвращалось, но уже в звуке, в запахе, в вещи. Это озаряло младенческим светом всю мою жизнь.

Уже смеркалось, когда я покидал притихшую Тимонику. Солнце только зашло за темнеющий гребень леса. Где-то в поле послышался дерганый голос коростеля. Зажглись огни животноводческой фермы.

Я еще раз оглянулся на беловский дом. Под сенью могучей березы с какой-то щемящей грустью смотрел он на дорогу. Будто погруженный в одну большую думу.

ПОЭТ АЛЕША

Я впервые услышала о нем на заседании литературного кружка в Перми. Однажды наш руководитель, редактор издательства, принес никому не известную рукопись стихов Алексея Решетова, мастера Березниковского калийного комбината. Лохматый начинающий поэт Илья выразил свое впечатление так:

– Какой хороший человек. И, наверно, неплохой.

Наш шеф засмеялся и сказал, что Илья угадал.

Поэту Алеше было 23. Когда появляются такие, как он, среди пишущих начинается расхождение: одни начинают ему подражать, другие бросают писать вовсе и очень немногим удается сохранить голос. Он был для нас как Робертини Лоретти, завидовать такому просто не приходит в голову: он «от Бога», а мы все любители, это сразу было ясно.

Его строки завораживали: «Золотая заспанная кошка трет зеленоватые глаза...», «И румяной щекой земляника прикоснулась к прогретой земле», «Ты знаешь, что такое рань? Ты просыпался рано, Когда стекло оконных рам Мерцает как-то странно. Когда еще не слышно птах, Еще не пали росы, Когда лежит на трех китах Земля без всякой оси...»

Но Алеша не просто помогал увидеть мир, будто промывтый весенним дождем. Он писал прямо про нас. Многие чувствовали себя бесприютными как в стихотворении «Я знал человека». Тогда, в шестидесятые годы, когда в Советском Союзе «секса еще не было», мы хотели быть приговоренными «к последней и пожизненной любви». И когда мы читали про лягушек – «Пускай на них царевичи плюют, Пускай их глупый селезень проглотит – о боже, как на клюквенном болоте Лягушки беззащитные поют!» – мы понимали, что это тоже про нас.

Тогда выпускники ВУЗов искали места распределения как можно дальше, где-нибудь в Сибири или на Крайнем Севере. И помню, садясь в очередной раз в поезд, я любила брать с собой Алешины книги: вагон трясет и читать трудно, а стихи запоминались легко и ими можно было жить, подолгу глядя в окно.

Мы выросли, а вместе с нами выросл и Алеша. К сожалению, наш шеф недооценил его пристрастия: пить Алеша стал довольно скоро. Ушел с калийного комбината, перехал в Пермь, стал профессиональным поэтом. Слыл совестливым, но неприспособленным к жизни человеком, с ним все время что-то случалось, его все время кто-то считал своим долгом «спасти». Около него слишком много стало крутиться «доброхотов», которые под видом заботы находили и свое место рядом с талантливым

Сергей Ваксман

человеком, и каждый нес бутылку. А отказывать Алеша не умел.

При относительном внешнем благополучии внутренняя жизнь Алешы становилась все трагичнее. Личная жизнь не складывалась, продолжать жить с мамой, а многие говорили, что для Алешы иного и не надо. Однажды, вытаскивая из лужи нашего ребенка, он сказал моему мужу: «В одном я тебе завидую – у тебя есть сын.»

Центральная критика его не замечала. Возможно, беда его в том, что он просто вовремя не умер: у нас ведь любят поднимать на щит покойников, о них что угодно наговорить можно...

Где-то к сорока годам в его творчестве стал наступать кризис. Он в то время много писал стихов о стихах: «И опять – словно снег – черновик, И перо – словно посох скрипучий, И рука – как безумный старик, И свеча – как звезда из-за тучи.» А в местной прессе появлялись строчки, которых нигде потом не встречала: «Вы не знаете, что это значит, Когда воеет, как баба, пила, И на маленькой брошен-ной даче Мыши нюхают ножки стола»; «Спой мне песенку, шарманка, Про далекие края, Улыбнись мне, обезьянка, Богородица моя.»

Потом мы из Перми уехали. На вопросы об Алеше наши друзья отвечали: не пишет. Может, просто не публикуется.

Для поэта это настоящая трагедия. А для читателя... Разве так уж важно, когда была написана самая лучшая книга? Гораздо хуже, когда она лежит в пыли, как драгоценное зерно, а люди этого и не знают.

Почитайте Алешины стихи. Может, они вам понравятся.

Татьяна Сопина

Татьяна Сопина родилась в 1939 году на Кубани. Закончила географический факультет Пермского университета, после распределения работала учительницей на Крайнем Севере. В 1967 пришла в профессиональную журналистику, была корреспондентом молодежной газеты на Урале. Вместе с семьей переехала в Вологду в 1984 году, работала в «Речнике Сухоны», «Вологодском подшипнике», позже обозревателем «Вологодских новостей».

Алексей Решетов :

«ОНИ БЫ УМЕРЛИ ОТ СЧАСТЬЯ...»

Нет, ты любовью не зови
То, что на самом деле было
Простым предчувствием любви:
Не замело, не ослепило.
Ведь на пустой осенний брег
И воду черную у берега
Сначала падает не снег,
А только слабый запах снега.

Да, хлопья снега – только анонимки,
И вряд ли у болтливого ручья
Остались те любительские снимки,
Где вместе были сняты ты и я.
Ну что ж, зови защитников хваленов
И всяких лжесвидетелей зови,
И пусть нас обелят, приговоренных
К последней и пожизненной любви.

Убитым хочется дышать.
Я был убит однажды горем
И не забыл, как спазмы в горле
Дыханью начали мешать.
Убитым хочется дышать.
Лежат бойцы в земле глубоко,
И тяжело им ощущать
Утрату выдоха и вдоха.
Глоточек воздуха бы им
На все их роты, все их части.
Они бы плакали над ним,
Они бы умерли от счастья!

В эту ночь я стакан за стаканом,
По тебе, моя радость, скорбя,
Пью за то, чтобы стать великаном.
Чтоб один только шаг до тебя.
Чтобы ты на плечо мне взбежала
И, полна ослепительных дум,
У соленого глаза лежала
И волос моих слушала шум.

Я знал человека. О нем

Должно быть, вы слышали прежде:
Он в свой непостроенный дом
Входил в недошитой одежде.
Садился поближе к огню
В несуществовавшем камине
И ласково гладил жену,
Хотя ее нет и в помине.
И в этой нелегкой судьбе,
В особенно горькие миги
Искал утешенье в себе
В никем не написанной книге.

О белый лист, поэту ты претишь.
Так белый флаг немислим для солдата.
Так белой ночи тягостная тишь
В рыданиях девичьих виновата.
И полон веры, полон торжества
Тот миг, когда естественно и просто
Приходят вдохновенные слова
На лист, необитаемый как остров.
О белый лист как белое чело,
Как белые больничные постели,
Как белый снег, что рухнул тяжело
От выстрела на пушкинской дуэли...

Ты легким светом вся озарена.
Ты вовсе не такая, как другие.
Ты у меня как Родина, одна.
Жизнь без тебя страшна как ностальгия.
А вот и сон: качаются цветы
И белый аист нам несет ребенка,
И голову закидываешь ты,
И на поляну падает гребенка.

Любители лягушечьего пеня,
Я понимаю ваше нетерпенье:
Уж спать пора, а их все нет и нет...
Но горевать и хмуриться не след.
Сейчас у них глаза нальются кровью,
Растянутся резиновые рты
И все ночные звуки прекроет
Мелодия волшебной красоты.
И всем лицом – безжизненно-спокойным –
Насторожится бледная луна,
И словно перезвоном колокольным,
Душа людская будет смущена...
Пускай на них царевичи плюют,
Пускай их глупый селезень проглотит,
О боже, как на клюквенном болоте
Лягушки беззащитные поют!

Ты слышишь, мама, я пришел –
Твой милый мальчик, твой Алеша.
Нигде я, мама, не нашел
Таких людей, как ты, хороших.
Руками желтыми всплесни:
Какое солнце над востоком!
Не бойся, мама, мы одни
На этом кладбище жестоком.
Уж сколько лет – не знаю сам –
Скребется вьюга по окошку,
А ты все бродишь по лесам,
Сбираешь ягоду морошку...

Алексей Решетов АВТОПОРТРЕТ

АЛЕКСЕЙ РЕШЕТОВ

ПРИКА

ВОЛОГОДСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В 1993 ГОДУ

- Андрей:** Стихи.- Вологда: ТОО ПФ «Полиграфист», 1993,- 95 с.
- Андрей-II:** Сб. стихов - Вологда: Информ.-изд. центр ЛИС, 1993.- 47с.
- Архипов В.** Съёмка рапидом: Стихи.- Вологда: Изд-во «Евстолий», 1993.- 54с.
- Бабенко В.** ...Из семейного альбома: Стихи. - Грязовец: Б.и., Б.г., 31 с.
- Белов В.** Собрание сочинений: в 5т. т.3. Кануны: Роман-хроника конца 20-х годов. М.: Современник, 1993.- 448 с..
- Белов В.** Внемли себе: Записки смутного времени.- М., Скифы, 1993. - 143с.
- Белов В.** Все впереди: Роман. - М.: Современный писатель, 1993. - 222 с.
- Быков А.** Тайну клада не гарантируем...: Ист. рассказы, очерки, этюды. - Вологда: Информ.-изд. центр ЛИС, 1993. - 95с.
- Ганичев Ю., Гасин Д.** Палач и утешитель: Сб. стихов молодых авторов, рис. Д.Гасина. Б.и., 1993.- 32 с.
- Гостинщиков В.** Путник: Стихи. - Бабаево: Б.и., 1993.- 32 с.
- Данилов В.** Жизнь наша грешная: Юмор и сатира (сборник рассказов, стихов, миниатюр) - Череповец: Б.и., 1993, - 44 с.
- Драчев А.** Сон: Повесть и рассказы.- Вологда: Бю-ро пропаганды художественной литературы, 1993. - 271 с.
- Дружининский Н.** Чибис в поле кричит: Стихотворения. - Вологда: Обл. общество охраны памятников, ред. газеты «Наше поколение». 1993.- 135 с.
- Журин Е.** Проклинаю Октябрь 17-го: Сб. стихов.- Б.м., б.и., 1993.- 144 с.
- Кокорин В.** Три заклатья: Стихи.- Вологда: Вологодская организация союза писателей России, 1993.- 104 с.
- Колосов М.** Павлушонки: Рассказ.- Вологда: Изд-во «Размышление», 1993.- 20с.
- Кузнецов Н.** Звенящий дождь: Сборник стихов.- Череповец: Б.и., 1993.-132с.
- Кунов В.** Отчий край: Стихи.- Вологда: Изд-во «Размышление».- 1993.- 30с.
- Леднев Ю.** Мессия: Фрески из жизни Иисуса Христа. Драма в стихах.-Вологда: КИФ «Вестник», - 1993.- 54 с.
- Максин Ю.** Журавли: Стихотворения и поэма.- Устюжна, Б.и., 1993.- 96с.
- Метляева И.** Диалектика одиночества: Стихотворения.- Вологда: Изд-во «Евстолий». 1993.- 24 с.
- Мишнев В.** Лирика : Стихи.- Никольск: Б.и., 1993.- 32 с.
- Мишнев В.** Слух души: Стихи.- Никольск: Б.и., 1993.- 73 с.
- Мурин В.** Стихи; Память: поэма.- Вологда; Б.и., 1993.- 54 с .
- Плотников В.** Когда мы будем вместе: Рассказы.- Вологда: Бюро пропаганды художественной литературы, 1993.- 233 с.
- Порожин А.** Русские стихи.- (Северодвинск): Изд-во «СН-Дачная», 1993.- 48 с.
- Похехонов А.** Мне не будет покоя: Стихи.- Вологда: Б.и., 1993.- 67 с.
- Похехонов А.** Причастность: Стихотворения.- Вологда: КИФ «Вестник», 1993.- 128 с.
- Пудожгорская Е.** Пьесы. Часть 1.- Вологда: Обл. об-во охраны памятников, ред. газеты «Наше поколение», 1993.- 128 с.
- Пудожгорская Е.** Возлюби Господа своего...: Драма по мотивам Евангелия.-Вологда: Б.и., 1993.- 74с.
- Пудожгорская Е.** Бог даст, все образуется: Стихи - Вологда: «Русь», 1993.- 64 с.
- Пудожгорская Е.** Для счастья этот мир создан: Стихи.- Вологда, «Русь».- 1993.- 64 с.
- Сазонов Г.** Заречная птица: Стихи.- Вологда, «Полиграфист», 1993.- 159 с.
- Соболев А.** Зарница: Повести и рассказы.- Вологда: Б.м., 1993.- 96 с.
- Твердов Е.** Сказочный рыбак. (Репринтное издание).- Вологда: ИПК и ППК, 1993.- 48 с.
- Фокин Н.** Посошок: Стихи.- Нюксеница: Б.и., 1993.- 170 с.
- Хазов В.** Серебрянный конек: Стихи.- Вологда: КИФ «Вестник», 1993.- 95 с.
- Швецов А.** Золотое крыльцо: Книга стихов.- Вологда: Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей России.- 1993.- 140 с.
- Широглазов А.** На краю земли: Стихи и песни.- Устюжна: Б.и., 1993.- 91 с.

Сборники

- За северным перевалом:** Стихи молодых авторов Великого Устюга, Красавино, Нюксеницы, Тотмы и Вельска. Выпуск 1.- Великий Устюг: Б.и. 1993.- 87 с.
- На родной земле.** Горчаков Г., Лешуков А., Николаева О., Панов Р.- Никольск: Б.и., 1993.- 46 с.
- Праздник в город вошел..:** Стихи местных авторов.- Вытегра: Б.и., 1993.
- Соборная Горка:** Литературно-художественный альманах. Выпуск 1. - Вологда. Обл. общество охраны памятников, ред. газеты «Наше поколение». 1993.- 116 с.

Примечание: Б.и. - без издательства.
Б.м. - без места издания.

**ЧЕРЕПОВЕЦ: ГОРЕК ИЛИ
СЛАДОК ДЫМ ОТЕЧЕСТВА?**

В вологодской областной библиотеке имени Бабушкина в разное время выступали самые известные вологодские поэты и писатели. После встреч с читателями они дарили библиотеке свои книги с автографами. Поэтому выступать здесь престижно и символично. Так, вот в марте 1994 года в малом читальном зале выступали известные череповецкие авторы: Александр Пошехонов, Татьяна Хмайло и Андрей Широглазов.

Их программа была построена на чередовании стихов и песен, что сделало концерт легким и непринужденным. Перед приездом в Вологду они с успехом дали несколько подобных концертов в Череповце. Расхожее мнение: стихи авторов-исполнителей (бардов) - второсортная литература или не литература вообще. А ведь это та же литература, только облеченная в особо лаконичную и доходчивую форму.

«Чистый» литератор узнает о реакции читателя косвенно или вообще не узнает. Автор-исполнитель храбрее «чистого» литератора, он с этой реакцией сталкивается на первой же минуте...

Татьяна Хмайло закончила литературный институт им. Горького, широко печаталась в центральной прессе, работает в череповецкой городской газете. Неоднократная участница литературных семинаров. Стихи поразительно грустные и драматические, полные горечи. Однако романсовый гитарный строй делает их нежной и старинной, придает оттенок тонкой игры.

«Полнолуние снега бег
приводящий в улыбку все
черной тушью на белом рисую
ни улыбки ни боли в глазах
Равнодушно усталой рукою
черным снегом черта за чертой
белый лист от угла до угла
заштрихован портрет одиночества
полнолуние снег мое «жестовство»...

«Ниске урвояя кеба, више урвояя моря,
ниске урвояя счастья, више урвояя горя,
ниске урвояя крика, више урвояя шлети,
ниске урвояя жизни, више урвояя
смерти...»

Ум и горечь не мешают Татьяне быть разной: аплодисментами встретила публика ее шуточные песенки.

Злегические, молитвенные ноты прозвучали в стихах Александра Пошехонова. Он работает составителем поездов, не раз участвовал в семинарах, принял в союз писателей, вышло у него уже две книги стихов - «Причастность» и «К мне не будет покоя», обе предельно традиционные и честные.

«Во мне живут два человека,
Вернее, дьявол и изгой -
Один виная осудит реку,
А будет качаться другой.
Один сжигает жизнь лучину
Как обреченный на грехи.
Другой несет его кручину
И шлет грустные стихи.»

Андрей Широглазов ослепительно молод и энергичен, в Череповец приехал из Иркутска. Филолог по образованию и журналист по занятию, он нашел, кажется, тот пласт жизни и литературы, который подвластен только ему, стремительно его слогу и бескрайней бесшабашной иронии. Первую книгу стихов и песен Широглазов назвал «На краю земли» (отклики на нее читайте в разделе «Обзор»).

«Послушай, друг, ты слишком стар
этого вопроса
и для других вопросов, друг, ты
тоже слишком стар.
И сладок дым отечества как дым от
паштосец,
Но что нам дым отечества, когда в
душе пожар...
...Давай, мой друг, возьмем с тобой
сейчас по балке
«белой»,
Поспшем пеплом головы и примем
умный вид.
Ах, сладок дым отечества - когда
оно стгорело,
И горек дым отечества, когда оно
горит...»

Кроме череповецких авторов перед публикой выступили вологоджане Юрий Гавичев, Фотрий Гасия, Валерий Архипов. Настоящий праздник для присутствующих устроил в заключение встречи вологодский автор Андрей Гозловский.

Казалось бы, разговор состоялся, контакт с залом полный. Неполным был зал: литераторы местного союза писателей и журналисты не проявили любопытства к визиту череповчан. В этом смысле «дым отечества» оказался горьковатым. Но что такое официальное признание? И что может быть дороже горящих от восхищения глаз и горящих от хлопков ладоней?

*Татьяна
Хмайло:*

**ОЖИДАНИЕ НЕ
НАПРАСНО**

Юрий Макозев

Мы остужаем сердца жар
Привычно холодом коньячным,
Как пальцы рук твоих дрожат...
Ты их в колени зябко пряча-
О нет, не плачешь, стая не та!
На табурете как на троне,
Как авиатор -от винта!-
Предупреждаешь посторонних.
Так гладиатор шелк плаща
С улыбочкой прижимает к ране.
И так родным безмерно странен
Больной, не жаждающий врача...

История

По голому полю, по выжженным градам,
То с гневом, то с болью, эталом,
парадом,
С крестами, с перстами ко лбу, с
кандалами...
Хвалились местами, святялись делами,
То пылью по ветру, то камнем, то
птицей,
Убийщи и жертвы, слепцы и провидцы...

Осеннее

Ногами буду ворошить
Осенних листьев сушь и прелесть
И тормошить покой души
Какая в этом действе прелесть!
Какая в этом действе суть,
Забота и печаль какая!
Пробуду целый день в лесу,
Своим желаньям потакая.
Ногами буду ворошить
Листву, шагая еле-еле
И по ладони ворожить
Стоящей одиноко ели.
И вспоминать, и вспоминать,
Что было явь, а что приснилось?
И понимать, и понимать
Судбой дарованную милость.
Пробуду целый день в лесу,
О хлебе позабыв и соли
В вечерний дом души раздолье
Наполнив до краев, внесу.
И сердце придержу рукой,
В содеянное днем вникая,
Какой счастье - непокой!
Безумство сердца - боль какая!

Не оставь меня, Господи! Знаю,
многим грешна,
Что пила, с кем ни попадя, смуту
вместо вина,
Что влюблялась безудержно, над
собой не волна...
Что не встретилась с суженым - не
беда, а вина...
Что не веря в пророчество о слиянии
сердец,
Все коплю одиночество как богатство
скупец,

Что чернилами вылила душу в бездну
листа
Что тоска сердце выела до пуста,
до креста.

Пора

Мне нравится слово «пора»
Не поздно еще и не рано
А в пору грубеет кора
И листьев ладони багряны
Мне нравится слово пора
Не рано уже и не поздно
Рассыплются по небу звезды
И будут гореть до утра
Пора для любви и разлук
Пора для костра стать золою
Пора как натянуть лук
С готовой сорваться стрелой

Офелия

Все цветы такие нежные...
Все касаются лица.
Никого нет у Офелии,
Нет ни брата, ни отца,
Ни коня, ни черна ворона...
Кроме горькой пустоты
Только эти звездно-тихие
Бесконечные цветы...

Пыли под ноги встречные
Километры усталой земли.
Взяли лесно как женщину
Грубо в дорожной пыли.
И распялены похотью
Повлажневшие пьяные рты.
Песню-женщину похода
Втоптали в стелные цветы...

Ожидание

В ярком свете огня
неподвижна была
Эта женщина в третьем окне
от угла
Как портрет в потемневшей от
времени раме
Все стояла она и уйти не
могла
Эта женщина видно кого-то
ждала

В ожидании свет не гасила

Может это маяк может это фонарь
Для кого-то в ночи замигала она
Терпеливо смотрела чтоб пламя
не гасло
Вот и снова я вижу ее у окна
Свет горит за спиной и ночь
так темна
И не верится что ожиданье
напрасно

Татьяна Таганова

Стихи и песни Андрея Козлова

Вадим Шергин

Автор о себе

Родился я летом 1959 года в городе Великий Устюг Вологодской области в семье инженеро-кораблестроителей. Но жить в провинции не стал, переехал в Вологду. Здесь успешно закончил детский сад и кое-как получил образование в 5 средней школе. Так что до 17 лет в моей жизни ничего значительного не произошло, разве что выучил азбуку и начал читать художественную литературу.

После окончания школы отработал год на мебельной фабрике и понял, что не люблю пыль, начальника цеха, проходную, конвейер, нормированный рабочий день. Выучился на каменщика-монтажника и еще год трудился в качестве вольного сельского строителя. Это лучше, чем фабрика, но страх перед службой в рядах стройбата толкнул меня на высшее образование.

Так неожиданно для себя и для приемной комиссии (самой высокой оценкой в моем аттестате была четверка по физкультуре) я сдал вступительные экзамены на отлично и был зачислен на первый курс лесомеханического факультета лесотехнической академии.

Первый курс посвятил игре на фортепиано, гитаре, посещению выставок, лекций, театров и математике. Второй - своим стихам, рассказам, сценариям и физике. Затем все последующие курсы пел свои песни в студенческом театре, одновременно подрабатывая клавишником в ресторанах. Сдав госэкзамен и распределившись в поселок Радофиниково, тихо покинул ВУЗ. По причине вечной материальной неудовлетворенности уехал в поселок Советский Тюменской области на популярную тогда стройку газопровода «Уренгой-Помарь-Ужгород» за длинным рублем, который исправно получал до мая 1985 сначала как слесарь-монтажник, потом как сварщик-потолочник.

Из творчества оставляя за собой только стихи и песни. Параллельно читаю то, что написано до меня - обращаюсь к Достоевскому, Фолкнеру, Уайльду, поэтам Блоку, Пастернаку, Олейникову, По, Тарковскому, Сосноре, Рубцову.

В 1986 узнал, что мои песни пою не только я, в 1988 уволился с трассы.

С 1989 года работаю в коммерческой структуре. Либо пишу стихи и песни, либо не пишу стихи и песни.

Игорь Панасенко: Посвящение Андрею Козловскому

Игорь Панасенко - сотрудник института информатики Кольского научного центра (г. Апатиты), известный автор и исполнитель, один из организаторов Кольского фестиваля авторской песни. Козловского хорошо знает как по записям, так и по участию в слетах авторской песни. И. Панасенко (в кругах КПС - просто Изя Панасоник) говорил, что его буквально покорила суровость и поэтика Козловского, влияние которого на его собственное творчество оказалось велико: "От этого уже не освободиться." На следующей странице читайте стихи, посвященные Андрею Козловскому.

Октябрь...И первый снег травы
коснется.
Земная соль с небесною слалась.
Неторопливы истина и солнце,
И невозможно далеки от нас.

Такая мгла, что мы уже не в силе
Поднять и видеть облака.
На то, что вера и душа остыли,
Наш бог, увь, взирает свысока.

Октябрь...Короче дни, прозрачной
тени,
Глухи слова и холодна рука.
На суету смешных своих растений
Наш бог,увь, взирает свысока.

Дверь отворил из мертвого в
живое,
Он все сказал, ничто не говоря,
И снег идет, и там, над головою
Нет ничего светлее фонаря...

На черные камни
прозрачные руки
уронит волна...
Я пьян от печали,
я пьян от разлуки,
я трезв от вина.
В крошечном тумане
безоблачный берег
пытаюсь найти,
Но парус повис
как предатель на рее,
а чайка летит.
И все не случайно,
и звездам не снится -
их ноша легка...
И грудью с размахом
ударилась птица
в стекло маяка.
Но снова, разбитая,
крыльями машет -
почти не
видна...

А может быть, я ошибаюсь
и дальше
летит не она?

Снегири, снегири, снегири,
Окрыленные дети зимы,
На одном языке говорим -
Снегири, снегопады и мы.
За окном приполярная мгла -
То ли ночь на дворе,то ли день.
Мир расколот стеклом пополам
На республики, птиц и людей.

Я не помню, когда я остыл.
Ты не знаешь, когда мне уйти.
Эти черные руки - чисты,
А за черные думы - прости.
Посмотри за окно, посмотри.
Не гляди мне в глаза, не гляди.
Это все снегири, снегири,
И один из них бьется в груди.

Полюс воз, быки устали,
Ходуном бока.
Одинаковые дали,
Хоть бы облако.
Хоть бы яблоко упало -
Наклониться бы.
Ось металлом по металлу
Крикнул птицею.
Из вяргов в греки реки
Передистывал.
Побоял кнутом ли, плетью,
Да посовистывал.
Мимо пашен, мимо башен,
Пена ключьями,
Мимо всяких, мимо каждых,
Между прочими.
Без подсказок и без правил,
Как поучится,
То попутчика теряя, то попутчицу.
Вдоль дороги что - то строят
Снова серое.
Ни на юге нет героя,
Ни на севере.
Те же короли поныне
С королевами.
Слева направо все едино,
Справа влево ли.
Может, вел быхов по бровке
Понапрасну я,
Сотню лет одной веревкой
Подпоясанный?
Каждый час на дню по счету,
Да легка рука
Жизни треть кнутом прощелкать
По чужим бокам.
То скользну под горку юзом,
То по рытвинам.
И куда с таким - то грузом,
Может, выкинуть?

Год за годом пыль утюжу,
Стоб ли,века ли.
Напою быков из лужи
И по - е - ха - ли.
Широка душа бродяжья,
Без обочины.
Так и стгину - мимо каждых,
Между прочими.

О жизни и картинах авангардиста В.Харисова

То звезды за окном,то солнце
порога,
То лед по берегам, то травы зелены.
Далекая судьба, знакомая дорога
И смотрит календарь на стену со
стены.

А между этих стен шаги моих желаний
На грани полусна, на острие клинка.
Нелепые цветы в диковинном тумане
Неведомо кому кивают с потолка.

И коврик у дверей...И женщина уходит
К иным своим богам, и призракам иным.
Дар пустоте своей и дань моей
свободе,
И смотрит календарь на стену со
стены.

О путаница дней, таблица умноженья,
Где числам не дано понять своей цены,
Где всем один закон - земного
притяженья
И смотрит календарь на стену со
стены...

Моя дорогая

Когда я по жизни блуждал как в
пустыне
И жажда сжигала дотла,
Моя дорогая, послушай, не ты ли
Последнею каплей была?

И губы от имени бога устали,
И воля смертельно больна.
Моя дорогая, тогда не тебя ли
Я выпил из фляжки до дна?

Вот так и кочую вдаль века вне связи,
Присохшая к телу душа,
Где все однозначно: мираж и оазис,
И всякая тень хороша.

Но море вдаль... Словно ленточку
грудью,
Рву память, следы волоача.
Волной неизбежная пена остудит
Кипящее тело. Прощай.

Прощай. Вот уж кровь загустела что
камень,
И я холодея пойму,
Что там, где до дна не достанешь
руками, -
Последний глоток ни к чему...

Белого облака серая тень
Падает в поле, давно опустевшее.
Скажут - добился всего, что хотел.
И возразить бы, да нечего, нечего.

Правды вчерашней слабеют огни,
Нынешней: веры возможности скромные.
Жизнь разобьет нас на «мы» и «и
«они»,
Вспомнится злое, забудется доброе.

Горькие спутники - долгие дни,
Мысли печальные - листья осенние.
Мы не одни, даже если одни,
И в одиночестве нет нам спасения.

Строим как в детстве, дворец из
песка.
Вот и уходите. Жаль, вы мне дороги.
Время снежинкой коснется виска.
Вспомнится злое. Забудется доброе.

Слышишь, раздался последний звонок.
Зритель уйдет и опустится занавес.
Кто - то остался и ждет за окном -
Ради него я попробую заново.

Будто бы яблоки вновь расцвели,
Будто бы птицы опять возвращаются.
Вот уж и я исчезаю вдали,
Вот уж другой в той дали появляется.

Игорь Павасенко: Посвящение
Андрею Козловскому

На постаменте спящий пес,
Хорош собою.
Он на луну, поднявши нос,
Давно не воеет.
Плывет туман над головой
И пес спокоен,
Поскольку жизнью и собой
Вполне доволен.

Собачий взгляд из пустоты
Ударит в спину.
Мой бог, скажи, когда же ты
Меня покинул?
Вином души не залечив
П не отринув.
Я не живу, хотя и жив
Наполовину.

Я растворяюсь, как в кино.
Во тьме спящий.
Я вроде есть, но я давно
Ненастоящий.
Я полон грохотом дорог
И лязгом стаи...
А пес застыл как древний бог
На пьедестале.

Туман над городом висит
В зените лета.
И дна как будто не достиг,
И края нету.
Сползаю тихо под откос,
Не чув смерти,
И все же сплю как этот пес
На постаменте.

1993.

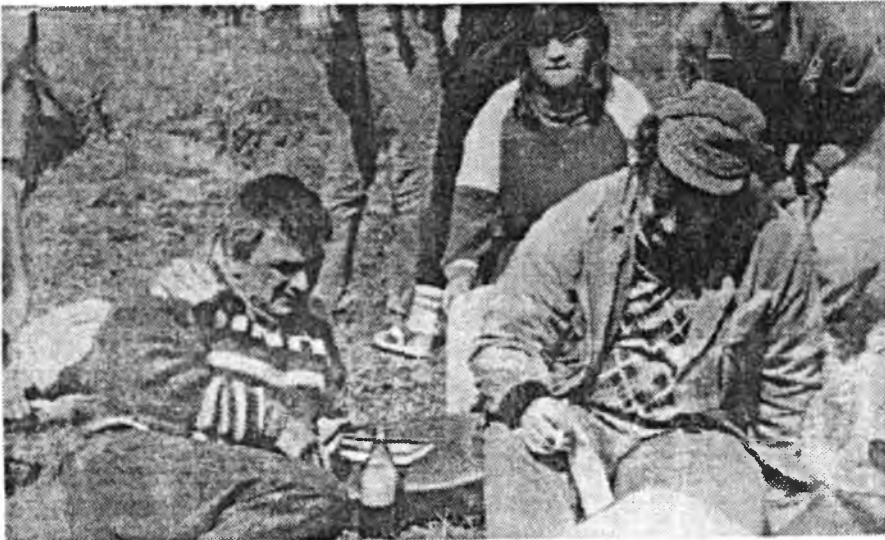
Человечек

Ты выходишь за порог – крылья плечи
Полуптица полубог – человечек
Созавая от чего отмежеван
Отлгчая своего от чужого
Распрямляешься бежишь и пожалуй
В голове твоей Париж и Варшава
А в душе высокой соколевой
Бьется ветер одинокий до боли
Вот и крылья разметал вот и весел
Смех – какая пустота в поднебесьи
Снизу город ржавых крыш нарисован
Сверху ты над ним паришь невесомо
Смотришь слышишь тишина только эхо
Землю жаль она больна человеком
Занедужила всерьез и надолго
Что бы к ней ни привилось – все от бога
Вот и вышел за порог крылья – плечи
Полуптица полубог – человечек
Лишь Харон улымый Стикс переехал
Шепчет – господи спаси человека

Андрей Козловский

Фестиваль самодеятельной и авторской песни на реке Петух (под Череповцом) 1993 года. Андрей Козловский и Михаил Треггер – члены жюри на творческих мастерских.

Леонид Мордберг (Санкт-Петербург): «Андрея Козловского знаю давно, когда он, еще никому не известный, появился в Питере до 1980 года. Кажется, тогда зазвучал его «Карасик» и сразу приковал к себе внимание. Сразу стало ясно – его не надо учить. Это готовый яркий автор. Все, что надо делать, он знает и сделает сам.»

Сергей Шерин

Андрей Козловский – лауреат традиционного конкурса «Весенняя капель» КСП «Меридиан» (Санкт-Петербург) – в 1984, лауреат XIII и XIV Грушинских фестивалей в 1986 и 1987, II Пушкинского фестиваля в 1988. Песня «Как много громких слов» включена в антологию самодеятельной песни «Люди идут по свету» – 1989. Тридцать стихов и песен вошли в сольный буклет «Песни Андрея Козловского», выпущенный в КСП «Меридиан» – 1990. Принимал участие в концерте памяти Михаила Анчарова по приглашению вдовы писателя (Анчаров знал песни Козловского).

"Его будут любить - даже если он больше ничего не напишет"

С творчеством **Андрея Козловского** я познакомился в конце восьмидесятых. Правда, я тогда не знал его имени. Просто была молодость, надежды и были еще туристические слеты, на которых звучали негромкие, но душевные песни. Порой они были слишком ироничные, а порой чересчур детские. Были и песни-откровения, приводящие в удивление и восторг. «Эти столичные барды...» думал я тогда, – как хорошо сочиняют.»

Позже на одном из концертов в Вологде я внезапно обнаружил, что передо мной находится автор песен моей туристической молодости! **Андрей Козловский**. И никакой он не столичный мэтр, а наш, вологодский парень. Держался на сцене просто, «косил под своего». Все у него получалось так естественно, словно и не существовало зала, до отказа набитого зрителями. Было ощущение, что ты сидишь рядом у костра, и согрившись «горькой», в упоении слушаешь веселого и умного собеседника.

На том концерте было несколько исполнителей, игравших более виртуозно, но только этот парень с ничем не выдающейся гитарой, лохматый, со слегка опухшим лицом – он сумел «раскачать» зал так, как это не сделали бы никакие профессионалы. Поэтому я никак не мог поверить, что в общем Андрей не частый гость на сцене. А вот в то, что ему в жизни многое пришлось изведать – в это верилось. За необязательными и непритязательными словами его песен, за иронией сразу чувствовалась душа, раненая своей отчизной:

«Куда бы ветер ни подул,
Любой из нас умрет насильно,
Что яд тому, кто жил в аду

Пропахшей серою России.»

«Век мой, ад мой.» Это Марина Цветаева. Грустные и правдивые вещи звучат в его песнях и стихах, но это не мешает им быть поэтичными и легкими. А когда читаешь тексты песен, довольно часто возникает внутри мелодия – такая забытая, должданная. Но говорить об этом в отрыве от гитары, от живого исполнения, разбирать... Надо ли разбирать? Может, лучше просто поделиться своими ощущениями?

«Есть те, которые могли,
Есть те, которые сумели...
Мы громко говорить хотели
О том, что видели вдали.
Мы грешники и тем сильны,
Что грех несем как рыцарь знамя.
Мы вышли в путь из тишины,
И вот она идет за нами.
Но бьем во все колокола,
Не прозвеневшие как надо,
И шелест белого крыла
Нам наивысшая награда.
И вот, когда уже пришли,
И вот, когда уже у цели,
Поймем, как много мы могли,
Поймем, как мало мы сумели...»

Мне кажется, **Андрей Козловский** как раз и смог, и сумел. Жаль только, что знает о нем лишь круг КСП. А он поэт для всех.

Александр Ильичев

Встреча с поэтами Санкт-Петербурга состоялась в библиотеке им. Бабушкина в июне. Но ей предшествовали два очень мощных выступления — в новом ДК под-шипникового завода на ул. Костромской и в ИТУ-1 (женской колонии) на ул. Левичева. В ДК была великодушная программа, посвященная Дню города и выступление гостей стало ее главным сюрпризом. О восприимчивости публики в ИТУ говорить излишне: благодушность до слез.

Выступление в ИТУ было не случайно: здесь побывала и та, что подняла руку на Рубцова.

О ней, о том, как восприимчивы сегодня ее воспоминания и о многом, что касается Николая Рубцова, не раз заходила речь на встречах с поэтами и чтецами, представлявшими в Вологде Рубцовский центр С. — Петербурга. Их программа «Под русским небом» была посвящена Рубцову и включала стихи самого Рубцова, песни на его стихи в духе народных песен — такую удивительную — ную композицию представили Людмила Брезнова и Анастасия Беллицкая. И свои стихи поэты читали тоже, это были Сергей Вакомин, Алина Мальцева, Гаянна Пороткова, Николай Астафьев. Стихи были достаточно традиционные, классические по форме, но насколько они искренни, горячи и святы по настроению. И несмотря на определенный социогражданский крен, лучшие строки оказались написаны на вечные темы.

Алина Мальцева:

«Нельзя жить мой стих».

Н. Рубцова

И суть поэта проявилась в том,

Что счастлив был он под

никольским небом,

Что жил своей поэзии трудом,

Хотя за это не давали хлеба.

И было чистоты не занимать —

Она в прозрачных песнях

разливалась.

В последний раз глаза

закрала мать —

Ему природа матерью осталась.

И уходя от смуты городов,

К земле он припадал вернейшим

сыном.

И разливался свет его стихов

Словами удивительно

простыми!..

Да не свилось семейное гнездо,

Нагие нервы волно подкосили.

Воспелой им полуночной

звездой

Взошел он над просторами

России...

Неужто я любовь теряю

К тебе, зеленая страна?

Я не ищу дорогу к рану,

А тяга к вышине странна.

Мой взгляд сухой тебя минует,

Полей зовущая краса.

Я чую власть совсем иную,

Где разметались небеса.

Росой, трава, на сердце

брызны,

Тоску нездешнюю глуша!

Но вечно пьяная от жизни,

Теряет хмель моя

Николай Астафьев:

«Между мною и тобой...»

Душа моя, бродячая собака —

Куда же ты, куда же ты, однако,

Бежишь и бесконечно

пропадаешь —

Чего ты ищешь, мучишься,

страдаешь?

Желаю вослед, не в силах

удержать —

Еще когда — то свидимся опять!

Между мною и тобой дремлет сторожевой —
кот испытывает ласку, кот рассказывает
сказку и сюжет ее простой.

Между мною и тобой замирает шар земной, —
опоясанный снегами, околдованный ветрами,
убоюанный водой.

Между мною и тобой как посланец неземной,
как космический пришелец или ласковый
маденец — наш котенок озорной.

Между мною и тобой то разгорь, то покой —
как бесленной навальенье, то пожар, то
наводнение, а то холод ледяной.

Между мною и тобой как январского грозой —
то ли неба озаренье, то ли миг проникновения,
то ли дождик проливной...

Между мною и тобой вдруг поведал весной —
словно чем — то несерьезным — свежим
воздухом морозным.

словно вешкою лесной. Между мною и тобой...

Сергей Вакомин, выступивший и как поэт, и как организатор поездки по рубцовским местам, не уставал говорить о значении творчества поэта. Равно как и Геннадий Манчук, представитель Бунинского общества, подчеркивал необходимость сохранения и изучения наследия Бунина. Кто ж спорит!

Писательская общественность на сей раз почтила зал своим присутствием: Александр Грязев, Юрий Леднев, Вячеслав Белков, Ольга Фокина, Инга Чурбанова, а кроме того — участники литобъединения «Ступени» Борис Гуляев, Анатолий Дорин, Евгений Головкин, Ольга Гаряева, Юрий Каранин, Александр Рычков, Сергей Козлов, Юрий Малоземов, Елена Волюкова, Руфь Рафалович, Валерий Архипов, Александр Алексеев, Александр Эф, Владимир Анкудинов, Марина Терехова (зав. читальным залом библиотеки им. Бабушкина), другие работники библиотеки. Настолько было многолюдно и торжественно, что стоило удивиться — неужели повод всего лишь литературный?

Вологодские поэты показали себя разными, так что слов для описания не достает, это надо было слышать. Александр Алексеев со своей пьяной тоской как нельзя к месту оказалась, ему вторил нежный голосок Оли Гаряевой, потом гремела гражданственность Юрия Каранина, разрывалась и журчала лирика Юрия Леднева, мудро и мягко всплывала песенная Ольга Фокина и совершенно потрясла страстная Инга Чурбанова.

Программа получилась, все легко летело по рельсам. Казалось — это не встреча, а фанфары для встречи, красочное ее обрамление. Ну, а сам разговор, в котором участвовала и редакция "в" состоялся намного раньше, сразу после выступления в ИТУ.

«Как петь и говорить Рубцова? — Можно ли вместо «Я забыла, что такое любовь» — «Я забыла, что такое любовь»? — Нет, так нельзя: оно посвящено Дербиной, а она была... — А если она поэт? А если поэт — та, которой вы книги дарили и стихи читали? — Убила? Да какое может быть после этого творчество? Пусть сидит и замаливает! — Судить так легко!.. Любить так легко — издали!.. Любить так трудно — вблизи!.. После того, что о нем узнаете, любить немислаимо... — Надо любить не эту грязь бытовую, а с т и х и !» Надо...

Разве можно учить — как любить! Споры слорами, а гуманитарное и просветительское значение этого визита высоко. После концерта шел обмен сувенирами, книгами, адресами. Хочется отметить книжки: «След» Алины Мальцевой, «Улицу Верности» Николая Астафьева, сборник «Дворянская лира», авторы которого — люди благородного дворянского происхождения, долгие годы лишены возможности упоминать об этом — Зоя Бобкова, Наталья Беллицкая, Игорь Доливо-Добровольский, Борис Новиков, Михаил Новиков — Новгородцев, Андрей Родосский. (Ни один из них в Вологде на этот раз не приехал.)

Петербургцы привезли с собой и свою литературную газету «Алло» — небольшую по объему, но очень добрую и демократичную. Ее тираж, судя по выходным данным, составляет 2000 экземпляров — цифра, которая для Питера определялась в результате трех лет ее выхода. Ее редактор и учредитель, большой энтузиаст своего дела и президент Общества русских литераторов Дина Макарова — Наумова охотно печатает молодых, неизвестных, но талантливых авторов. Ее адрес: 193168, Санкт-Петербург, а/я 116. Телефон (812) 589 — 43 — 61. Желающие получить газету могут обратиться по тому же адресу.

На День Поэзии в Липин Бор (200 км. от Вологды) редакцию "в" пригласила районная библиотека. Августовский сонный денек, автобус, приехавший к железным воротам, за которыми плескало Белое озеро, пыльная тропка между сосен — все это было бы нереально, если бы не настоящий каравай. В тесной дощатой библиотеке стала расспрашивать, куда ли приехала — подошла ясновидящая женщина с караваемом. Как отведывают хлеб — соль? Отщипнут и все. Отщипнула, с сожалением смотрела потом на каравай — понравился. Но уносить каравай неудобно.

Поэты уже сидели в читальном зале, и большинство из них друг о друге понятия не имели, что «вот он (она) пишет». На столе лежала солидная пачка рукописей, а вокруг на отдельных больших листах — цитаты из местных стихов. То есть День Поэзии не просто, а День Поэзии Липина Бора...

Добрые библиотекарши давно начали поиски местных талантов (в школе это называется "разработка регионального компонента"), а началось все с одной рукописи, подаренной читателем. Теперь их несколько человек, знакомых не только библиотеке, но и самое важное — друг другу. «Слушай, ты стихи пишешь? Столько лет рядом живем... — А ты думал, я только сено кидать могу?» И все в этом духе. Каждый из них теперь не одинок по меньшей мере в одном — литературе.

Поэты читали стихи, разговаривали, спрашивали, отвечали вокруг была по — прежнему нереальная обстановка чай, с пирогами, вино «Изабелла» и никакого официоза. Казалось, должно быть как на литобъединении: споры, разборы, рифмы, композиция... Но в тот момент срок долбежки, присущий литературно-шрифтовальным цехам, еще не настал, то был праздник узнавания и общения. Привычные к тяжелой работе люди вдруг перенеслись в шумящий радостный мир, просветляли души.

Почему — то дыхание липинборских сосен, особенно тосмашного воздуха отразилось в прозвучавших стихах ярче всего. И в теме природы, и просто в самом факте творчества: «До этого стихов не писала!»

А стихов оказалось так много, что речь естественно зашла о сохранении их — об издании альманаха. Смогли же осмыслить подобную задачу в Тарноге, ряд книг выпущен в Великом Устюге, не только коллективных, но и сольных.

В этом выпуске редакция лишь белго знакомит читателя с поэтами Липина Бора. Но поскольку при чтении этих строк в памяти возникают озеро, сосны и взволнованные мимолетные лица, так хочется верить, что это знакомство надоело.

Римма Медведева:

«Я красивой мест не встречала»

Остановилось время. В этот миг
Ушла любовь, не попрощавшись
И я стою, сдержавши крик,
Прощаясь с ней, убежавшей.
Бежать за ней не могу,
Не попрошу о возвращении
И ярким лянтышком в снегу
Легит убитое прощенье.
Зачем мне мертвое оно?
Зачем непрощенная милость?
Любовь в ирновне одно
Исчезла, как и появилась.

Мой единственный, мой любимый,
Может быть, я не так любила,
Может, сердце не так стучало
Иль не все обиды простило?
Может, травы не пахли медом,
Может, в Угле не чисты воды,
Иль у тополя пух не белый,
Может быть, я была несмелой?
Не вернутся к нам ночи мая...
Что случилось с судьбой — не знаю.
Видно, все же не так любила,
Если ты не со мной любимым.

Я красивой мест не встречала —
Волны плещутся у причала,
Ели, сосны несут на лапах
Самый терпкий смелый запах,
Где весна может быть такая —
Синь воды без конца и края,
Крики чаек и крыльев свист
И луна наклонилась вниз.

Звезды в озере руки моют!
Влюблена в Липин Бор, не скрою:
Ни в одном уголке планеты
Повторения такого нету...

Родина дождем встретила,
Синим туманом с реки,
Узкую тропку заветную
Скрыла от глаз колодки.
Тропка моя потаенная,
Кто теперь ходит туда,
Где за осокою темная
Плаещет на отгеле вода?
Смотрит ли тополь застенчиво,
Мокрой прижавшись щекой,
Кажется, крикну – откликнется
Голос до бои родной.
Что – то никак не привыкнется
К долгой разлуке с тобой.
Милая тихая родина,
Как все здесь дорого мне!
Видно, я крепко прикована
К милой своей стороне.

«Пропоешь ты свою голову» –
Бабка часто говорила,
А судьба как раз все поровну
В этой жизни поделаила.
Был взлеты и падения,
Боль разлуки и обман,
Но ни с кем я миг везения
Не делила пополам.
Веселилась, если весело,
Горевала, если больно,
Но звучало в сердце песнею
Углы ласковой раздолье.
Все в себя вобрала полностью,
Лишь в душе тайла зависть,
Вроде было больше горестей,
А удач и счастья малость.

Николай Кузнецов:

*Как салгуу-бадгосъ
айрбока*

Мой бор, хочу побыть я
С тобой наедине,
Чтоб ты помог события
Осмыслить в тишине.
Хороший мой приятель,
Свидетель светлых дум!
Стучит в сторонке дятла
И ровен ветра шум.
О сосны! В их обличье
Я сердцем всем влюблен –
В спокойное величие
Их бронзовых колонн,
В привычную, родную
Их северную стая,
Мой бор, к тебе сверну я
Подумать, помечтать...

Их могучие сучья жидны,
Здесь, над кручами берегов
В непогоду сумели вырасти,
Дотянуться до облаков.
Все следят за далеким парусом,
Не забудутся ни на миг,
И шумят над обрывом яростно,
Если шторм рыбаков застиг.
Ширью белою, беспредельною
Станет озеро в феврале –
Одолеют беду метельную,
Прочно встав на родной земле.
Так стоят они, скал упорнее,
Бронзой крепких стволов горя,
Держат цепко за замку корни их
Как железные якоря.

Я не ищу полегче участи
И привилегий не ищу,
И коль приходится помучаться,
Взаправду плачу и грущу.
Я за мечтою слишком розовой
Бессонной ночью не гонюсь,
И рад тому, что шум березовый
Мне дарит северная Русь.
Шагаю в зарослях смородинны,
Спускаюсь в черный лог крутой,
Успеху быстрому в уедину
Чужой не пользуюсь тропой.
Пусть ушибаюсь, даже падаю,
Но только б – жить не налегке.
Я – как ребенок солнцу – радуюсь
Удачно найденной строке.

Валентин Коновалов

Изморозью круто посолило

С годами привычки крепче,
Привязанности слабей,
Любая боля человека
Понятнее и острей.
Нас ранит обида глубже
И стала светлее грусть,
Сильнее тревожит души
Забот и волнений груз.
И больно швыряет память
В нас тысячу мелочей –
Как быстрая снежная зямля
В темную спину ночей.

Изморозью круто посолило
Огороды, дальние стога
И за ночь морозу покорила,
Встала беспокойная река.
Только наше озеро ревниво
Бережет упрямую волну
И бунтует из последней силы,
Прошумит неделю не одну.
Этот бунт воды пред неизбежным
Заставляет думать и грустить –
Мне бы так, упрямым и мятежным
До конца самим собою быть.
Стынет в ночном собою
Сосен литая медь,
Тени сбежались в круг

В окна мои глядеть.
Бьется с тенями дождь
Стучает где – то дверь.
Это не ты идешь,
Ты далеко теперь.
В письмах твоих – снега,
В письмах – целую, жди.
В письмах моих тоска,
В письмах моих дождей.
Воздух сосной пропах,
Тени исчезли в дуг.
В печке трещат дрова,
Звякнет забытый друг.
В письмах моих снега,
В письмах – целую, жди.
В письмах твоих тоска,
В письмах твоих дождей.
Я напишу тебе –
Может, решим потом –
В снег по одной тропе,
В дождь под одним зонтом.

Валентин Коновалов

Любовь Горшенева

Гори, огонь прощальной папиросы,
Напоминай о горечи разлук.
Вновь для меня болтавшие колеса
Возобновят сердечный перестук.
А ты уйдешь притихшая с перрона,
Чтоб затеряться в жизни навсегда
И только грусть ворою

душу тронет,
Да будет память ворошить года.
Дано нам в жизни много или мало,
Что было – может бьяюпропрости.
Но все уйдет как поезд с вокзала,
Как первый поцелуй, последнее

«прости».
Гори, огонь прощальной папиросы,
Напоминай о горечи разлук.
Но от того, что было ночью росной
Осталось лишь пожать милых рук.

Нина Журавлева
Я символ жизни...

Скажи, война, зачем
напоминаешь
О силе разрушительной своей?
И сына моего откуда знаешь?
Не смей лишь крови у моих
дверей.

Я родила его и пеленала
Не для того, чтоб в девяносто
первый год
Его – проклятая – ты отнимала,
Разинуя черную воронку рот.

Виктор Софанов

Нет, стиснув зубы, я не плачу.
Ведь ты не знаешь, что такое мать!
Я символ жизни – это значит
Могу тебе проклятие послать!

Выше неба, выше звезд
Сила светлая живет,
Сила, что умеет жгать
И способна счастье дать.
Только любит и растет,
В теле юном расцветет,
Вдохновляет, оживляет,
Сердце новое рождает,
Строит дюны из песка,
И проходит сквозь века,
Одолеет злые кручи,
Разгоняет темны тучи, –
Это чистый белый дух
Взвился вверх и не потух,
Человека напихал,
Против дьявола восстал.

Николай Кузнецов,
Андрей Гордеев и
Римма Медведева

Сказать, как я тебя люблю?
Как Бога по ночам всегда молю?
Рисую в памяти любимого портрет –
Его дорожке, ближе человека нет.
Моя не станет, знаю, никогда,
Но суть не в этом, это не беда.
Я буду изредка смотреть, издали –
Нахлынет буря радости, уйдет его тоска.

Любовь Горшенева
На портрете мужи красив да ладок...

И когда состариться успела
За окном кудрявая береза?
Ты с солдатскою вдовой делила слезы,
Красоты своей не пожалела.
Ах, не спит ночами та солдатка,
На портрет любуется на мужчин...
Если б знал сейчас он, как ей нужен,
Если б мог услышать и вернуться!
Если б мог... Но видно не пустила
Та война на родину солдата.
Не расскажет за окном береза,
Как погиб он на чужой стороне.
Не поверит преданное сердце
Бланку пожелавшей похоронки.
Пусть с годами меньше слез не стало
За отдавших молодость обидно,
Да от бед людских душа устала,
Только бедам и конца не видно.
Ночь дала покой уставшим за день.
В одинокое окно склонились ветви.
На портрете муж красив да ладен –
Он таким останется до смерти..

Любовь Горшенева

Вот для тебя последний вечер наступил
И будет полон он воспоминаний
О том, как юность распотнал ты в пыль,
Оставив без надежд и покаяний.
Свеча заплачет мертвою слезой
И упадет на сердце грусть немая.
И в мыслях снова «мне не повезло»,
Твердишь ты, рок судьбы не принимая.
Закружит белым саваном зима,
Рассветный сумрак за окном расстает.
Ты вспомнишь вдруг, что где — то есть Она,
Что именно Ее так не хватает...
Бокал души наполнится споана,
И будем мы — кто ласково, кто с болью
Друг друга провожать в иные времена,
Не расставаясь с вечною любовью.

Опять темнеет за окном.
Душа, устав, покоя просит,
Былое «пройденных дорог»
Меня из сущности уносит.
И не давая воли снам,
Несутся мысли чередою,
Молитва с горем попадаю,
Борьба с извечною бедою.
За что беда мне душу жгла,
Уже навряд ли кто подскажет,
Ведь жизнь, какая б ни была,
В сырую землю тайной аяжет.
Я не кузнец судьбы своей,
С твореньем Господа не спорят.
А кто был прав, кто виноват —
Пути укажет небо вскоре.
И забавит сон от всех забот,
Расстает мысли звездной пылью,
К утру, возможно, все пройдет
И «станет сказка сладкой былью».
И мне, конечно, повезет —
Когда-нибудь, не здесь, быть может.
Но только сон, сковавший мозг,
Мне беды пережить поможет.

Елена Савинова

Так в морозец легкий сладко целовать...

Затерялись звезды в предрассветной мгле,
Ночь снежинкой поздней тает на стекле.
И фантиха — осень в золотом платке
Стынет за окошком в зябком ветерке.
Только мне не холодно, сердцу горячо.
Покидать не хочется теплое плечо.
Как пора с рябины гроздь обрывать,
Так в морозец легкий сладко целовать...

Твоей щеки коснусь дыханьем,
Губами отниму покой...
Как я исполнилась желаньем
Побить наедине с тобой!
И снова в вальсе закружиться
Знакомых терпко — сладких чувств,
И от реальности забыться
В дурмане маленьких безумств.
Позволь мне стать самой собою,
Казнить и миловать любя,
И до утра владеть тобою,
Из чаши страсти пригубя.

Пытай меня своей любовью,
Моею болью поиграй,
Я рада испытать с тобою
Одновременно ад и рай...

Я ненавижу яд
Бокалом пью до дна
И черных мыслей ад
Пьянит сильнее вина.
О, ниже не упасть
В тот ревности угар,
О, только б отплатить
Ударом за удар!
О, только б отомстить
На много лет вперед!
Неважно, чем платить
И чей потом черед...
Взорвать и раскидать,
Гвоздями гроб забить,
Чтоб больше не страдать
Не помнить, не любить...
Душа теперь пуста
И мщением пьяна
А что хотят уста —
Уж не моя вина...

В бездонность водной глубины
Гляжусь как в зеркало вины.
Как омут холодна она,
И так же не увидишь дна...
Та глубина страшит меня.
А холод жжет сильнее огня.
Ожог сердечку не снести.
Могу глаза лишь отвести.

Жизнь прошла так нелепо,
Без взаимной любви
И отцвевшее лето
Не ищи, не зови.
Я в тумане забвенья
Затеряться не прочь.
Только нет мне спасенья
От тоски в эту ночь.
Осень тихо стучится
Веткой с желтым листом,
Сладким сном не забыться
Ни сейчас, ни потом.
Мысли кружат как птицы...
Чтоб начать перелет,
Я листаю страницы,
Мну судьбы переплет.
Что играло, что пело,
Что болело и жгло...
Мое счастье сторело,
Мое горе ушло.
Радость знала когда-то.
Может, очень давно.
Мне в ночном кинозале
Память крутит кино.
И заплакала осень,
Прижимаясь к стеклу,
Видно, тоже скучает
По мужскому теплу.
Нерастроченной лаской
Льются нынче дожди...
Жизнь могла бы быть сказкой,
Но не будет, не жди...

Спихватилась Осень, что не догадала,
До поры, до времени радость растеряла.
Вспокоилась Осень, что не долюбила,
Что — то пропустила, что — то позабыла.
А глаза у Осени чисты и ясны,
Губы молодые ягодой красны,
Щеки соком спелых яблок налиты,
Волосы ветрами в кудри завиты.
Улыбнулась солнышком, тучи разогнав,
И рукой взмахнула, тучи распугав,
Распустила ярче красной меди косы,
На вуаль туманов нанизала росы,
Из ларца заветного вынула наряд —
На парче и золоте яхонты горят.
Головой тряхнула — «Будь теперь,
что будет!»

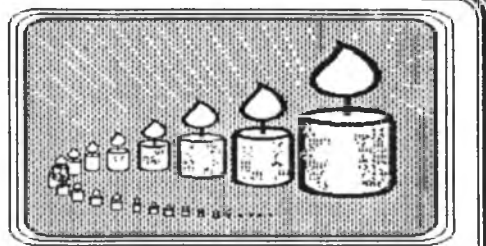
Полюбю парнишку так, что все
забудет!"

На Покров однажды выпадет неделя —
Для пригожей девки сладкая постеля,
Выпадет неделя — что денек, что ночка:
Пожелай любого — сына или дочку!
Ах, не зря полями красла шепоточек —
Оказался парень Стылый Ветерочек,
Наигрался вдоволь яркими кудрями
Улетел навеки в страны за морями.
И осталась Осень долю бабью мыкать,
Дождиками плакать, журавлями клякать.
Холод поселился в сини глаз — озер,
Потускнел наряда золотой узор.
Ах, куда уходит лучшее на свете?
Дочка лишь напомнит ей о бабьем лете.
И остановившись с ней наедине
Молвит — «Нагуляйся, девка, по весне...»

О, мой любимый, я в огне,
И он не гаснет, он лучится...
И надо ж было так случиться,
Что на двоих дано — во мне.

Не ночь сегодня — планетарий!
И я, возможно, в первый раз
Расту, цвету и даже старею
Под миллиардом звездных глаз.
Но чувствую себя свободно
И выше всякой суеты,
И бездны не боюсь холодной,
И жажду звездной высоты!
Какой огонь, какая сила —
В моей крови — какая власть?
Поверьте, раньше я бесилась,
Что не такую родилась.
А я, наверное, похожа
На всех своих земных подруг,
Быть может, чуть потоньше кожа
И крылья плещут вместо рук.
И чаще думаю о Боге,
О том, что будет после нас...
Я верю в правильность дороги
И жаду — наступит звездный час.
Наступит он — колья загорится
На небе новая звезда,
Коль угораздило родиться
Поэтом раз и навсегда.

ВЫПУСКИ ВСЕГДА
МОЖНО КУПИТЬ
в центральной городской
библиотеке

160026 , Вологда, ул Панкратова, 75

БЕЗДОМНЫЙ ПОЭТ ПРОЕЗДОМ В "СЕВЕРНЫХ АФИНАХ" ПОБЫВАЛ В ГОСТЯХ У О.

"Где шляпу положу, там и дом мой..." — Пол Янг

(американский певец и композитор)

СЕРГЕЙ КРИНИЦЫН (Санкт-Петербург)

Автор о себе.

Мне двадцать восемь лет, последние десять постоянно езжу — три года в Петрозаводске, два в Минске, пять в Санкт-Петербурге, вот теперь в Вологде (проездом). Я человек бездомный и в то же время в любом месте, где есть крыша над головой, я как дома. В стихах исхожу из места, где нахожусь, и в то же время из музыки. Прожив в одном месте полгода, чувствую, как меня выталкивает в какое-то новое пространство и в дороге уже начинают пробиваться новые стихи. Вообще подход к стихам у меня музыкальный, я их больше воспринимаю как звучащие, чем как написанные. По форме они довольно классического типа, их новизна не в форме. Стремлюсь к искренности, хотя глая искренность тоже не самоцель. В стихах важно единство — и музыкальность, и новизна, и искренность. К новой форме толкает страх быть банальным. Не нужно банальности бояться, нужно стараться, чтобы внутри шла работа, и тогда само слово потребует новой формы, подкажет ее.

Стихи пишу с шестнадцати лет, но те, которые сам считаю стихами — с 1987 года. Пытался их публиковать, подборки отклонялись. В «Литературной Костроме» взяли одно стихотворение, потому что там было слово «Кострома»... Не то, чтобы я избегаю публикации. Скорее они меня избегают... Человеку так нужны доказательства, что он сказал важное для кого-то. А для этого приходится быть услышанным или прочитанным. Иначе ощущаешь себя в пустоте.

В заброшенном доме — четыре пустых этажа.
Напротив — собор. На соборе часы без кукушки.
И прежде чем двинуться, стрелки подолгу

дрожат,
И пыль осыпается вниз, на турецкие пушки —
Свидетельство нашей победы столетью тому...
Но пушки стреляют и пыль долетает до крыши.
Я просто зашел по нужде, но остался в доме
И стал подниматься по рухнувшей лестнице

выше —
И там, у окна, в серебристом дерьме голубей,
В тиши разложившихся комнат негромко
ступая,

Увидел я очи пустые Отчизны моей —
Сквозь них, испугавшись, неслась голубиная
стая.

Двенадцать. Прохожий, помедлив, часы достает,
Сверяет, вжимается ухом — дурная привычка —
И видит, как стая — тик-так — продолжает

полет
И с криком «ку-ку» вылетает нелепая птичка.

Я по задворкам павшего дворца
Скитаюсь с мусором и ветром,
И лишь табличка «требуется дворник»
Напоминает мне о запустении,
Исчезновеньи тех и этих,
И взгляд невольно застывает
На рожухах отбросы детей,
Играющих лимонной коркой,
Покуда день и мусор светел.

У нас не холодно, а пусто. Не печально,
А бестревожно. Зажигая свет,
Твое подобье в зеркале овальном
Косится на продавленный паркет
И, в кресло опадая, засыпает
Под равномерное мяуканье кота,
И сон в его глазницы засыпает
Пшено и прозу. Голова пуста,
Но тихо наполняется словами
И жестами, осевшими в глазах,
И лампочка, висящая над нами,
Опутана ослепшими жуками,
Как знаками, летящими впотьмах
Навстречу смерти. Мутное спросонок,
Твое подобье тянется к перу.
(А кот кричит как раненый ребенок.)
На кресле пыль. И голос Музы тонок
И боязлив. Но весь я не умру.

Мой друг живет не то, чтоб в нищете —
На завтрак чай, на ужин сигарета.
Он просто плохо видит в темноте
И в комнате отсутствуют предметы
Не потому, что не на что, а так —
Во избежание синяков и шишек...
И от окна не то, чтобы сквозняк,
И в дождь не то, чтоб протекала крыша,
А просто ветер, холодно, вода...
И друг, набросив на нос одеяло,
Не то, чтобы отъехал навсегда,
Но не открыл мне утром для начала.

Зимняя одиссея

«На излете сюжета герой, отмывающий
грим...»
В. Хованов

1
На роль Пенелопы назначена старая Парка.
Ткань подходит к очередному концу —
И даже зимой становится душно и жарко,
И жалкое выражение сползает вниз по лицу.
Елена права: не за ней мне плыть — за собою.
Нырнув, замечаешь: дышишь не ты, а река
В грудь заползает глыбой голубой.
Жив: распускает, скользя, Пенелопы (Парки)

рука
Пеструю рвань — и я по морям, по лужам
Шествую вдоль по улице, как игла
На носу корабля того достославного мужа,
Чья траектория вытягивалась, как могла.

2
«...Отмывающий грим,
Опускающий руки по швам,
Я собою травим,
Я ищу оправданья словам.
Мне не спится, хрипится,
Ворочается на боку.
Я случайная спица,
Воткнутая в эту строку...»

3
Если слово значит не больше, чем слово — ты,
Приготовив бритву — раздумав — берешь листы,
Рассекаешь стальным веслом бумажную гладь
И несешься вдоль строк, но теперь уже не
догнать,
Не понять. Перерезать стон? — Догадайся сам
Передумай вновь, — проведи по усам, по бровям
Уплывай, умывай свои руки, лицо скребя.
И — три раза «люблю». Я люблю. Я люблю тебя.

4
Уползает в нору трамвай. Шелестит торговая
точка.

В утреннем небе рассыпана звезд икра.
Даже обрывок нити прозы: застывшая строчкой
На горле, выдавив замысловатое «кра».
Снег превратился в дождь и старая Пенелопа,
Мокрую тряпку сложив, смотрит в твое окно.
Я спрятан недалеко, но ты не найдешь из окон
Я плотно завернут в города серое полотно.

5
Я внимаю себе, тебе, никому, потолку, луне.
Ныряю в туман твоих слов, говорящих мне.
Справа бумага, слева
Седце дрожит как нить (как тать).
В белом халате Ева —
Не со мной тебе говорить (трепетать),
Не меня заметить, задумчиво надкусив
Золотую нитку (заката). Перехожу на курсив:

6
Ты красива, но тонешь в моем (не аду!) мезу,
Опускаешься ниже, — туда, где любимых жгут,
В эту вечную топку-печку (пока пытитшь!),
Где, пожалуй, ты не страшней, чем любой
фетиш.

Не страшнее и не бессмертней прочих Марусь.
(Это крик отчаянья. Я не люблю. Я боюсь.)

7
Полночь. Среда. Четверг. Наваждение: фонарь,
аптека.

На посошок — бессмысленный тусклый сон.
Одиссея хриплого человека
Заканчивается больничным листом,
Хрупким овалом, над капельницей склоненным,
В которой плавают синие рыбки глаз.
Полночь. Рука. Игла. И желтый блин законный
Липнет к стеклу, не пугаясь латинских фраз.

Андрей Широглазов
(Череповец)
"На краю земли"

НЕ ОЧАРОВАННОСТЬ, А РАЗОЧАРОВАНИЕ

Выступление Андрея Широглазова в библиотеке им. Бабушкина произвело такое прекрасное впечатление, что захотелось почитать его стихи внимательно. На слух показалось талантливо, легко, даже как будто пушкинский дух витал... Так получилось, — пометки по поводу его стихотворного сборника «На краю земли» — я случайно сделала на обратной стороне листка с текстом известной песни «Что так сердце, что так сердце растревожено». Простая такая песня, немного подзабытая, но снова вспомненная и — дабы опять не забылась! — зафиксированная мной недавно. И вот им пришлось соседствовать, этим строчкам:

«Что так сердце, что так сердце
растревожено!
Словно ветром тронуло струну:
О любви немало песен сложено,
Я спою, я вам спою еще одну...» и —
«Череповец увяло шло с планеты
вместе по орбите,
И чуть покачивался дом, в котором
я лепил стихи

Из пластикана суеты, из глины местных
обшежитий

Из равнодушия друзей и разной прочей чепухи.»

«Все преграды и могу пройти без робости,
В спор вступлю с невзгодой любой,
Укажи мне только лишь на глобусе
Место верного свидания с тобой...» и —
«...А между тем хотелось спать, и три минуты вдохновенья
Сменились часом немоты. И ускользящий сюжет
Повис на стрелке часовой вблизи четвертого деления
И вполз в мое уединенье невдохновляющий рассвет.»

«Невдохновляющий рассвет», «сугубо вологодские дужи», «пустой череповецкий трамвай», убегающий от автора, «вологодские погоды» — «мокрая листва на холсте июньских непогод». В то время как «в Париже сухо и тепло, цветут каштаны в Сен-Дени»... И даже снег, кружащий «по Череповцу, а не по Братску» — и тот виноват, потому что автор — сибиряк, обреченный жить на Вологодчине. Быть по нынешним временам недовольным — это самое то! И напрасно автор сетует, что он плещет «как-то не так-то». Он нравится и непременно будет нравиться расслабленным и разочарованным слушателям, которых сейчас большинство. «Я знаю, что мне не удастся найти тихую свою Русь», «...с любовью не повезло...», «моя карта бита», «продавал ... преподавал за деньги литературу и язык непроходимым лоботрясам...», «...а школяры глядели вдаль и думали о мести: рубили плахи, жгли костры, точили топоры», «мой отъезд — если хочешь, мечь, дор-р-рогой ты мой человек»...

Можно цитировать и цитировать авторские неудовольствия Широглазова, выражаемые часто мастерски и явно в духе времени: слегка иронично, слегка цинично, в меру цивилизованно, к месту остроумно. Слегка под Пушкина, слегка под Рубцова, чаще под Высоцкого, а в общем весьма и весьма расторопно. Ведь нынче пик моды — не очарованность, а разочарование, не приверженность к чему-то, а неприкаянность. И этот знакомый идол богемы: ночные — непременно! — бдения, дымящие сигареты, пустые стаканы, нелюбимые женщины... Наверно, в этом что-то есть. По крайней мере, до поры, до времени. Но лично для себя я не нашла у Широглазова спасительной крыши от дождя, снега и тоски. Мне куда теплее с этим:

«Все преграды я пройду дорогой смелой,
Поднимусь на крыльях и снегу
И отныне все, что я ни сделаю,
Светлым именем твоим и назову.»

Несмотря на стужаемую Широглазовым безысходность, перспективы у него есть и он, наверно, их знает:

«Хочу туда: где моют под дождем родные камни...» и —
«Постучал — и мне открыли,
Мне открыли — я вошел,
Я вошел — и в этом мире
Сразу стало хорошо.»

Только вот — захочет ли постучать?

Ольга Фокина

ОТ "НИЗКОГО" К "ВЫСОКОМУ"

Книга стихов Андрея Широглазова начинается с озорства и вольностей на рубцовскую тему. Их многие поют и кое-кто от этого злится (кто любит делать из Рубцова памятник). А что тут плохого? Ирония всегда была защитой от лести и чванства.

У Андрея Широглазова это не единственная реминисценция литературного плана, он филолог и оперирует известными именами писателей не для звона, а чтобы очертить область обитания. На дороге имена сердце резонирует моментально, поэтому хорошо понимаешь человека, который связал с этим жизнь, а его, скажем, осмеяли. Так что среда обитания у нас с ним одна.

Книгу держат два кита — «высокая» литература и «низкий» быт, в котором живет каждый из нас. И который, кстати, описан блестяще мрачно и смешно!

Такой контраст должен бы сработать как аннигиляция, но этого не происходит. Лирический герой Широглазова действительно ныряет из волны тоски в волну отчаяния (тема отца), ищет в жизни того, что описано в книгах (филологический цикл), воспаряет и разочаровывается, пьет и влюбляется что есть духу. И нигде он не переживает, не становится в позу, не ноет. Он честен прежде всего, но при этом не сдаётся, шутит сквозь слезы. Поэтому и возникает тот самый мостик, соединяющий «высокое» и «низкое», и подсказывает, как из «низкого» получается «высокое», то есть «из какого сора растут стихи не ведая стыда».

На краю земли был, с головой в литературе — сунулся обратно на грешную землю. На краю земли жил, в Сибири — приехал в середину материка. Тряхнуло порядочно. Так ведь сибиряк.

Широглазова любят. Не потому, что модно быть разочарованным. А потому, что он угадал нечто близкое многим. Потому что варится с нами в одной каше, а смотрит на это с улыбкой. Иначе с ума сойдешь.

Владимир Кунов
(Вологда)
"Отчий край"

ПЕЧАЛЬЮ ПОЛОН

Владимира Кунова знают как пытливого краеведа: его заметки о литературе прошлых лет не раз появлялись в периодике, а недавно в Вологде вышли две брошюры Кунова – «Поэты – символисты на Вологодчине» и «Бунин на Севере». На сей раз вышла книжка его стихов. Печалью полон небольшой сборник. В каждом стихотворении слышен плач по умирающей деревне, неважно, где она находится – под Липецком, откуда автор родом, или под Вологодой, где он теперь живет. Кажется, нет выхода из народной трагедии и некоторые читатели могли бы упрекнуть поэта за столь минорный настрой. Я не буду этого делать. Настрой тем и хорош, что не дает быть беспечными в эти дни.

Далеко не все равноценно в сборничке. Вот, например, как сочно рисуется сельское утро: «У села свои законы, Ходит трактор у межи, А у бабушки Матрены Вышло тесто из дежи.» Но попадаются рядом с находками не менее явные неудачи. Как бледны, бесцветно – беспомощны строки из финального стихотворения: «А потом мы пошли по заборкам. Старичок – на Бутырки перстом... Приближались мы к вашему Озеркам, а Бутырки выдвинулись кустом.»

Вот такие контрасты. Кажется, не мог один и тот же автор написать и первое, и второе четверостишие. Перечень огрехов можно продолжить: не всегда правильно ударение в словах, не всегда точны эпитеты... Однако все они стираются некросовским «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Да, читая «Отчий край», я могу сказать, что имею дело с гражданином. А как же быть с остальным? Если учесть, что это первая проба сил в стихотворстве, то становится очевидно – остальное приложится.

Юрий Леднев

Василий Мишенев
(Никольск)
ЛИРИКА

ПРОИЗНАЕТ

«Опускаюсь на колени – Шумно дышат за спиной Все в лохмотьях белой пены, Кони, загнанные мной». В каком душевном порыве написано это! Сколько страсти вложено в живую картину, в остановившееся, замершее, и горькое. и сладкое мгновение! Если бы поэт не сказал более ни строки, ни словечка, все равно бы только по единственной строфе можно было понять святость момента, который описан, догадаться, что здесь заключена истинная поэзия.

Василий Мишенев, чье имя на обложке – не новичок в поэзии, вологжане не раз встречали его стихи в газетах и коллективных сборниках. Уверен, что немногие остались при этом равнодушными, ведь мишеневские строки несут в себе высокое напряжение мысли и чувства. Уж чего, казалось бы, проще – снег. У кого только нет, начиная с Александра Сергеевича, взволнованных оборотов по этому поводу! А вот Мишенев находит свое, неожиданное. Да, и у него «снежинки летят с высоты» (не наоборот же), и у него ложатся на плечи, и «причудаивый сон» не очень-то удивляет... Но вот это: «Послушайте, падает снег. А где же на улице дети?» Это произает. Ведь деревня – то пуста и некому радоваться снежному чуду. Да, все та же грусть по гибнущей деревне, но как не в лоб это сказано. С каким подтекстом, с какой тайной надеждой! А вдруг выбегут, затеют игру в снежки, заполнят тишину звонким смехом... Когда поэзия вызывает такие ассоциации, это дорогого стоит.

А мне вспомнилась давняя встреча с Васей Мишеневым. Было это то ли в Вологде, то ли в Никольске, на Яшинском празднике. Место забылось, а тема запомнилась – о поэтическом мастерстве, о заключительных строчках в стихотворении. Помнится, у начинающего поэта не все ладилось с концовками. Зато как свободно он расправляется с ними теперь! Теперь иная концовка у Мишенева выглядит как ладный фундамент, на который опирается все стихотворение: «И рада мама – глаза спокойны Каку святого с ее иконы». Иной стихотворный конец как взрыв на бикфордовом шнура:

«Ляшь березы по краю мелькнут, Полоснут по душе белизной!» Иной похож на отчаянный зов: «А может быть, вы, может, вы постучитесь ко мне, Придете спасти человека в ночной польне?»

Радостно видеть, как собрат по перу овладевает тайнами сочинительства. Исполать ему на этом пути. Стократ радостно исповедальное признание поэта «сердце вдруг заговорит». Голос сердца, звучащий в лирике Мишенева.

Юрий Леднев

КАК РОМАНС

Не лишеному поэтического слуха читателю уже знакомо, вероятно, имя **Лидии Мокиевской** из Кадникова. Ее стихи печатались в районной и областной периодике. И вот первая книжка – «Заколдованный снег». Искренность чувств и завидный поэтический темперамент позволяют поэтессе найти главные краски и звуки, коими переполнена ее восторженная душа.

«Обычных слов не хочется порой,
привычных, надевших, равнодушных,
построенных в спокойный мерный строй,
рассудку и желанию послушных.»

Переменчивость погоды, смена настроений и чувств улавливаются этой душой быстро и естественно, переходя тут же в яркую эмоциональную картину.

"Предвестники дождя, а может снега,
бывают дни – как солнечный рассвет,
бывают дни – чернее грозной тучи,
но все они безудержно летучи,
к тому, что было, возвращенья нет.»

так высоко белеют облака,
что кажется, бездонным стало небо,
а синь его темна и глубока.»

«Бывают дни – как солнечный рассвет,
бывают дни – чернее грозной тучи,
но все они безудержно летучи,
к тому, что было, возвращенья нет.»

Но природа не просто камертон у Мокиевской, она втягивает человека в себя и меняет. Так, «осень прощает все ошибки», а зима обнимает и заколдовывает снегом, легшим на плечи. Прошел снег и мир преобразился, и лирическая героиня переживает это как чудо.

За доверчивыми и бесхитростными строками встает чистый образ терпения и надежды. Нет, не чувствуется унизительного заискивания перед несовершенствами жизни, о которых так много говорят кругом. Есть любовь, привязанность к тихому городку, где живет героиня, к людям, которые рядом. Ради них и собраны в книгу простые, прозительные строки Мокиевской.

«Ах, снег, как будто заколдованный –
Огромный, белый... Снегопад!
Мне говорить с тобой рискованно –
А вдруг да что – то невпопад?»

«Доверчивы ли вы? А я доверчива
К словам и встречам, радости, печали,
Но черным дни мои отмечены,
Где мне на правду ложью отвечали...
Забывчивы ли вы? А я забывчива,
Я забываю боль, обиды бремя
И верю вновь, тоску из сердца вычеркнув,
Что лучший лекарь всем напастям время...»
Можно только сожалеть, что тираж книжки, выпущенной частным издательством «Евстолий», всего 30 экземпляров

Сергей Вакомин (Савкт – Петербург)

Юрий Максим (Устюжна)ЖУРАВЛИ

«НИШИТЕ ПИСЬМА О ЛЮБВИ»

Попытка сказать свое слово в литературе обходится сейчас дорого. Но все же Максим сделал долгожданную, выстраданную книгу стихов, и событие это касается не только его одного, поскольку отразилось в нем как в зеркале многие характерные черты вологодской нынешней поэзии.

То же заглавие книги – оно отсылает читателя не только к Яшину, Рубцову, Гамзатову, но и вообще в необъятные дали, откуда журавли стаями полетели по фильмам, концертам и книгам. Стоит ли говорить, как блекнут гордые птицы от столь частого употребления? Но заглавие еще не вся книга.

Самая же книга содержит много поводов для раздумий. Самое большое произведение – поэма «Затмение души», в которой главный герой внезапно затмился и стал куда попало падать из ружья. Тема затмения и вправду нужная, больная. А язык грешит эклектикой, смешением приподнятой лирики и политического анекдота. Вещь заметно пострадала от валиции таких слов, как «раздрай», «всосавший кровь Антимазая». Не будь этих досадных сбоев, она читалась бы более целостно. Речевые банальности встречаются во многих стихах, скажем – «разрушает душу алкоголь». Вообще неремывание газетных тем, причитанье «ох, глубинка России», обломки наводного социума – это воспитанная годами «привычка» к граж – данской теме. Но раньше это было обязательно, а теперь какая нужда? Вкус подчас изменяет автору: на стр. 21 сборника рядом с «Северной Розой» присутствуют целых три «кобеля». По смыслу понятия несопоставимы и «передозировка»

полная...

Главная сила Максина в другом, лирическом пласте его стихов. Он мастер краткости и умеет говорить самое главное на свете — негромко, но так, чтоб оно не забывалось.

*«Так вот оно, начало из начал» —
мой дух, не разобравшись, возонил
Но белый ангел сверху пригрозил,
Чтоб я на слово зря не клеветал.
Вначале было слово, слово было Бог.
Земля была безвидна и пуста.
О Господи, и кто б подумать мог,
Что здесь распнут невинного Христа».*

Любовные признания написаны светло и страстно, что сближает их с молитвой. Незамутненность сердца, в котором есть вера, освещает лирику Максина вышним мерцанием.

*«Расплескавшись с Божией руки,
дождь стекло разрисовал слезами.
Полными любви и тоски
Смотришь драгоценными глазами.
Рвет сентябрь остатки теплых дней,
сыплет их листвою у порога.
Клин последний серых журавлей
собрался в неблизкую дорогу.
Позовет душа за небеса.
Долго ль буду в мире оставаться?
За стеклом в искусственных слезах
ты, родная станешь улыбаться».*

Юрий Максин — настоящий певец белого образа: неотделимы от его стихов и белый плач, и белая черемуха, и белый ангел, и белая фата, и белая твердь, и белая крылья...

Лирика Максина содержит в себе множество откровений. Поэтому хочется послать автору благодарность, а также пожелание в виде его же слов — «пишите письма о любви»...

*«...Обугненный чужим огнем бумажный ворох
родит в покинутой душе ответный шорох.
Пусть облетит твоя душа, спеца, полсвета.
Пишите письма о любви, не ждя ответа.
Сквозь голые стволы зимой — свет из оконца.
Пишите письма о любви. Она вернется».*

Ольга Гурлик

Из книги А.Эфа

Александр Эф (Вологда)
ГОРАЗДО ВЫШЕ СКОРОСТИ ТЕНИ

Виктор Плотников
(Вологда)
КОГДА МЫ БУДЕМ ВМЕСТЕ

СМУЩЕНИЕ ДИЛЕТАНТА

Глубокое смущение овладевает читателем этой книги. Таинственные графические рисунки. Неровно набранные страницы, буквы то сбиваются в тучу, то разлетаются как от ветра. Неизвестный жанр: по виду проза, по содержанию стихи. На титуле пометка «супер-сонет». О чем? Да обо всем! О любви и смерти, о мучениях и наслаждениях, о границах и безграничной свободе. Про кого? Вначале одни герои, в конце другие, и души одних переходят в тела других. Кто кого любит? Все слишком зыбко, все сплошь цветной туман и звуковой хаос. Читатель в ужасе. Он привык к тому, чтобы сюжет держал его за шиворот, чтобы к героям привыкнуть и тоже держать их на мушке — кто с кем? Здесь номер не проходит. Читатель попадает в гигантский дом Ганувера и может плутать там до бесконечности. А может выйти и пойти по своим делам. Но все еще не веря себе — оглянуться и вернуться.

Книжку Эфа можно читать с любого места. И ругаться: ну что это такое, что за мешанина? Чувства, чувства, декаданс полный. И никакой связи. Где связь событий? А связь есть, только может, не структурная (завязка, развитие, кульминация, развязка — возьми, удавись). А например, ассоциативная. Возможно, на первых же страницах на читателя пахнуло чем-то знакомым.

Да, отчасти это попытка вернуть утраченное время, из всей мешанины жизни выбрать только самое ценное — любовь. Но это далеко от Пруста. Потому что нет того анализа, а скорее и инструмента анализа, и прежде всего нет желания анализировать. Автор просто хочет потока любви. Он говорит — вот она, берите. Если хотите, любите со мной, это увлекательное занятие, полетели? Быстрее тени летит навстречу беззащитная авторская душа, зовет полетать в громадах мироздания. Помните, как летала Алиса в стране чудес у Керрлла? Кстати, и героиня Эфа зовется Элиза-Лиза-Алиса. Какими бы ни были пространственные перемещения героя, к кому бы ни обращались перепалки, диалоги и монологи, центр все

ЗНАЧИТ — НИКОГДА

У меня возникло много вопросов по поводу Вашей книги «Когда мы будем вместе».

К чему сводится главный смысл, заключенный в заголовке? Ладно бы еще надежда или намек на нее. Но здесь, не теперь, где-то там далеко, где кончится разлука...

Может, речь идет о будущем? Но ни в одном рассказе будущего нет. В каждом насыпан холм и поставлен могильный крест. Как крест на всей этой жизни, на ее беде и бессмыслице. Значит, вместе т а м — это уже не в жизни, а в смерти. Стало быть, вы зовете на кладбище? Или — если речь идет о душах — в те места, о которых не вправе рассуждать простые смертные.

Поговорим лучше о героях ваших рассказов. Мальчику Женьке (из одноименного рассказа) лучше всего играетя и дышит на кладбище. Там он свободен, там он тоскует и выдуманной им дочке помещика Ляне. За это и любит он кладбище — за возможность мечтать, за сладкую земляничную отраву воображения. Если кто родом из детства, то Женька родом с погоста. Оттого ему хорошо с Ляной, а не с живой глупой Наташей, его тянет к цыганам, прочь от матери, от горькой безотцовщины.

С кем будет вместе он? Не с отцом, которого вообще нет. Не с Ляной, не с цыганами. Со своей мятежной душой — может быть...

И когда это «вместе» наступит? Когда одряхлевший Федор («Проводы») соединится наконец с бедной Валюшкой, уплывшей в утробу крематория? Когда овдовевшая Татьяна («Одиночество») встретит своего мужика? Но ведь его не вернуть, а любой новый опять будет плох и не нужен. Значит, никогда.

Обо всех этих «где» и «когда» мне приходится мучительно думать, а герои — они не в силах, Виктор Александрович, они умирают от немой звериной тоски, кем бы ни были, что бы ни делали. Каждый из них

закинут в такую беспросветную жизнь, от которой прощай в могилу. Лишь Ветрова («Возвращение») ощущает, что ее лучшая жизнь осталась в деревне, да и то она твердо знает, что туда не вернется.

Ольга Фокина защищала вас, вашу тему, подтверждая глубокую традиционность ее для русского писателя. Да, человеку надо помнить о смерти, предчувствие конца обостряет наслаждение жизнью, повышает совесть. Все так.

У режиссера Герасимова – «нельзя всю жизнь прожить у озера». А разве можно всю жизнь прожить на кладбище?

Вы кладбищенский писатель России. Ее плакальщик. Для меня необъяснимо то, что просвечивает у вас в «Когда мы будем вместе» и у Цыганова в «Пока я с вами». Вы не хотите замечать явной речевой бедности, помазанности одним и тем же элеем. Причастность заслоняет все. Знакомость траура, плача по народу, который вы так истово хороните – не рано ли? Может, он еще живой?

Ведь проклятый и убитый, загнанный в адскую яму, тот же народ у Астафьева – он все равно живой. Даже обреченный, даже когда читатель знает о близкой смерти героев. У вас – мертвы заживо.

А вот там, где эта знакомость и символика могли бы стать ориентиром – там отсутствуют! Душераздирающие ваши истории принакрыты такими скромными шапками, серыми, похожими до убогости, что уж лучше бы вовсе быть непокрытыми. Меня тянуло перекрестить все рассказы по своему: «Женьку» – в «Ягоды с погосты», «Дом для сирот» – в «Прощай, Матерь Анна», «Встречу» – в «Любовь на костылях», «Проводы» – в «Догореть порознь», «Возвращение» – в «На стук дятла», «Одиночество» – в «Холод чистого пола», «Разлад» – в «Правдоискателя», «Ваньку» – в «Крик»... Но о «Ваньке» скажу отдельно.

Предметный мир потрясающе выражает человека и суть события. В рассказах это уже заложено, осталось бы только укрупнить, выделить – оно бы так запомнилось! А то у вас что? Ванька – Женька, Встреча – Проводы, Возвращение – Одиночество, все крутом одно и то же, нельзя и догадаться, о чем пойдет речь. Почему же не помочь читателю, чтоб он свободно и мирно вошел в дом вашей книги, да не стукнулся о косяки, не шарялся впотьмах в коридоре, а прямо пошел и нашел то, что ему надо!

В вашей книге все рассказы независимы, однако можно угадать некую временную ось, объединяющую разных, казалось бы, героев. Едва расставшись в «Доме для сирот» с бедолагой Сашенькой, я обнаруживаю буквально ее продолжение во «Встрече»: начини ходить Сашенька, пожалей ее судьба – могла бы вот так же налететь на любовь и умереть. Женька – тот, пожалуй, вырос бы в Садовникова, только такой мечтатель и способен полюбить калеку. Ведь богатство хромой возлюбленной – не для всех. А дальше тот же Женька Садовников станет упрямым в «Разладе» либо как Соснин сойдет с ума в «Ваньке», ведь для него правда – отравы.

Еще знакомая черта – у вас в жизни хворых больше смысла и доброты, чем у здоровых. Потому – то калека во «Встрече» и блаженная Марфа в «Возвращении» сильнее запоминаются, чем оператор Ветрова или вдова Татьяна... Физическое нездоровье – та ступень, которая дает рост душе. А чем человек здоровей, чем бестолковей и беспечней.

Я слышу за этим размышление нешуточное и тревогу за человеческую судьбу, которая выходит из горя и уходит в горе.

Виктор Александрович, тема дебилов, задетая вами в рассказе «Ванька», слышном знакомом по рассказу Олега Ларионова «Белый лист». И поначалу эта вторичность подействовала на меня удручающе. Но в конце концов, авторское право на свою личную версию неотъемлемо, и вы воспользовались им талантливо.

Слабоумные доярки на ферме, целый отряд уродов вдруг оказывается не случайным эпизодом, а фотографией целого века. Заезжая поферня таскает их по кустам, насиует убогих и те покорно рожают потом неизвестно кого – удобный материал для последующего наспания. Получается, что процесс бесконечен! Это не поймут они, бедные, сдаиваясь прямо во фляги с молоком, но это должны понять те, которые это молоко жадно хлеблют. И это понимает герой рассказа, который вернувшись из «идиллической» деревенской поездки, орет в ночное окно. В нем тоже что – то убито, как убит в Афгане сын деревенского полуумного...

Честность и неторопливость пересказа, скрупулезность деталей – все это как – то противоречит излагаемым фактам. Ждешь другой температуры рассказа, ждешь подспудно чисто человеческой оценки происходящего... Но у мученичества своя эстетика. Может быть, тут и вправду не нужна никакая специальная эстетика? Как у Шаламова, который писал угрюмые беспощадные хроники, лишённые всякого комментария. Может, и у вас своего рода хроники, хотя бы и кладбищенские.

Галина Щеккина

«Русские Скарлетт»

Героини современной писательницы Татьяны Тайгановой живут в узнаваемом мрачном аду, живут на последней черте, из последних сил. Читатель невольно содрогнется от концентрации зла – будь то голод, непонимание, одиночество, отравленная вода или ржавый террикон вместо леса. Экология человеческих жилищ напрямую связана с осатанением самих людей. Так в повести «Желтое сафари для красного льва» окружающий мир превращается в колоссальную помойку, летящую мимо окон. В романе «Предел» мальчик играет в лабиринтах железобетона, озеро состоит из кислоты, а мать чурается мальчика, так что он обречен. Как можно выжить, если выжить нельзя?

В новой книге рассказов Тайгановой «Любить птеродактиля» жизнь не легче: как правило, холодно, голодно, нет воды, нечем дышать, близкие люди издеваются... В рассказе «Не плачь о нас, господи» старик страдает не от старости, от ненависти, никто из героев не слышит друг друга, их даже оплакать некому. В рассказе «Шаг на другую сторону» Агашка пытается уехать в другое измерение, где нет Бомбы. Но никто из них не умирает, все сопротивляется. Все они выживают и дают выжить другим. У Шурки Розенфельд из рассказа «Пока храм спит» нет ни денег, ни мужа, зато есть куча собак и детей и всех она пожалейт и накормит.

Когда нет спасения, тайгановские героини находят его в себе. В рассказе «Придет понедельник» невеста откуда берутся силы после наглости и обмана. «Эрих – Мария» прорывается и разозлится, но терпеть унижение не будет.

Она гордая, как и Мака из рассказа «Удостоверение личности», в которой внезапно просыпается ее генная прамактерь. Ведь и прамактерь тоже привязана косями к дереву, как любая женщина. А когда некого любить, некого жалеть и кормить, как на кухне у Шурки, эта женщина способна родить в этот бедный мир даже то, что можно потом любить, хоть птеродактиля. Лишь бы он был живой (Мария в «Любить птеродактиля»).

Женщина у Тайгановой не просто биологическое, но и этическое спасение мира. Она не себе старается, а окружающему, которое практически вымерло. Поэтому никакие экологии и технологии ее не задавят, она как русская Скарлетт будет вечно упираться и жить. Это греет. Сначала читатель будет содрогаться, а потом незаметно засмеется и все. Он уже получил свою дозу утешения. Горе – художник из повести «Ласковый лес» не жаждал ни любви, ни еды, но творчества. Получил и он, что хотел!

Языковое поле Тайгановой насыщено бытовым сленгом и музыкой чувств. Оно очень звучное и вместе с тем зримое. Каждое слово ревет сонатой и проникает в вас ультразвуком. Настоящий язык настоящей русской прозы.

Ираида Метляева (Вологда)
"Диалектика одиночества"

Когда — то . лет одиннадцать назад в Вологде существовал литературный кружок «Кентавр». К сегодняшнему дню только одна участница того круга продолжает с перерывами писать стихи. В конце 1993 года вышла ее книжка «Диалектика одиночества». Это знакомое очень многим имя. Вот одно из ее последних стихотворений.

*Август, мне скоро тридцать. За занавеской дождь,
А может быть шум в голове или капель из крана.
Я зову тебя целую жизнь, но ты не идешь
Ты говоришь: Нет, дорогая, еще слишком рано.*

*Но я стара, как пирамида или еще старей
Никого не люблю, но никому не даюсь в лапы
Меня понимал когда-то один еврей,
но потом он уехал и стал молодым папой.*

*Что же мне еще пожелать? Какую веревку свить
из оставшейся жизни? В какую свалиться бездну?
Сделаться шлюхой, а потом, может быть,
опять — честной женщиной или совсем исчезнуть.*

*К сожалению, Август, годы свое берут
Скоро и ты, дорогой, разменяешь шестой десяток.
Интересно, какой ты теперь, все тот же шут
с дипломатом и заходишь повсюду без взятки.*

*Я тебя не ревную, милый, твои мечты
и твои любовники все позади, не так ли?
Но может быть, что-то осталось. Наверное ты
Все тот же несносный любитель играть спектакли.*

*Одиннадцать лет прошло с того сентябрьского дня,
А ты все играешь или оставил сцену.
Но в общем, не важно. Зайди взглянуть на меня,
Я стала лучше, клянусь. Ты удвоишь мне цену.*

Это не исповедальное стихотворение, как может показаться сначала. Слишком много символов, подсказок, аллюзий и, главное, загадок. У исповеди же не бывает загадок.

Август здесь представляется как персонафицированное обращение к веку классической литературы (Augustan) и классического искусства, золотому веку, вызывающему благоговение. И одновременно восьмой месяц года, в десятичном исчислении как раз «шестой десяток» века. Века творчества, созидательной плодотворной жизни. «Диалектика одиночества» развилась в созревший плод, готовый упасть в августе.

«Я старая, как пирамида». Где? Конечно, в Египте. Еврей уехал от пирамид куда? Конечно в Израиль. Еврей, совершивший исход из Египта по Библии совершил драматическое, но необходимое с благословения Бога действие. Им же данный дар творчества — это очищение и грех, грехопадение. И «стать честной женщиной» — как синоним — «не писать стихов», не «грешить». И если она не «попала в лапы», то это означает независимость поэтического мышления от кого бы

то ни было в творческом смысле.

«Шут с дипломатом, играющий на сцене, входящий повсюду без взятки». Конгломерат дефиниций, творящий непонятный и неопределенный образ. Если это действительно актер, то он не может ходить с дипломатом. Но шут с дипломатом может сформировать только один образ — рекламного агента! Он действительно ходит с дипломатом и входит повсюду без взятки. Он не пойдет туда, где нужно давать взятки. Что же делает рекламный агент в стихотворении? Какую коммерцию он предлагает? Находясь, тем более в предпенсионном возрасте («разменял шестой десяток»). Почему автор, обращаясь к нему, говорит: «Ты удвоишь мне цену!» Значит ли это, что обращение к золотому веку искусства происходит с убежденностью своего права связать глаубокое прошлое и современные реалии как постоянно дорожающий («обрастающий процентами») антиквариат в эпоху постмодернизма?

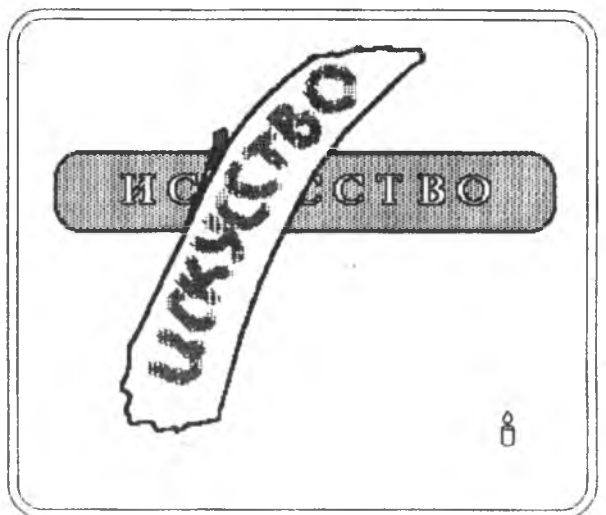
Классический золотой век искусства давно прошел. Как и серебряный. И человек, знакомый со всеми этими веками, живущий на границе третьего тысячелетия, живущий не с намерением участвовать в возрождении этого века, а с потребностью творчества, обращается к прошлому, чтобы привлечь к себе внимание того самого прошлого.

Это не биологический инстинкт, известный в живой природе («абы кто услышал»), а обращение к скрытому, невидимому, прошедшему, которое так далеко, что не обнаруживает причинно-следственных связей с настоящим. Это все содержится в стихе: это было так давно, одиннадцать лет назад, что теперь «в общем не важно», пишет автор. Как неважно «играешь или оставил сцену», «шум в голове или капель из крана», «сделаться ... честной женщиной или совсем исчезнуть». Впрочем, на последнее дан определенный ответ последней же строкой стихотворения.

Якорь заброшен в глубинах веков, в бездне времени, как бы туда не свалиться. Тридцать лет, шестой десяток, одиннадцать лет — веки времени, я зову тебя целую жизнь, но еще слишком рано. Категорией времени и отношением к повятию «скоро» с большим недовольством, даже с ненавистью, провизано каждая строка. А шут с дипломатом, то бишь рекламный агент добавляет в переоценку ценностей свое влияние, основанное скорее на инфляции чувств. И этим вызывает к себе такое же отвращение или равнодушие: «не люблю, не ревную». В общем, многим это стихотворение не понравится. Все качественные характеристики в нем негативны. Редукция высоких чувств, достигла здесь грани, за которой проступает неприличие. Но это смотря с какой стороны. Современное искусство существует, и для него характерно не только это.

*Любопытно, что у британской группы «The Human League» есть песня с такими словами: «Я высокий, я высокий, я самый высокий в мире, скоро я поеду в Египет и буду там пирамидой!» Кстати, известно, что пирамида своей особой формой улавливает космическую энергию. Недаром пирамиды считаются восьмым чудом света.

Сергей Фаустов

ЗОЛОТО НАТАЛИ ГОЛДБЕРГ

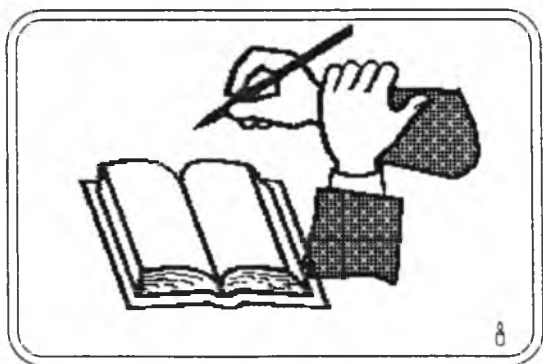
" Как вы отдохнули летом? Вам наверняка приходилось отвечать на этот вопрос раз сто, в том числе и письменно. Впервые вы попытались это сделать в школе, как это делала и я. Долго зачеркивала глаголы "пошла, поехала, полетела", подавляла в себе желание выглядеть посимпатичнее и в конце концов выдавала очередной штамп об игре в софтболл, подчеркнув, что это было интересно и весело, в общем, летом было хорошо...

Никогда не употребляйте слово "хорошо", ибо оно пустое. Проблема летней темы могла бы решаться интригующе, если бы учитель потребовал от вас полной правды. А в противном случае вы старались угадать, за что вас похвалят, не так ли? Выдумывали всякую чепуху.

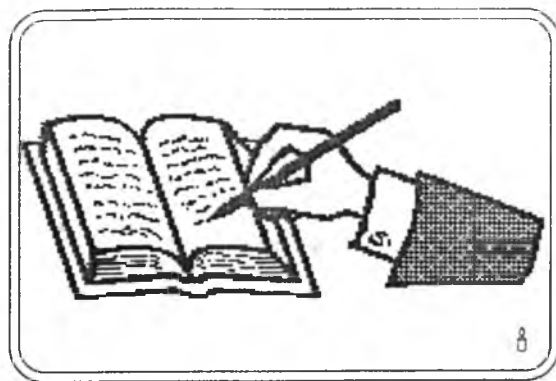
Можно было бы зажмуриться и писать: " Все лето я питалась одним шоколадным печеньем и валялась на диване, собирая картинку Гавай из двух тысяч кусочков. Отец сидел в одних трусах, отмахивался от комаров и попивал пиво. Брат занозил палец и он у него распух как у слона. А мать выкрасилась в рыжий цвет и каждый вечер сбегала из дома к мужчине по имени Чарли, предварительно дожидаясь, пока отец напьется до бесчувствия." Ну как, не очень страшно? Продолжайте, все идет как надо. Ничего не вычеркивайте. Позовите на помощь товарища или близкую подружку, пусть они вас похвалят и поддержат. Не думайте о том, что скажет учитель. Вышлесните наконец все как есть. Вы же приятный человек, вам не хочется врать. И вы никого не убили, не обидели. Только попытались сказать правду.

Почему это обязательно должно быть плохо?

Это любопытно уже потому, что не доставляет вам досады и скуки, это ведь кусочек вашего прошлого. А может быть, вам из всего лета запомнилось лишь то, что ваш приятель или подружка при поцелуе засовают вам в рот язык и это вышибло все остальное? Что ж, это тоже ваша история. Не пренебрегайте ею. Вспомните все по деталям и вы удивитесь: набралось гораздо больше, чем если бы вы просто "сочиняли". Опыт всегда лучше выдумки."

Это Натали Голдберг, американская писательница, ведущая семинаров по развитию творческих способностей. В Европе и Америке ее считают представителем литературы нью-эйдж. Нью-эйдж — это особое направление мировой литературы, передающее все идеи через личные переживания человека. Оно отличается глубоким философским подходом, предельной эмоциональностью и неприятием творческого эстетства.

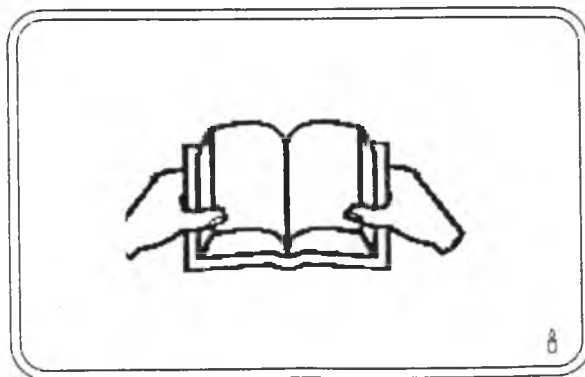

Сама Натали написала несколько книг. Отрывки из произведений "Писать, добравшись до костей" и "Буйное сознание" публиковались в России в журнале "Путь к себе" — номер 2 за 1993 год. Отрывок из книги "Тихая магистраль" повествует о случае из жизни Натали, который перевернул сознание и помог ей найти себя. Она работала учительницей в очень тяжелом классе и поняла, что запреты и подстегивания на учеников не действуют. Тогда она решила всю неделю водить их гулять за пределы школы, под дождь, в кооператив. Необычное поведение учительницы разрушило перегородки между ней и классом, сломало образовательные каноны, они подружились.

"Не бойтесь себя, вы очень талантливы!" — утверждает Натали.

Вот шесть золотых правил Натали Голдберг, которые помогли ей и помогут многим. Итак...

- 1 — пусть рука не останавливается, даже если вы сели за стол на десять минут и боитесь, что упадет бомба
- 2 — избавьтесь от контроля над собой, не слушайте внутреннего редактора
- 3 — будьте точней (не птица, а крапивник, не дерево, а береза)
- 4 — не волнуйтесь по поводу пунктуации, ошибок,
- 5 — не думайте много, не теряйте первую реакцию,
- 6 — не бойтесь, вы имеете право написать такую дрянь, какой свет не видывал (ни в вашем городе, ни в вашей стране, ни в мире).

В литературно-музыкальной гостиной ЦГБ слушают музыку, обсуждают новые книги

но главное не это...

На обсуждении книги А. Драчева "Сон" родилась мысль, что противоречие между бытовым и духовным разрушает повесть. Автор считает - это не лучшая его вещь.

Александр Драчев, Михаил Сопин, Галина Щеккина

Впервые в городской центральной библиотеке была открыта выставка "Звезда самиздата". Экспонаты - философские, критические, музыкальные труды вологодских авторов - стали основой специального отдела ЦГБ.

Михаил Жаравин и Ираида Метляева

За пять лет наладчик Михаил Жаравин превратился в писателя, которого заметил Василий Белов. Поймут ли друг друга прозаик и поэт Жаравин

Заседание ЛИТО "Ступени" по творчеству Михаила Жаравина. Анатолий Дорин, Юрий Леднев, Юрий Каранин, Александр Рычков, Михаил Жаравин.

Выставка самиздатской литературы в ЦГБ

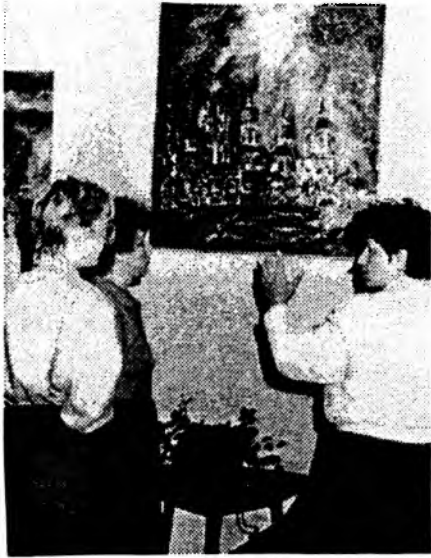
Фото Капитолины Островской

и поэт Метляева, которые пишут разному? Литературные споры идут, открываются новые истины. Это и есть путь к пониманию.

ПО-

Открывают выставки живописи и графики, читают стихи и поют под гитару среди картин и цветов

Фото Капитонины Островской

Обсуждение картин Татьяны Шмелевой "Старый монастырь" и "Дерево"

около 10 тысяч, Т.Шмелева около 100, но если у Шмелевой это поток, то у Обориной эксклюзив, миг невозвратный. В гостиной выставлялся В. Шекун, родившийся как явление культуры и Л.Стариков, перехитривший культуру с помощью законов рынка.

На музыкальном концерте

Ольга Оборина и ее работы

Стихи поэтов серебряного века зажили новой жизнью в программе музыкального училища, а стихи Эльдара Рязанова потрясли обвальную грустью в песнях барда В.Попова. Стихи не вино, которым угощают гостей на выставке, но опьяняют еще больше. Здесь в гостиной вы услышите и увидите то, чего нет нигде. Искусство требует соответствующей атмосферы. Ее и пытаются создать в новой литературно-музыкальной гостиной.

Валерий Попов, фото Евгения Соколова

Владимир Б.

Владимир Б.

Перед вами
фотография
памятного
места

Придумайте
рассказ,
стихотворение,
роман,
фельетон —
все, что угод—
но (по форме
и по содер—
жанию), что
приходит в
голову, когда
вы смотрите
на эту фото—
графию.

Готовое вы—
шлите в наш
адрес. Мы
подведем
итоги.
С лучшим
автором будет
заключен
**издательский
договор.**

Юр.

моральный кодекс
 строящихся
 будущих миров
 Век не метил в
 ближнего
 нет кукиша за
 паузой
 я рад любому
 встречному и
 мартовским котам
 куда ж скажите
 сгинули
 веселые приятели
 зеленые и сонные
 летим ко всем
 чертям
 Ты помнишь как мы в
 сумерки кричали в
 пасть прожектора
 и после вдоволь
 вечера и страшный
 гололед

Архив автора

покаемся ж и
 выбросим и выпьем за прошедшее
 покуда целы крылышки продолжится
 полет

Бедная фея каждое утро
 в ражовость вставляя скрипку ключа
 помнит рождение перламутра
 но не приходит, а может крича
 трубная песня шампанского золота
 режет ей уши и лезет в пальто...
 Сказка вчерашнего подорожания
 тяжесть кареты и снова не то
 С елки споркнуло как пыль мотыльковая
 сбив напоследок короны овал...
 Я там присутствовал бедствовал
 пьянствовал
 был но к несчастью не узнавал

Огни на целом свете, во вселенной-
 Горит огнем твоя былая связь,
 Свинарники, дворцы и коновязь...
 Не согривая душ, горит огонь
 нетленный.
 Не будет ничего, одна расплата
 Как музыка, как пепел календарь
 Не даст нам потерять, и не ударь
 По музыке теории возврата.
 На целом свете, во вселенной жить
 Гораздо проще, если немые руки,
 Они еще живут, а вот заслуги
 Пускай себе горят одним огнем.
 Тепла не будет в праздниках моих,
 Тепла не будет, если столько света
 Распотрошат на части и планета
 Без тени на двоих. Прости, пусть все
 горит..

Жил - еще не значит был
 Был - еще не значит выжил
 между щелями стропил
 между мыслями извил
 Пел - еще не значит смел
 смел - еще не значит выпил
 сжавшись меж летящих стрел
 между ввысь летящих выпей
 Ждал - еще не значит звал
 звал - еще не значит скучно
 я все это написал
 ну а ты дурак послушай

О завтрашний день свой оставит след -
 Быть может, еще одну неудачу?
 В проломах неба то снег, то свет,
 Но я уже не смогу иначе.
 Стучится ветер в мое окно,
 Усталый дождик о чем-то плачет.
 Наверно, детство уже прошло,
 А я уже не могу иначе.
 Неужто опять из кромешной мглы
 Усталый путник куда-то скачет?
 Пол-жизни прожито, сплошь углы
 И я уже не смогу иначе.

Где суровость авторского суда ?

В подборке 16 стихов шексинского автора Евгения Широкова. Указано, что они взяты из двух тетрадей. Поэт па пороге тридцатилетия, это время зрелости и осмысления того, что удалось уже сделать. Но фраза о том, что «уровень — вопрос второй» изобличает полное сожаление что — то осмыслить. Да, понимание окружающих значит очень много. Творить в доброжелательной, чуткой атмосфере хотелось бы каждому. Но это не значит, что надо заболеть «звездным вирусом» и пускаться все на самотек. Автор судит себя строже всех — старая истина. Но Евгений, кажется, совсем нетребователен, он всем доволен в себе и даже признается — «я не смогу иначе». А жаль.

Явная расхристанность проступает в стихотворении «Отменяю законы физики...». Кроме желания «сигареты в пасть» и «в поэты попасть» там нет ничего. Тот же кураж и в других стихах. Прощая глупость, каприз, легко простить зло. Чем — то встревожило стихотворение про убитого медведя — «Сегодня очень приукрасила меня...». С одной стороны, героя задела кончина Топтыгина: «Плеснуло кровью — хлынет эхо по земле...» А с другой стороны, он лишь скушный наблюдатель, сидит, скользит взглядом по тем, кто жует «вкусную котлетную удачу».

Стихотворение «Давай вой то зеленое покрасим клеткой розовой» приходится читать несколько раз, чтобы понять, о чем идет речь. Набор слов, набор фраз, шокирующих и сбивающих с толку, если пад ними думать. Но это потому, что они случайны — сам автор Евгений Широков над ними не думал, швырял наудачу первые попавшиеся. Курортные порхания хиппиющей парочки напояют тоску и па героя, и па читателя. А как иначе? Герой рад мартовским котам, мечтает попасть в Адлер, потому что там «тепло и можно без штанов». Остается только «налить полней» и уж тогда можно что угодно орать в прожектор, а также рисовать розовым по зеленому и «лететь ко всем чертям...». Еще бы тут не устать «от жизни бешеной!» Устанешь, волком завоеешь, а в конце концов переутаешь, что значит «веровать и воровать».

Автор иронически ушомянул об очищении, о моральном кодексе, который может разверзнуться (подобно яме). Уж какое там очищение. Неряшливость, неразборчивость, расхлябанность, граничащие с безумием. Что могут такие стихи дать моим ученикам, которые и так не наделены особым интеллектом, сами готовы налить, орать, «отгацуться»?.. Быть возвышенным и умным — трудно, вот люди порой и утверждают себя топорным и диким образом.

Не стоит, конечно, рассматривать стихи как поведенческие прописи, требовать от автора, чтобы он «делал красиво». Но очевидно, что сам автор не чужд высоким чувствам, возможно, даже читывал по молодости Баратынского или Мицкевича. Творения самого поэта Широкова можно назвать — по меткому выражению одного митературоведа — лишь «плохонисью». «С одной сигарой в пасти в поэты не попасть», молодой человек.

Тамара Сизова

О ПОВОДЫРЬ ФЕИ

Вот уже пять лет существует в Шексне поэтический клуб «Январь», объединяющий людей осенней и стихотворной силой.

Его участники неоднократно приезжали в Вологду по приглашению вологодского КСП «Откровение». А шексинская группа, прибывающая на Петух на ежегодный слет бардовской песни, самая веселая и многолюдная (суп на костре варят ведрами Среди них Олег Кукса, Александр Лайминг, Виктор Муравьев и Евгений Широков, единственный «говорящий» среди ноющих.

Евгений читает просто, естественно, тихо. И стих его летит нежен и весел: «Бедная фея каждое утро...» Слушать радостно. Правда, есть технические дыры, приблизительные рифмы, которые встречаются буквально на каждом шагу. «Подъем — слон», разве это рифма? Так и хочется переправить «объявлю душевный подъем» на «душевный упадок вон». Далее «мир — объектив», «дни — корабль», «дно — мое». Иногда даже кажется, что это вообще сплошной белый стих безо всяких рифм. Но нет, потом рифмы опять появляются и бедурные.

Есть сбои уровня обращения: после «мы» вдруг «ты». Есть растягиванье стиха там, где он логически должен кончатся. То есть сумятица и волшебные сердца у Широкова незаметно переходят в сумятицу речевую.

Как человек и автор он становится пригизателем в момент озорства. По крайней мере три стиха этой подборки ироничные. Значит, не заносчив, не чванлив. Он значителен попыткой объяснить, что же происходит, что такое белый свет и сам он па этом белом свете. Для этого он применит прием толкования извечных истин, перевода их на свой смятенный взволнованный язык. Той же цели служат стихи исповедального плана. Там он описывает себя и что ж? Получается довольно яркий образ. Романтик — одиночка, чужак не от мира сею. Романтика — это отдаление от предмета на расстояние, достаточное для его обозрения (Михаил Авчаров). Широкову удалось оторваться от грубого бытия для того, чтобы его обозреть. Многие возможные упрёки в свой адрес он предугадал.

Особое место занимает стих про фею. В нем есть ощущение, знакомое каждому, это ощущение близкого пропущенного счастья, олицетворение которого — бедная фея. И герой, сам такой же, как и она, единственный, кто мог стать ее поводырем и защитником, ее проморгал. Поводырь феи, бедунн собственной печали, Евгений Широков пишет слова не ради слов, а ради ясности, честности, чистоты, чтобы видна была пропасть между идеалом и реальностью.

Чтобы жить с открытыми глазами, но познать высшее.

Галина Щекина